С. Хрулев.

Суд присяжных..

У 43/112

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СУДОВЪ

И

СУДЕБНЫХЪ ПОРЯДКОВЪ.

Сергія Хрулева.

С.-Петербургъ.
Типографія Правительствующаго Сената
1886.

13860-0

2007339140

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Очеркъ дѣятельности судовъ и судебныхъ порядковъ.

Pro domo sua.

Всѣмъ извѣстно какими сложными условіями обставлена дѣятельность судебныхъ слѣдователей и обвинительной власти, въ томъ числѣ и обвинительныхъ камеръ, каковыя условія, главнымъ образомъ и являются ближайшими причинами иногда справедливыхъ нареканій на суды. Дѣятельность судовъ проявляется еще при болѣе сложныхъ условіяхъ и при цѣломъ рядѣ формальностей, необходимыхъ въ общихъ интересахъ дѣла, дабы устранить произволъ въ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, и иногда весьма важныхъ въ интересахъ отдѣльныхъ дѣлъ. При томъ дѣятельность судовъ имѣетъ еще одну особенность, замѣчаемую также и въ дѣятельности судебныхъ слѣдователей и обвинительныхъ камеръ, но не въ такой рѣзкой формѣ. Ежедневно приходится наблюдать, что преступленія остаются необнаруженными или обнаруженными не вполнѣ, несмотря на всѣ усилія слѣдственной власти; это наблюдается не только у насъ, гдѣ нѣтъ никакихъ средствъ для разслѣдованія дѣла, но и въ западныхъ государствахъ, гдѣ существуетъ организованная полиція и гдѣ не жалѣютъ средствъ на раскрытіе преступленія. Дѣла о необнаруженныхъ преступленіяхъ до суда не доходятъ, но не вполнѣ раскрытыя преступленія очень часто появляются на судѣ,

возбуждая массу сомнѣній не только относительно фактической виновности подсудимаго, но также и относительно поводовъ къ совершенію преступленія. Такое дѣло судъ непремѣнно *долженъ* разрѣшить на основаніи собраннаго судебною властью матеріала, ибо судъ не можетъ быть въ роли ученаго изслѣдователя научнаго факта и не можетъ отложить разсмотрѣніе дѣла на неопредѣленное время, пока оно не выяснится. Поэтому очевидно, что приговоры судовъ не могутъ удовлетворять всѣхъ. Если въ средѣ судей и присяжныхъ засѣдателей, слушающихъ дѣло съ напряженнымъ вниманіемъ, изучающихъ дѣло, часто являются разногласія о существѣ дѣла и о подробностяхъ его при рѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго, то еще болѣе разногласій *по каждому дѣлу* должно быть въ средѣ общества, знакомящагося съ нимъ не непосредственно, а по отчетамъ. Отчетъ не можетъ передать тѣхъ неуловимыхъ особенностей участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, которыя главнымъ образомъ и производятъ впечатлѣніе. Поэтому даже и по вѣрно составленному отчету очень часто понятіе о дѣлѣ слагается не вѣрное. Публика, присутствующая въ судѣ, точно также не всегда получаетъ правильное понятіе о дѣлѣ. Сочувствуя или несочувствуя тому или другому положенію на судѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя не за всѣми обстоятельствами процесса, а за отдѣльными эпизодами и перепетіями его, большинство публики получаетъ не цѣлостное, а отрывочное впечатлѣніе о дѣлѣ, связываемое и дополняемое разсказами другихъ о своихъ впечатлѣніяхъ, и воображеніемъ. Но если публика, присутствующая въ судебномъ засѣданіи, и все общество, знакомящееся съ дѣломъ по отчетамъ, *не всегда* получаютъ правильное понятіе о дѣлѣ *и не всегда* могутъ правильно судить о томъ, то почти никогда не могутъ судить правильно о дѣлѣ подсудимые, потерпѣвшіе и люди близкіе имъ, ихъ родные и друзья. И тѣ, и другіе слишкомъ субъективно относятся къ дѣлу, чтобы могли правильно судить о немъ, ибо судъ, разрѣшая дѣло, неминуемо долженъ нарушить интересы подсудимаго или потерпѣвшаго и потому, въ

каждомъ дѣйствіи слѣдователя, защитника, прокурора, присяжныхъ и суда, они склонны видѣть неправильность или пристрастіе. Изъ всего этого очевидно, что приговоры судовъ *не могутъ* удовлетворить всѣхъ и что какіе бы то ни были суды, всегда были, есть и будутъ недовольства на судъ и его органы. Но такъ какъ суды и его органы состоятъ изъ людей, которые не могутъ иногда не ошибаться, то, очевидно, на суды нареканія должны падать довольно часто. При нормальномъ порядкѣ вещей, когда организація судовъ удовлетворяетъ все общество и когда все общество относится къ суду съ довѣріемъ и уваженіемъ, нареканія на судъ имѣютъ такъ сказать, характеръ частичный, а не общій, нареканію подпадаютъ отдѣльныя личности изъ судебныхъ дѣятелей, но не сами суды, какъ таковые. Это мы видимъ въ другихъ государствахъ, гдѣ отдѣльныя дѣйствія слѣдователей, прокуроровъ и судей порицаются и жестоко осмѣиваются, но гдѣ никто, а тѣмъ болѣе серьезный уважаемый авторъ, не позволитъ себѣ бросить упрекъ цѣлой организаціи или осмѣивать судъ и его органы въ какомъ либо фельетонѣ, съ цѣлью унизить насмѣшкою всю судебную корпорацію.

Такъ бываетъ при нормальномъ порядкѣ вещей, но не такъ бываетъ, если судъ не удовлятворяетъ хотя бы не большой, но высшей части общества,—или неправильной организаціей самого порядка суда, непринаровленнаго къ условіямъ общественной жизни, или не вполнѣ согласованнымъ съ мѣстными условіями порядкомъ дѣйствій, или неудобствомъ нѣкоторыхъ частностей процесса, или, наконецъ, тенденціями, господствующими въ судѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ впечатлѣніе, производимое судомъ, будетъ другое. Судъ такъ тѣсно соприкасается съ интересами общества и всѣхъ лицъ, прибѣгающихъ къ нему, что всякая, даже отдѣльная неправильность дѣйствій суда и его органовъ, вызываетъ недовольство; если же неправильности повторяются часто, вслѣдствіе указанныхъ нами причинъ, то, очевидно, они вызываютъ еще большее недовольство, раздраженіе противъ судовъ, когда недовольные не обращаютъ вниманія, что вызываетъ неправиль-

ныя дѣйствія: характеръ ли дѣятельности судебныхъ лицъ, или условія дѣятельности ихъ, часто непредотвратимыя. Недовольство не можетъ прекратиться само по себѣ, разъ причины, вызывающія его, остаются; напротивъ, оно должно расти, такъ какъ не можетъ не увеличиваться кругъ лицъ, недовольныхъ судомъ. Мало по малу недовольство ростетъ и незамѣченное во время должно вырваться наружу, должно вызвать борьбу, какъ только будетъ данъ къ этому толчекъ.

Совершенно тоже мы видимъ и у насъ.

Тринадцать лѣтъ дѣйствовали наши суды, открытіе которыхъ нетерпѣливо ожидалось обществомъ и встрѣчалось съ восторгомъ; тринадцать лѣтъ, кромѣ небольшой части общества, немирившейся съ новымъ порядкомъ вещей, всѣ были довольны судами и противъ нихъ не раздавались голоса. И вдругъ, пять лѣтъ тому назадъ, для многихъ совершенно неожиданно, возгорѣлась борьба противъ судовъ, борьба, которая въ послѣднее время дошла до неслыханныхъ размѣровъ, когда суды стали обвинять, что они не только не удовлетворяютъ своему назначенію, но развращаютъ общество; когда судъ сравниваютъ съ кабаками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ невѣроятныхъ софизмовъ стараются доказать, что суды посягаютъ даже на прерогативы верховной власти.

Мы сказали, что борьба противъ судовъ для многихъ была неожиданностью, это вѣрно; но многіе предусматривали ее съ самаго начала и ожидали ее какъ неизбѣжность, рано или поздно долженствующую наступить.

Суды были введены у насъ въ то переходное время общихъ реформъ, общей быстрой ломки, когда общество охватила горячка желаній новаго и стремленій, о которыхъ не всегда отдавали себѣ ясный отчетъ; это было время теорій, не всегда соображаемыхъ съ дѣйствительностью. Увлеченіе было такъ сильно, что никто не могъ высказать своего голоса противъ него. Въ это-то переходное время созидался законъ 20 ноября 1864 г. Очевидно, судебные уставы должны были нести на себѣ слѣды своего времени и несмотря на то, что ихъ создали и обсуждали окончательно

люди, знакомые съ дѣйствительностью, въ нихъ не могло не проглядывать желаніе подчинить мѣстныя условія теоретическимъ соображеніямъ. Впрочемъ, это происходило еще и отъ того, что наша дѣйствительная жизнь, по своему разнообразію въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, была незнакома даже практикамъ (какъ невѣдома имъ она и теперь) и они не могли вполнѣ уловить тѣхъ основныхъ частностей, которыя составляютъ характеристическую черту общественной жизни данной мѣстности.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новый судебный порядокъ, несмотря на несоотвѣтствіе свое въ частностяхъ съ условіями общественной жизни, какъ нельзя болѣе привился бы ко всему обществу и что все общество освоилось бы съ нимъ и полюбило бы его, такъ какъ судебные уставы все-таки представляются замѣчательнымъ законодательнымъ памятникомъ, имѣющимъ всѣ необходимые для того задатки. Но на бѣду для судовъ, судебная реформа вводилась при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Судебные уставы обрушились на общество врасплохъ, когда многіе не успѣли еще придти въ себя послѣ освобожденія крестьянъ. Впечатлѣніе усиливалось другой одновременной реформой — земствомъ, а за нею виднѣлись пугавшіе призраки и другихъ реформъ. Быстро копалась могила старому порядку, а между тѣмъ приверженцамъ его хотѣлось еще жить, съ той властью и съ тѣмъ положеніемъ, въ которыхъ они выросли и воспитали свои воззрѣнія. Ихъ манили частности старой системы и старая жизнь, которыя сроднились съ ними и отъ которыхъ отрѣшиться имъ сразу, по мановенію пера, было невозможно. Преклоняясь наружно предъ новыми порядками и идеями, они внутренно, очивидно, не могли быть довольны ими. И вотъ среди такого общества—одна часть котораго стремилась къ новому и требовала новаго, а другая недовольно смотрѣла на новые порядки и вздыхала о старыхъ, приходилось новымъ судамъ проявить свою дѣятельность и иногда ею примирять несогласимые интересы. Задача для судовъ была трудная, и еще болѣе затруднялась тѣмъ, что у насъ не было подготовленныхъ для но-

ваго суда дѣятелей. Судебной корпораціи у насъ не было; ее нужно было создать изъ небольшой горсти людей, впервые призванныхъ въ качествѣ судебныхъ дѣятелей, и создать въ нѣсколько лѣтъ. Общество, видя результаты новаго суда и сравнивая его со старыми судами, нетерпѣливо ждало открытія новыхъ судовъ, требовало этого, посылало просьбы, петиціи. Въ теченіи четырехъ лѣтъ было открыто сорокъ шесть судовъ, съ тысячнымъ персоналомъ. Если многіе изъ судебныхъ дѣятелей были очень неопытны въ совершенно новомъ для всѣхъ дѣлѣ, то за то вся судебная корпорація была одушевлена желаніемъ честно служить дѣлу суда, которое они полюбили. Первые судебные дѣятели получая другое назначеніе изъ московскаго и петербургскаго округовъ, вносили въ новые суды тѣ традиціи чести и идеи порядочности, которыя всегда будутъ живы среди суда. Каждый справедливый человѣкъ, знающій истинное положеніе вещей, подтвердитъ, что благодаря именно этой порядочности и честности направленія судебнаго сословія, дѣятельность ихъ, при тяжелыхъ условіяхъ, была настолько благотворна, что громадное большинство общества оцѣнило ихъ, сроднилось съ судами, полюбило ихъ и относится къ нимъ съ довѣріемъ и уваженіемъ. Да и какъ же мѣстному обществу можно было относиться къ суду иначе?—Результаты дѣятельности его очевидны.

Суды сослужили свою службу обществу. Но какъ мы уже указали, нѣтъ суда, который могъ бы удовлетворять всѣхъ; недовольные судомъ всегда будутъ, въ силу самаго характера дѣятельности суда. Не только ошибка суда и его органовъ, но большинство законныхъ и справедливыхъ дѣйствій ихъ вызываетъ страданіе или непріятность въ обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ. А наши суды должны были вызывать еще большія неудовольствія, такъ какъ лица судебнаго вѣдомства, не имѣя за собою твердыхъ традицій и опыта прошлаго, естественно должны были совершать ошибки, несмотря на все желаніе избѣжать ихъ, на стремленіе честно и порядочно служить дѣлу. Дѣло суда было слишкомъ новое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ слож-

ное, чтобы невольныя ошибки не проявлялись. Но на бѣду, кромѣ неизбѣжныхъ ошибокъ судебныхъ дѣятелей, обществу очень часто приходилось наблюдать и испытывать ошибки суда, происходившія не по винѣ судебныхъ дѣятелей, а благодаря условіямъ дѣятельности ихъ, несогласованнымъ съ требованіями общественной и государственной жизни. Общество, незнакомое съ частными постановленіями закона, играющими иногда серьезное значеніе въ процессѣ, а иногда забывая условія дѣятельности органовъ власти, не разбираетъ причинъ, порождающихъ ошибки суда, и всецѣло относитъ ихъ къ винѣ суда; въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Усмотрѣть и анализировать причины ошибокъ суда, при сложности ихъ и условій дѣятельности суда, слишкомъ трудно, чтобы все общество могло сознать ясно — вызываются ли ошибки судовъ условіями ихъ дѣятельности или характеромъ самой дѣятельности. Общество испытываетъ на себѣ ошибки суда и относитъ ихъ къ винѣ суда, ни мало не заботясь разъяснять, кто виноватъ въ этихъ ошибкахъ. Немудрено, что число недовольныхъ судомъ все увеличивалось. Если бы въ извѣстное время постарались изслѣдовать причины недовольства судомъ и устранить ихъ и если бы суды во время были бы поддержаны, то разумѣется всѣ недовольства рушились бы сами собою. Но къ сожалѣнію, ни того, ни другаго своевременно сдѣлано не было и потому нуженъ былъ только толчекъ, чтобы недовольство, мало по малу накоплявшееся, вылилось наружу и чтобы горсть (мы говоримъ „горсть“, сравнительно со всѣмъ обществомъ) недовольныхъ подняла борьбу противъ судовъ. „Всякій споръ приноситъ пользу“; онъ разъясняетъ дѣло. Такъ и борьба приноситъ дѣлу пользу, заставляя обратить вниманіе на всѣ слабыя стороны ея. Но дурная сторона борьбы та, что она вноситъ въ споръ неумѣренную страстность, которая не разъясняетъ дѣло, а напротивъ затемняетъ его, и въ концѣ концовъ приводитъ къ тому, что къ этой страстности относятся съ недовѣріемъ. Такъ случилось и у насъ. Сначала всѣ нападки на судъ имѣли реальную почву, но затѣмъ, мало по малу, ничѣмъ и никѣмъ не

сдерживаемая борьба перешла границы возможнаго и полезнаго и вмѣсто серьезнаго, обстоятельнаго и справедливаго разсмотрѣнія слабыхъ сторонъ вопроса, ничего не объясняя, стала по просту громить суды.

Борьба идетъ, суды бранитъ кто хочетъ и сколько хочетъ, лишь хватило бы силъ и умѣнья браниться. „Судъ правый, скорый и милостивый!“ иронически только и слышно въ спорѣ. А почему судъ нескорый и неправый—никто не думаетъ объяснить, никто не возьметъ на себя труда разъяснить—виноватъ ли въ этомъ судъ и не слѣдуетъ ли винить не суды, а условія дѣятельности ихъ?

Но въ этой борьбѣ, несмотря на всю ея страстность и неумѣренность, есть очень хорошая сторона: она заставила насъ оглянуться на самихъ себя, вдуматься въ свои дѣйствія, проконтролировать себя и, наконецъ, вызвала - таки сознаніе необходимости избавить суды отъ нареканій, уничтоживъ условія, которыя главнымъ образомъ вызываютъ ихъ.

Вотъ почему, мы, съ своей стороны, считаемъ своевременнымъ и не лишнимъ остановится на томъ, что дѣлается въ нашихъ судахъ и представить точную картину дѣятельности и условій дѣятельности судовъ и его органовъ, насколько все это вліяетъ на самое дѣло суда и даетъ право говорить противникамъ съ насмѣшкой „судъ правый, скорый и милостивмй!“ Наши правдивыя и безпристрастныя указанія помогутъ разобраться въ спорномъ вопросѣ и уяснить себѣ его.

При этомъ мы считаемъ необходимымъ оговориться.

У насъ вообще принято говорить о какомъ нибудь явленіи общественной жизни или о желательныхъ измѣненіяхъ установленнаго порядка не иначе, какъ приводя факты изъ жизни другихъ народовъ, сопоставляя ихъ съ нашими учрежденіями и разъясняя вопросъ съ теоретической стороны и особенно исторической. Это до такой степени вошло въ обычай, что статьи безъ подобныхъ замѣчаній, ссылокъ и со-

поставленій встрѣчаются исключительно рѣдко. Мы въ своемъ очеркѣ не будемъ слѣдовать этому обычаю, а напротивъ, будемъ избѣгать всякихъ сопоставленій дѣятельности нашего суда и его органовъ съ дѣятельностью судовъ иностранныхъ и съ доктриной, и вотъ почему. Нашъ очеркъ имѣетъ чисто практическій характеръ, а условія дѣятельности нашего суда и иностранныхъ такъ различны, что сопоставленіе ихъ невозможно, какъ невозможно сравненіе двухъ совершенно различныхъ предметовъ или фактовъ. Знакомые съ условіями дѣятельности и съ самою дѣятельностью иностранныхъ судовъ и ихъ органовъ, вѣроятно, согласятся съ нами. Хотя судъ присяжныхъ и нѣкоторыя черты иностранныхъ судовъ и служили типомъ для нашихъ судовъ, но тѣмъ не менѣе послѣдніе, и особенно его органы, подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ особенностей государственной и народной жизни, приняли нѣсколько иной характеръ дѣятельности, сравнительно даже съ тѣмъ, который имѣли въ виду судебные уставы. Знакомые съ дѣятельностью судовъ, предсѣдателей ихъ, обвинителей, защитниковъ и слѣдователей во Франціи, Англіи, Германіи, Испаніи и Австріи, должны знать, что въ каждой изъ нихъ характеръ ихъ, благодаря особенностямъ народной жизни, настолько различенъ, что дѣлать какія либо сопоставленія съ дѣятельностью нашего суда и его органовъ, *для практическихъ выводовъ*, не приходится, такъ какъ наша народная жизнь представляетъ массу *рѣзкихъ* особенностей, неотразимо вліяющихъ на все и, потому, придающихъ всему свой особенный характеръ.

Точно также если бы мы, напримѣръ, исторически прослѣдили развитіе адвокатуры со времени появленія ея, какъ таковой, въ Греціи, Римѣ, Византіи, Германіи, Франціи и Англіи, то мы могли бы вывести много интересныхъ заключеній относительно того, какъ развивалась идея защиты, какія стороны народной жизни особенно благопріятствовали или неблагопріятствовали развитію этой идеи и учрежденію адвокатуры, причину вліянія и почета адвокатуры въ Римѣ, и низкаго уровня ея значенія въ Греціи, гдѣ всѣ эти синегоры, парак-

литы и особенно логографы никакимъ сочувствіемъ общества не пользовались и позволяли себѣ такой торгъ совѣстью, какой немыслимъ теперь среди самыхъ беззастѣнчивыхъ людей, и т. д.; но все это, указывая на причины тѣхъ или другихъ явленій, не дало было намъ руководящихъ началъ, чтобы судить насколько требованія, предъявляемыя нынѣ къ нашей адвокатурѣ справедливы.

Во Франціи, напр, предсѣдатель позволяетъ себѣ возмутительное обращеніе съ подсудимымъ и свидѣтелями, у насъ подобное поведеніе предсѣдателя вызвало бы цѣлую бурю. Между тѣмъ мы видимъ, что французы, несмотря на получаемыя ими оскорбленія на судѣ, охотно идутъ въ свидѣтели и даже вызываются быть ими, а у насъ въ свидѣтели идутъ неохотно и каждый старается избѣжать это удовольствіе; въ Англіи предсѣдатель руководитъ присяжными и такое руководство считается полезнымъ,—у насъ оно по меньшей мѣрѣ, неудобно... Знакомство съ жизнью судовъ и его органовъ прежняго и настоящаго времени, въ связи съ доктриной, расширяя нашъ умственный кругозоръ, помогаетъ находить слабыя и хорошія стороны въ дѣятельности дѣйствующихъ учрежденій и потому, имѣетъ громадное значеніе при изслѣдованіи вопроса о согласимости съ условіями общественной жизни даннаго народа того или другаго учрежденія; съ этой стороны оно необходимо. Но изслѣдуя дѣятельность *нашихъ* учрежденій, мы должны, главнымъ образомъ, обращать вниманіе на соотвѣтствіе ихъ *съ нашей* жизнью и съ тѣми требованіями, которыя слѣдуетъ предъявить имъ *съ этой стороны*, *разсматривая их*ъ (учрежденія) какъ существующій фактъ.

Вотъ почему мы въ нашемъ очеркѣ, неимѣющемъ претензіи на ученый трактатъ, а преслѣдующемъ чисто практическія цѣли, будемъ говорить только о дѣятельности и условіяхъ дѣятельности нашего суда и его органовъ, насколько они, по мнѣнію нашему, удовлетворяютъ или неудовлетворяютъ правосудію, а слѣдовательно, и интересамъ общества, безъ сравненія ихъ съ дѣятельностью иностранныхъ судовъ.

I.

Даже истые защитники судовъ сознаютъ, что суды наши можно назвать скорыми, только по сравненію съ судами прежняго порядка, которые и не помышляли о возможности разсмотрѣть сложное дѣло въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, хотя и не были стѣснены массою формальностей, обязательныхъ для новыхъ судовъ. Дѣйствительно, чтобы ни говорили защитники судовъ во что бы то ни стало, но нельзя не признать, что судъ нашъ скорый—только по сравненію съ судами прежняго времени и далеко не скорый по сравненію съ временемъ, употребляемымъ на разслѣдованіе и рѣшеніе дѣла. А между тѣмъ общество вправѣ ожидать скораго суда, такъ какъ скорое рѣшеніе дѣла необходимо не только въ интересахъ отдѣльныхъ личностей —подсудимыхъ и потерпѣвшихъ, но и въ интересахъ общественныхъ, государственныхъ. Судъ, помимо карательной и воспитательной цѣли для преступника и помимо удовлетворенія правъ потерпѣвшаго, имѣетъ великую задачу, воспитательную, для всего общества. Раскрывая язвы общественной жизни, судъ указываетъ на общественное зло въ той или другой формѣ, онъ будитъ общественное мнѣніе и побуждаетъ общество на борьбу съ обнаруженнымъ зломъ. Скорое разсмотрѣніе дѣла судомъ, на преступника, неуспѣвшаго освоиться съ своимъ положеніемъ, привыкнуть къ нему, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе; потерпѣвшаго успокоиваетъ скорѣйшимъ удовлетвореніемъ его правъ и претензій, которыя часто бываютъ для него насущными, а обществу, большинство котораго не успѣло еще забыть о преступленіи, даетъ увѣренность, что нарушеніе закона дѣйствительно наказуемо. Все это очень хорошо извѣстно всѣмъ. Кромѣ того, извѣстно также, что откладываніе разрѣшенія дѣла въ долгій ящикъ, сопряжено съ рискомъ оставить преступленіе безнаказаннымъ. Впечатлѣніе преступленія исчезаетъ, возникаетъ справедливое сожалѣніе къ подсудимому, долго находящемуся подъ судомъ; одни свидѣтели не являются на судъ, а другіе забываютъ многое изъ того, что прежде

было въ ихъ памяти, и дѣло остается недостаточно разъясненнымъ. Все это хорошо сознаетъ общество, часто наблюдающее результаты медленности судовъ, и потому понятно, почему противники судовъ говорятъ съ насмѣшкой: „скорый судъ“. Но если общество сознаетъ медленность судовъ, то судебные дѣятели или, по крайней мѣрѣ, громадное большинство ихъ, сознаетъ это ненормальное положеніе еще глубже, такъ какъ имъ приходится чаще наблюдать послѣдствія медленности и выслушивать упреки за нее. Почему же при такомъ сознаніи ненормальныхъ послѣдствій медленности судовъ, судебные дѣятели не могутъ отрѣшиться отъ нея? Неужели же судебные дѣятели не стремятся улучшить дѣло суда, дѣло, которому они посвятили свои силы и способности?

Извѣстно, что условія дѣятельности судебныхъ слѣдователей таковы, что они не только не способствуютъ ей, а напротивъ неблагопріятствуютъ, и что при такомъ порядкѣ никто не вправѣ ожидать особой быстроты производства *всѣхъ* слѣдствій. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ всѣхъ возникающихъ дѣлъ, только по 73% слѣдствія кончаются въ теченіи до двухъ мѣсяцевъ, 18% производится отъ 2—6 мѣсяцевъ и 9%—болѣе шести мѣсяцевъ. Два-три мѣсяца для производства слѣдствій, разумѣется, срокъ большой, но если принять во вниманіе наши разстоянія, неудобства сообщеній и полнѣйшее отсутствіе помощи со стороны полиціи, то, повторяемъ, нужно еще удивляться и такой быстротѣ производства слѣдствій. Если мы отбросимъ 9% слѣдствій, производящихся болѣе 6 мѣсяцевъ, производство которыхъ очевидно затянулось по особымъ условіямъ — сложности дѣла, розыску свидѣтелей и т. п., то увидимъ, что въ среднемъ выводѣ каждое изъ остальныхъ 91% дѣлъ производится отъ 2—3 мѣсяцевъ.

Производство каждаго дѣла въ прокурорскомъ надзорѣ, считая время на пересылку дѣла, требуетъ 10 дней. Изъ судебной палаты дѣла обыкновенно возвращаются: арестантскія — черезъ мѣсяцъ, не арестантскія — черезъ два-три мѣсяца. Прежде, до изданія закона 3 мая 1883 г., дѣла въ судеб-

ныхъ палатахъ находились иногда по полугоду, въ настоящее время по нѣскольку мѣсяцевъ дѣла задерживаются въ палатахъ только по какимъ нибудь исключительнымъ условіяхъ. Такимъ образомъ мы не ошибемся, утверждая, что громадное большинство дѣлъ поступаютъ въ судъ съ обвинительными актами въ теченіи 2 — 4 мѣсяцевъ со времени ихъ возникновенія. Ускорить поступленіе дѣлъ въ судъ возможно только ускореніемъ производства слѣдствій и ускореніемъ разсмотрѣнія дѣлъ въ судебныхъ палатахъ. Ускорить производство слѣдствій безъ ущерба для дѣла возможно только при лучшей организаціи слѣдственнаго дѣла; ускорить разсмотрѣніе дѣлъ въ палатахъ зависитъ исключительно отъ самихъ судебныхъ палатъ, которыя теперь имѣютъ полную возможность разсматривать всѣ поступающія къ нимъ дѣла своевременно.

Дѣятельность окружнаго суда начинается только со времени полученія дѣла съ обвинительнымъ актомъ.

Прежде всего дѣло поступаетъ въ распорядительное засѣданіе суда, которое разсматриваетъ—не требуетъ ли дѣло какихъ-либо особыхъ распоряженій и затѣмъ опредѣляетъ порядокъ дальнѣйшаго производства его (ст. 547 устава). Въ сущности это опредѣленіе порядка дальнѣйшаго производства дѣла есть не что иное, какъ ни къ чему ненужная формальность, ибо окружный судъ не вправѣ отказаться отъ разсмотрѣнія по существу дѣла, предложеннаго ему прокуроромъ съ обвинительнымъ актомъ, утвержденнымъ судебною палатою (ст. 549); но на эту формальность, исполненіе которой требуется закономъ, идетъ по крайней мѣрѣ нѣсколько дней, такъ какъ распорядительныя засѣданія въ каждомъ уголовномъ отдѣленіи суда бываютъ одинъ разъ въ недѣлю и по общему ходу занятій не могутъ быть назначаемы чаще. По разсмотрѣніи дѣла въ распорядительномъ засѣданіи, т. е. по подписаніи печатнаго бланка съ лаконической формулою: „дать дѣлу движеніе по 556 ст. и по слѣдующимъ статьямъ устава уголовнаго судопроизводства“, предсѣдатель распоряжается снятіемъ копіи съ обвинительнаго акта и врученіемъ ея под-

судимому. Копія обвинительнаго акта подсудимымъ, находящимся подъ стражею въ мѣстѣ нахожденія окружнаго суда, вручается предсѣдателемъ или членомъ суда; находящимся подъ стражею въ другихъ городахъ — мѣстнымъ мировымъ судьею; подсудимымъ же, находящимся на свободѣ, вручается черезъ полицію. Для врученія обвинительнаго акта подсудимому, находящемуся въ опредѣленномъ мѣстѣ, казалось бы не требуется много времени, но въ дѣйствительности оказывается, что на такое пустое дѣло требуется никакъ не менѣе двухъ-трехъ недѣль, а иногда проходитъ мѣсяцъ и болѣе, и только въ первомъ случаѣ члены суда вручаютъ копіи обвинительныхъ актовъ немедленно по снятіи ихъ. Происходитъ это отъ того, что мировые судьи и полиція не особенно торопятся исполнить требованіе суда. Получивъ копію обвинительнаго акта, подсудимый имѣетъ право въ семидневный срокъ просить судъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и въ случаѣ отказа просить судъ о вызовѣ этихъ свидѣтелей на его счетъ (ст. 575 и 576 устава). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ просьба подсудимаго заслушивается судомъ въ распорядительномъ засѣданіи и опредѣленіе суда сообщается подсудимому черезъ полицію, на что требуется опять немало времени. Послѣ исполненія всего этого предсѣдатель суда можетъ назначить дѣло къ слушанію, но все-таки не ранѣе трехъ недѣль, такъ какъ за три недѣли до начала сессіи избираются присяжные засѣдатели.

Такимъ образомъ, если сосчитать время со дня вступленія дѣла въ судъ до дня слушанія его, то мы увидимъ, что цѣлый рядъ формальностей, большинство которыхъ представляются совершенно лишнимъ, требуютъ отъ суда времени по крайней мѣрѣ, около двухъ мѣсяцевъ, т. е., что судъ можетъ приступить къ слушанію дѣла по существу не ранѣе двухъ мѣсяцевъ со времени поступленія его. Исключенія изъ этого бываютъ очень рѣдки и въ томъ только случаѣ, когда по счастливой случайности, обвинительный актъ будетъ врученъ скоро; обвиняемый не заявитъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей (что бываетъ рѣдко); дѣло поступитъ въ судъ не за-

долго до открытія сессіи и свидѣтели по дѣлу живутъ на мѣстѣ совершенія преступленія, но и въ этомъ случаѣ проходитъ времени не менѣе мѣсяца.

Само собою разумѣется, что все сказанное нами относится къ провинціальнымъ судамъ, а не къ столичнымъ.

II.

Всѣ формальности по дѣлу исполнены, дѣло готово къ слушанію и лежитъ въ шкафѣ, ожидая своей очереди. Когда же оно можетъ быть разсмотрѣно? Если преступленіе совершено въ мѣстѣ нахожденія суда, то подсудимые и потерпѣвшіе могутъ считать себя относительно счастливыми, такъ какъ тамъ сессіи бываютъ до 6 разъ въ теченіи года; но если преступленіе совершено въ другихъ уѣздахъ, то они могутъ быть увѣрены, что дѣло ихъ будетъ разсмотрѣно судомъ не скоро, такъ какъ сессіи въ уѣздныхъ городахъ бываютъ обыкновенно два раза въ годъ и въ рѣдкихъ— три раза и болѣе.

До изданія закона 12 іюня 1884 г., списки присяжныхъ засѣдателей составлялись коммисіями по четвертямъ года; изъ этихъ списковъ суды производили выборъ лицъ, которые должны были принять участіе въ разсмотрѣніи дѣлъ. При такомъ порядкѣ суды могли назначать сессіи по соображеніи числа находившихся въ судѣ дѣлъ, по мѣрѣ надобности, т. е. готовности дѣлъ, не предрѣшая заранѣе, когда должна быть сессія и въ какихъ уѣздахъ. Съ изданіемъ закона 12 іюня 1884 г. окружные суды крайне стѣснены назначеніемъ сессій. Законъ требуетъ, чтобы окружные суды заранѣе, на весь слѣдующій годъ, опредѣлили— въ какіе мѣсяцы, въ какихъ уѣздахъ имѣютъ быть сессіи и сообщили бы объ этомъ коммисіямъ, которыя и назначаютъ присяжныхъ засѣдателей на опредѣленные судомъ мѣсяцы. Внѣ этого времени суды не могутъ назначать сессій, такъ какъ внѣ этого времени не имѣется присяжныхъ засѣдателей.

Извѣстно, что списки присяжныхъ засѣдателей коммисіями составлялись столь небрежно, что въ нихъ вносились:

неимѣвшіе права быть присяжными засѣдателями, сплошь неграмотные, такъ что не составлялось засѣданіе суда, бѣдняки, которые послѣ засѣданія ходили гурьбой просить милостыню, а вмѣстѣ съ тѣмъ люди состоятельные и интелегентные не вносились въ списки или вносились въ списки на лѣтніе мѣсяцы, когда сессій не бываетъ. Противъ такого порядка необходимо было принять мѣры и законъ 12 іюня 1884 г. дѣйствительно положилъ предѣлъ ему. Законъ 12 іюня 1884 года достигнулъ того, что теперь списки присяжныхъ засѣдателей составляются коммисіями болѣе внимательно, почему и списки въ своемъ составѣ значительно упорядочились; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ законъ крайне стѣснилъ суды временемъ назначенія сессій и тяжело отзывается на всѣхъ заинтересованныхъ дѣломъ лицахъ. Заранѣе, за годъ впередъ и на весь годъ, предугадать время, когда необходимо открыть сессію въ томъ или другомъ уѣздѣ—невозможно. Правда, на основаніи имѣющихся въ судѣ свѣдѣній о числѣ поступающихъ по уѣздамъ дѣлъ, можно приблизительно видѣть, сколько сессій должно быть назначено въ годъ по уѣздамъ, но свѣдѣнія эти будутъ только приблизительныя и къ тому же заранѣе опредѣлить къ какому времени будутъ готовы къ слушанію дѣла - невозможно. Иногда бываетъ, что въ уѣздахъ спокойныхъ, вдругъ, подъ вліяніемъ неурожая или другихъ, повидимому случайныхъ и даже необъяснимыхъ условій, возникаетъ цѣлый рядъ серьезныхъ дѣлъ, которыя въ интересахъ общественныхъ, не только въ интересахъ единичныхъ, слѣдовало бы разсмотрѣть немедленно. Точно также иногда цѣлый рядъ дѣлъ задерживается слушаніемъ по неврученію подсудимымъ копій съ обвинительныхъ актовъ или опредѣленій суда и готовъ къ слушанію какъ разъ по прошествіи того мѣсячнаго срока, на который назначены присяжные засѣдатели. Прежде судъ имѣлъ возможность назначить сессію и разсмотрѣть дѣла, теперь же долженъ ожидать нѣсколько мѣсяцевъ, иногда болѣе полугода, пока будетъ имѣть право назначить сессію въ томъ мѣсяцѣ, на который избраны присяжные засѣдатели.

III.

Наконецъ, насталъ давно желанный часъ и подсудимый предстаетъ предъ судомъ; но и здѣсь весьма часто дѣла откладываются до слѣдующей сессіи, т. е. на нѣсколько мѣсяцевъ, благодаря хроническому недугу нашего уголовнаго процесса—неявкѣ свидѣтелей. Показанія неявившихся свидѣтелей могутъ быть прочитываемы на судебномъ слѣдствіи при условіяхъ смерти, тяжкой болѣзни и дальней отлучки свидѣтеля. Разрѣшая прочтеніе показанія неявившихся свидѣтелей, законъ обязываетъ, чтобы смерть, дальная отлучка и болѣзнь ихъ была удостовѣрена надлежащимъ образомъ и чтобы во всякомъ случаѣ повѣстка была вручена находящемуся въ дальней отлучкѣ, т. е., чтобы второй экземпляръ ея, на коей имѣется росписка свидѣтеля въ полученіи повѣстки, былъ полученъ обратно судомъ. Поэтому, до открытія судебнаго засѣданія судъ долженъ имѣть въ виду причины неявки свидѣтелей, ибо только тогда судъ можетъ обсудить—слѣдуетъ ли прочитывать ихъ показанія. На практикѣ встрѣчаются случаи неявки свидѣтелей, получившихъ повѣстки, вторые экземпляры коихъ возвращены суду, получившихъ повѣстки, вторые экземпляры коихъ не возвращены, и не получившихъ повѣстокъ. Показанія свидѣтелей первой категоріи могутъ быть прочитаны, если есть удостовѣреніе о болѣзни свидѣтеля или о дальней его отлучкѣ; показанія свидѣтелей двухъ другихъ категорій прочитаны быть не могутъ.

Мы не будемъ говорить о тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтель получилъ повѣстку и не явился въ судъ по неизвѣстной причинѣ, такъ какъ этого, разумѣется, предотвратить невозможно, а остановимся только на тѣхъ случаяхъ, когда вторые экземпляры повѣстокъ не возвращены суду.

Неврученіе повѣстокъ свидѣтелямъ или, вѣрнѣе сказать, невозвращеніе вторыхъ экземпляровъ повѣстокъ—есть явленіе самое обыденное. Повѣстки посылаются на имя полицейскихъ управленій, т. е. фикціи, олицетворяющейся въ лицѣ помощника исправника и секретаря, надъ коими только витаетъ

духъ выборныхъ засѣдателей, обязанныхъ время отъ времени подписывать опредѣленія. Само собою разумѣется, что такое коллегіальное присутствіе, состоящее изъ членовъ, тяготящихся своими занятіями и обязанностью, притомъ заваленное безчисленнымъ количествомъ переписокъ, съ которыми оно еле-еле справляется, не можетъ не быть вполнѣ безответственно. Вся отвѣтственность членовъ полицейскихъ управленій, въ крайнемъ случаѣ, можетъ заключаться въ замѣчаніи или выговорѣ губернскаго правленія, на которые каждый членъ присутствія смотритъ какъ на неизбѣжную формальность, къ коей губернское правленіе иногда должно прибѣгать. Такое учрежденіе, получивъ повѣстки суда, разсылаетъ ихъ становымъ приставамъ для врученія. Приставъ, получивъ повѣстки, не торопясь вручаетъ ихъ адресатамъ и не-торопясь представляетъ вторые экземпляры обратно полицейскому управленію, которое не торопясь возвращаетъ ихъ окружному суду. Если сосчитать время на пересылку по почтѣ, на помѣты, на записку въ реестры, на отсылку приставамъ, на врученіе повѣстокъ и на таковую же обратную пересылку повѣстокъ, то окажется, что, въ большинствѣ случаевъ, трехъ недѣль мало для того, чтобы окружный судъ могъ получить обратно вторые экземпляры повѣстокъ, а иногда мало и мѣсячнаго срока. Если же, не дай Богъ, свидѣтель живетъ въ другомъ округѣ, то никто не можетъ опредѣлить—за сколько времени надо посылать повѣстки, чтобы вторые экземпляры ихъ во время были возвращены? Вотъ почему окружные суды опытомъ убѣдились въ томъ, что повѣстки свидѣтелямъ, живущимъ не въ городѣ, а въ уѣздѣ, надо посылать не позже какъ за три недѣли до дня засѣданія; исключенія изъ такого порядка бываютъ относительно рѣдки. Такимъ образомъ дѣло, готовое къ слушанію, въ большинствѣ случаевъ можетъ быть назначено только тогда, когда оно готово за три недѣли до открытія сессіи.

Намъ могутъ возразить—почему же прокуроры не принимаютъ мѣръ къ тому, чтобы виновные въ несвоевременномъ врученіи повѣстокъ свидѣтелямъ были подвергнуты за-

конной отвѣтственности, и для чего окружные суды ожидаютъ вторыхъ экземпляровъ повѣстокъ свидѣтелямъ, кои завѣдомо для суда находятся въ дальней отлучкѣ, когда свидѣтель имѣетъ право не явиться въ судъ и когда показаніе его можетъ быть прочтено?

Полиція прокурорамъ не подчинена и если полиція по производству слѣдствій и дознаній по закону и находится въ зависимости отъ прокурора, то по вручению повѣстокъ полиція находится въ такомъ же отношеніи къ прокурору, какъ и всякое другое вѣдомство, и потому возбужденіе обвиненія противъ чиновъ полиціи въ этомъ случаѣ слѣдуетъ въ общемъ порядкѣ преслѣдованія должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства за проступки по службѣ. Всѣмъ извѣстно, какой это порядокъ. Самыя обыкновенныя дѣла о преступленіяхъ должности не рѣшаются губернскими правленіями по нѣсколько мѣсяцевъ, а если дѣло попадетъ въ сенатъ, то оно лежитъ тамъ годъ, нерѣдко и два года. Какая же можетъ быть отвѣтственность въ такихъ случаяхъ? Много разъ возбуждались вопросы объ отвѣтственности полицейскихъ чиновниковъ, но чѣмъ они кончались, про то вѣдаютъ, въ большинствѣ случаевъ, губернскія правленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это дѣло лежитъ въ рукахъ губернаторовъ, которые могутъ заставить полицію относиться къ нуждамъ слѣдствія и суда съ должною акуратностью и исполнительностью, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ губернаторы слѣдятъ за этимъ, тамъ не бываетъ ничего подобнаго. Намъ, напримѣръ, извѣстны такіе случаи, когда два губернатора, изъ совершенно противоположныхъ побужденій, предписали чиновникамъ полиціи имѣть особые входящіе реестры для бумагъ, поступающихъ къ нимъ отъ судовъ и лицъ судебнаго вѣдомства, почему въ то время полиція была такъ акуратна, что губернаторы справедливо могли тѣмъ хвастаться. Съ другой стороны намъ извѣстенъ и такой фактъ: судебный слѣдователь телеграммой съ уплаченнымъ отвѣтомъ просилъ одного полиціймейстера задержать обвиняемаго въ убійствѣ, съ цѣлью ограбленія, Мошку Абрамова (имя вымышленное), житель-

ствующаго въ такомъ то домѣ, на такой то улицѣ, подъ именемъ турецкаго подданнаго Ицки Гершкова (имя вымышленное), и несмотря на повтореніе телеграммами только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ полиціймейстеръ прислалъ по почтѣ отвѣтъ, что по розыску Мошки-Абрамова въ городѣ не оказалось. Такъ этотъ Мошка-Абрамовъ и не былъ задержанъ, несмотря на то, что онъ несомнѣнно проживалъ въ указанномъ мѣстѣ, подъ фамиліей Гершкова, а полиціймейстеръ никакой отвѣтственности не былъ подвергнутъ.

Что же касается до того, что суды ожидаютъ возвращенія вторыхъ экземпляровъ повѣстокъ свидѣтелямъ, живущимъ въ другомъ судебномъ округѣ, то порядокъ этотъ, ничѣмъ необъяснимый, введенъ сенатомъ. Въ первое время суды, не получивъ вторыхъ экземпляровъ повѣстокъ и усматривая, что свидѣтель находится въ дальней отлучкѣ, прочитывали показанія ихъ, но сенатъ неоднократными рѣшеніями (№ 1004 1870 г., № 342 1874 г., № 13 1880 г., № 372 1874 г. и 184 1876 г.) указалъ судамъ, что прочтеніе показаній такихъ свидѣтелей можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, если свидѣтель получилъ повѣстку и затѣмъ не явился на судъ. Исполненіе этого требованія сената составляетъ иногда истинное бѣдствіе для дѣла. Масса дѣлъ откладывается по этой причинѣ и мы знаемъ нѣсколько случаевъ, когда только энергическое вмѣшательство прокурора повело къ тому, что вторые экземпляры повѣстокъ были своевременно возвращены суду, благодаря чему судъ могъ прочитать показанія свидѣтелей, неявившихся въ первыя засѣданія и неявившихся въ послѣднее. Объяснять такое требованіе сената мы не беремся, ибо если свидѣтелю предоставляется право не являться на судъ по полученіи повѣстки, то какое же основаніе можетъ имѣть судъ откладывать засѣданія, потому что въ виду суда не имѣется свѣдѣній—вручена ли такому свидѣтелю повѣстка, когда отъ отстрочки засѣданія суда страдаютъ интересы частныхъ лицъ, заинтересованныхъ дѣломъ, и самаго суда? Такой порядокъ привелъ къ тому, что суды, дабы не откладывать дѣло и не отягощать напрасно подсудимыхъ и участвующихъ въ дѣлѣ

лицъ, признаютъ показанія неявившихся свидѣтелей несущественными, несмотря на существенность ихъ. Само собою понятно, что вмѣсто желаемаго сенатомъ разъясненія дѣла посредствомъ перекрестнаго допроса свидѣтелей, ради чего и установлена такая практика, дѣло совсѣмъ не разъясняется на судѣ, что можетъ быть пріятно только подсудимымъ. Результаты такого порядка очевидны.

IV.

Мы разсмотрѣли условія движенія дѣлъ въ окружныхъ судахъ, до времени слушанія ихъ, и имѣемъ право спросить: можно ли винить окружные суды въ медленности, когда производство ихъ обставлено, по закону, совершенно излишними формальностями и такими условіями, которыя не содѣйствуютъ, а тормазятъ дѣло суда? Нѣтъ надобности сравнивать скорость движенія дѣлъ въ нашихъ судахъ, со скоростью движенія ихъ въ судахъ прежняго порядка. Тѣ суды, представляющіеся нѣкоторымъ аркадскими судами, производили арестантскія дѣла по нѣскольку лѣтъ, присоединяя одно дѣло къ другому, по знаменитой формулѣ „для разсмотрѣнія по совокупности преступленій“, т. е. иными словами—для того, чтобы имѣть предлогъ не рѣшать дѣло, а отложить рѣшеніе его до другаго времени, и тѣмъ самымъ заставляли арестантовъ сидѣть въ тюрьмахъ, ожидая рѣшенія дѣла по 11 лѣтъ. Прежніе суды—не примѣръ, и судебные дѣятели глубоко это сознаютъ. Окружные суды и прокурорскій надзоръ дорожатъ каждымъ днемъ движенія дѣла, прилагая всѣ усилія къ тому, и въ судахъ немыслима такая медленность и такой формализмъ, которые сплошь и рядомъ встрѣчаются въ другихъ вѣдомствахъ, гдѣ даже столоначальникъ пишетъ отношеніе къ рядомъ сидящему столоначальнику, требуя отъ него справку.

Суды и прокурорскій надзоръ имѣютъ дѣло не съ бумагой, а съ живыми людьми, страданія коихъ имъ приходится наблюдать ежедневно, и потому въ нихъ слишкомъ сильно говоритъ сердце и чувство, чтобы они могли относиться безучастно, формально, къ интересамъ участвующихъ въ дѣлѣ

лицъ. Виновны въ медленности не суды, которые усугубили бы свои занятія, если бы это было возможно и если бы это могло повести къ желаемымъ результатамъ, а установленный закономъ порядокъ производства дѣлъ и условія производства ихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что предоставленіе подсудимымъ права обжалованія обвинительныхъ актовъ весьма желательно, ибо оно несомнѣнно поведетъ къ всестороннему обсужденію основаній преданія суду. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой порядокъ еще въ значительной степени сократитъ время на приготовительныя къ суду распоряженія. Дѣйствительно: обвинительный актъ уже врученъ обвиняемому и во вторичномъ вручениі его надобности нѣтъ, такъ какъ если бы судебная палата измѣнила характеръ обвиненія, то объ этомъ подсудимый можетъ быть поставленъ въ извѣстность простымъ объявленіемъ, ибо измѣненіе характера обвиненія, при неизмѣнившихся обстоятельствахъ, не можетъ имѣть вліяніе на ходъ защиты. Подсудимый, получивъ копію обвинительнаго акта, и защитника, обжалывая обвинительный актъ, можетъ указать судебной палатѣ на тѣхъ свидѣтелей, которыхъ не допросилъ судебный слѣдователь, и судебная палата или возвратитъ для дослѣдованія, или пополнитъ списокъ свидѣтелей указанными въ жалобѣ свидѣтелями, или предоставитъ обвиняемому вызвать ихъ на свой счетъ. Отъ передачи судебной палатѣ права разсмотрѣть вопросъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, разумѣется, интересы подсудимаго не могутъ потерпѣть. Всѣмъ этимъ достигнется то, что судъ, получивъ дѣло съ обвинительнымъ актомъ, прямо можетъ назначить его къ слушанію, объявивъ только подсудимому, что изъ указанныхъ имъ въ жалобѣ судебной палатѣ свидѣтелей, палата признала необходимымъ вызвать такихъ-то свидѣтелей, а такихъ-то свидѣтелей предоставила вызвать на свой счетъ, о чемъ онъ, подсудимый, имѣетъ заявить суду въ трехдневный срокъ, представивъ необходимыя для сего деньги въ кассу суда или въ мѣстное казначейство, или пригласивъ свидѣтелей по взаимному соглашенію. Кромѣ сего могутъ поступать хода-

тайства о вызовѣ свидѣтелей только по вновь открывшимся обстоятельствамъ, что на практикѣ встрѣчается очень рѣдко и что, очевидно, не можетъ быть никогда предусмотрѣно. Такимъ образомъ, повторяемъ, съ момента поступленія дѣла въ судъ, судъ будетъ имѣть возможность назначить его прямо къ слушанію, чѣмъ сократится время приготовительныхъ къ суду распоряженій по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ, если сосчитать и время, потребное для врученія копіи обвинительнаго акта до представленія дѣла судебной палатѣ.

Затѣмъ, установленный нынѣ временный порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, стѣсняющій дѣятельность судовъ, долженъ быть отмѣненъ. Новый порядокъ былъ установленъ для упорядоченія состава списковъ. Составъ списковъ нисколько не потерпитъ, если вмѣсто того, чтобы списки составлялись только на одинъ мѣсяцъ, они составлялись на три мѣсяца — на сентябрь, октябрь и ноябрь, декабрь, январь и февраль и мартъ, апрѣль и май (т. е. на тѣ мѣсяцы, въ которые бываютъ сессіи, такъ какъ въ лѣтніе мѣсяцы — іюнь, іюль и августъ — отрывать отъ работы свидѣтелей и присяжныхъ засѣдателей не приходится. Лица, попавшія въ списокъ, могутъ быть призываемы въ судъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей въ теченіи всего трехмѣсячнаго срока. Разумѣется, эта обязанность должна быть облегчена для присяжныхъ установленіемъ правила, что никто не можетъ быть призываемъ въ судъ болѣе какъ на 10 дней, въ теченіи всѣхъ трехъ мѣсяцевъ, т. е. въ сложности — каждое лицо можетъ быть призвано въ судъ въ качествѣ присяжнаго не болѣе какъ на 10 дней, въ теченіи двухъ лѣтъ. Тогда обязанность присяжнаго засѣдателя не будетъ тяжелою. Для каждой сессіи долженъ происходить новый выборъ присяжныхъ засѣдателей и не за три недѣли, какъ теперь почему-то установлено, а за такое время, которое по соображенію суда достаточно для врученія повѣстокъ избраннымъ.

Кромѣ того, слѣдовало бы дополнить 626 ст. уст. угол. суд. примѣчаніемъ, что до назначенія дѣла къ слушанію, судъ обсуждаетъ — представляется ли показаніе свидѣтеля, живущаго

въ отдаленности, настолько существеннымъ, чтобы требовать непремѣнной его явки въ судъ, или дѣло можетъ быть заслушано и безъ его личной явки, при условіи прочтенія его показанія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ опредѣлить—слѣдуетъ ли посылать свидѣтелю повѣстку о явкѣ къ судебному слѣдствію.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти, въ сущности, небольшія измѣненія, въ значительной степени устранятъ медленность въ производствѣ дѣла въ судахъ и дадутъ судамъ возможность разсматривать дѣла своевременно, а не спустя продолжительное время, когда подсудимый и потерпѣвшій уже истомились, ожидая суда, свидѣтели успѣли перезабыть все, что имъ было извѣстно, и судебное слѣдствіе сводится только къ прочтенію ихъ показаній, для напоминанія того, что ими было показываемо на предварительномъ слѣдствіи.

V.

Окружные суды разсматриваютъ дѣла въ судебныхъ засѣданіяхъ или въ постоянныхъ помѣщеніяхъ, въ мѣстахъ нахожденія судовъ, или на сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ. Хотя условія производства дѣлъ въ томъ и другомъ случаяхъ по закону одинаковы, но на практикѣ условія эти совершенно различны. Порядокъ и обстановка производства дѣлъ прямо вліяютъ на самый способъ разсматриванія ихъ, а слѣдовательно и на результаты суда. Поэтому и результаты суда въ тѣхъ и другихъ случаяхъ бываютъ различны.

Основное правило всякаго суда—это спокойное, неторопливое и полное внимательности ко всѣмъ обстоятельствамъ, всестороннее разсмотрѣніе дѣла, ибо только при такомъ способѣ разсмотрѣнія дѣла можно вынести правильное о немъ убѣжденіе. Достигнуть этого можно при условіи разсмотрѣнія дѣлъ безъ особаго физическаго и нравственнаго утомленія и безъ необходимости торопиться, чтобы во чтобы то ни стало къ извѣстному времени окончить дѣло. Такъ именно разсматриваются дѣла въ мѣстахъ нахожденія судовъ и совсѣмъ не такъ разсматриваются дѣла на уѣздныхъ сессіяхъ.

Общее правило, котораго придерживаются суды при назначеніи сессій въ уѣздныхъ городахъ—то, чтобы возможно большее число дѣлъ разсмотрѣть въ возможно кратчайшій срокъ. Поэтому на каждый день сессіи назначается столько дѣлъ, сколько можно разсмотрѣть съ утра и до поздняго вечера, или до ночи, смотря по дѣламъ. Распредѣленіе дѣлъ на сессіи лежитъ на обязанности предсѣдателя суда и предсѣдательствующаго на сессіяхъ, которые опредѣляютъ сколько дней протянется сессія, т. е. на сколько дней слѣдуетъ назначить дѣла. На каждый день назначается отъ трехъ до семи дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, да нѣсколько дѣлъ безъ участія ихъ. Разсмотрѣть такое число дѣлъ въ одинъ день возможно только при скоромъ и умѣломъ веденіи ихъ и при условіи, что дѣла, по существу своему, крайне несложны и что никакія обстоятельства, не предвидѣнныя по предварительному слѣдствію, не осложнятъ дѣла на судебномъ слѣдствіи и не затянутъ разсмотрѣніе его. Поэтому, при назначеніи дѣлъ принимаются въ соображеніе число свидѣтелей и обвиняемыхъ и характеръ дѣлъ. Но весьма часто случается, что и опытные судьи ошибаются въ опредѣленіи сложности дѣла. Иное сложное дѣло на судебномъ слѣдствіи, благодаря свидѣтелямъ, разъясняется очень скоро; — иное дѣло, повидимому самое простое, затягивается надолго. Словомъ, опредѣлить время, потребное для разсмотрѣнія дѣла, не всегда возможно, а часто и невозможно. А между тѣмъ всѣ назначенныя на извѣстный день дѣла должны быть непремѣнно разсмотрѣны въ тотъ же день, такъ какъ на слѣдующій день назначено такое же число дѣлъ, которыя точно также нельзя откладывать. Вотъ почему, чтобы успѣть разсмотрѣть всѣ назначенныя дѣла, судъ долженъ торопиться. Торопясь, судъ дорожитъ каждой минутой и бываетъ крайне недоволенъ тѣми, кто старается выяснить дѣло въ подробностяхъ, иногда необходимыхъ, такъ какъ „дѣло ясно какъ божій день и всѣ эти ненужные вопросы только затягиваютъ дѣло“. Недовольство сказывается иногда въ предсѣдательствующемъ и судьяхъ, что не можетъ не быть замѣчено при-

сяжными засѣдателями. Присяжные, испытывая на себѣ вліяніе торопливости и видя недовольство членовъ суда по поводу заявленій и вопросовъ сторонъ, остерегаются сами предлагать вопросы и просить разъясненія непонятаго ими. Не смотря на такой способъ веденія дѣлъ на сессіяхъ, засѣданія оканчиваются поздно вечеромъ, а иногда и ночью (что, впрочемъ, случается и въ мѣстѣ нахожденія судовъ). Многомного разъ приходилось судамъ кончать засѣданія въ 5—6 часовъ утра, съ тѣмъ, чтобы въ 10 часовъ вновь открыть засѣданіе по другимъ дѣламъ. Въ такихъ случаяхъ нравственное и физическое утомленіе такъ велико, что и привычные къ умственному труду люди не могутъ относиться къ дѣлу съ должною серьезностью, а что должны испытывать присяжные изъ крестьянъ, привыкшіе ложиться спать рано, можетъ представить себѣ всякій.

Утомленные цѣлой вереницей разнообразныхъ впечатлѣній, полученныхъ при суетливомъ веденіи дѣла, и кромѣ того утомленные физически, присяжные засѣдатели не могутъ относиться къ дѣлу съ должною серьезностью и съ своей стороны точно также торопятся, ибо испытывая всѣ неудобства позднихъ засѣданій не могутъ не стремиться скорѣе выйти изъ суда. Въ результатѣ получается судъ не „скорый“, а торопливый, никѣмъ не желаемый, приносящій дѣлу суда громадный вредъ. Весьма часто присяжные засѣдатели, при такомъ порядкѣ веденія дѣла, не уяснятъ себѣ сути дѣла, особенно основаннаго на косвенныхъ уликахъ, а получаютъ только одно смутное впечатлѣніе. Понятно, что они не возьмутъ на себя грѣха обвинить подсудимаго и выносятъ оправдательное рѣшеніе, которому потомъ удивляются сами суды.

Такой порядокъ существуетъ въ очень многихъ судахъ и обусловливается личностью предсѣдателя и членовъ судовъ, существующимъ въ судѣ обычаямъ и особенно условіями, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Возражая противъ нареканій на такой порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, судьи оправдываются тѣмъ, что имъ, и въ особенности присяжнымъ засѣдателямъ, гораздо удобнѣе провести въ засѣданіи цѣлый

день и даже ночь, чѣмъ пробыть лишній день на сессіи, и что зная обстоятельства дѣла, они разъясняютъ его въ должной мѣрѣ, а предсѣдательствующій, въ своемъ резюме, объяснитъ присяжнымъ всѣ темныя стороны дѣла и все то, что можетъ показаться имъ неяснымъ.

Съ подобнымъ оправданіемъ, очевидно, согласиться нельзя. Если присяжнымъ и желательно отдѣлаться скорѣе отъ своихъ обязанностей и быть свободными, то во всякомъ случаѣ утомленіе ихъ бываетъ такъ велико, что многіе изъ нихъ не могутъ относиться къ дѣлу вполнѣ серьезно и у многихъ изъ нихъ отбиваетъ охоту попасть въ другой разъ въ присяжные. Кромѣ того, нельзя же въ жертву небольшаго удобства присяжныхъ приносить самые существенные интересы суда. Еще скорѣе можно „окончить“ дѣло и отпустить присяжныхъ, если ограничиться прочтеніемъ обвинительнаго акта, не производя судебнаго слѣдствія.

Многія лица, бывшія присяжными засѣдателями, при разговорахъ о впечатлѣніяхъ во время сессій, высказывали, что для нихъ удобнѣе было бы провести лишній день на сессіи, чѣмъ подвергаться невыносимому утомленію, которое къ тому же мѣшаетъ имъ относиться къ дѣлу вполнѣ сосредоточенно.

Насколько утомительны такія сессіи для присяжныхъ, можно судить изъ слѣдующаго разсказа намъ одного помѣщика южныхъ губерній. Ему пришлось быть присяжнымъ на сессіи въ теченіи шести дней; „счастье“ ему везло и онъ почти по каждому дѣлу былъ старшиною. На пятый день дѣла затянулись и засѣданіе окончилось въ пять часовъ утра, а въ 11 часовъ судъ опять открылъ засѣданіе по большому дѣлу. Въ число присяжныхъ попалъ помѣщикъ и семь присяжныхъ, просидѣвшихъ въ судѣ предшествующую ночь. Въ 12 часовъ ночи, по окончаніи судебнаго слѣдствія, помѣщикъ, бывшій старшиною, просилъ судъ отложить засѣданіе до утра, но предсѣдательствующій просилъ присяжныхъ продолжать засѣданіе, увѣряя, что неболѣе какъ черезъ полтора часа все засѣданіе должно окончиться. Дѣйствительно, судъ

отпустилъ присяжныхъ совѣщаться черезъ полчаса, благодаря тому, что прокуроръ былъ необычайно кратокъ, защитникъ былъ еще кратче, а предсѣдательствующій, вмѣсто резюме, промолвилъ только нѣсколько словъ объ обязанностяхъ присяжныхъ, уже извѣстныхъ-де имъ. Пришли присяжные въ свою комнату, усѣлись въ кресла у стола, и прежде, чѣмъ старшина успѣлъ опомниться, нѣсколько человѣкъ заснули, да заснули такъ, что нельзя было разбудить ихъ. Что тутъ было дѣлать? Бодрствующіе присяжные догадались: приказали принести холодной воды, будить заснувшихъ и давали имъ умываться, чтобы привести ихъ въ сознаніе. „У меня, говорилъ помѣщикъ, и сонъ, и усталость прошли. Четыре человѣка, въ томъ числѣ и мой сосѣдъ, пріятель съ дѣтства, заснули какъ убитые. Будили ихъ мы будили, ничего не подѣлаемъ. Разбудимъ одного, пройдется онъ по комнатѣ, сядетъ въ кресло и опять заснетъ. Придумали мы давать имъ умываться холодной водой и этимъ отрезвили ихъ отъ сна, а пріятеля мы привели въ чувство нашатырнымъ спиртомъ, за которымъ посылали нарочно въ аптеку, и го послѣ того, какъ умыли его и облили голову спиртомъ. Такимъ образомъ, мы провели часа два, пока привели всѣхъ въ чувство и могли приступить къ рѣшенію дѣла. Рѣшили дѣло, вышли въ залу, а отъ пріятеля моего разитъ нашатырнымъ спиртомъ. Пришли мы послѣ того въ гостинницу. Я какъ бросился на кровать, такъ цѣлые сутки проспалъ, а пріятель не добрался до постели, а упалъ на диванъ и тамъ заснулъ. Съ тѣхъ поръ пріятеля моего всѣ сосѣди прозвали „нашатырнымъ судьею“, а онъ и слышать не можетъ о судѣ. Привезъ ему какъ-то послѣ того становой приставъ повѣстку на явку въ судъ присяжнымъ, такъ у него сдѣлалась такая лихорадка, что мы всѣ смѣялись. Такъ вѣдь и не поѣхалъ въ судъ, заплатилъ 100 рублей штрафу, а не поѣхалъ“.

Этотъ разсказъ помѣщика степняка какъ нельзя болѣе характеризуетъ нравственное состояніе присяжныхъ на судѣ и отношеніе ихъ къ дѣлу, когда они такъ утомлены, что не могутъ не спать во время постановленія своего рѣшенія,

Надо помнить еще и то, что помимо физическаго утомленія, присяжные утомляются нравственно, отъ переживаемыхъ ими впечатлѣній и тяжелыхъ сценъ на судѣ. Мало ли бывало случаевъ, что у присяжныхъ слезы показывались на глазахъ подъ вліяніемъ иного разсказа, а мы два раза были свидѣтелями, какъ одинъ присяжный навзрыдъ заплакалъ, а съ другимъ сдѣлалось дурно подъ вліяніемъ разсказовъ объ истязаніи ребенка и дѣвушки. По одному дѣлу обвинялся молодой еще человѣкъ въ истязаніи своей жены. Присяжные вынесли вердиктъ, и старшина, вручая листъ предсѣдательствующему, прошепталъ: „не могу... прочитайте...“, и предсѣдательствующій долженъ былъ прочитать отвѣтъ присяжныхъ. Если такія потрясенія присяжнымъ приходится переживать не особенно часто и если дурно дѣлается только съ единичными личностями, то всѣ присяжные на каждой сессіи испытываютъ тяжелыя потрясенія и нужно имѣть жестокое сердце, чтобы и привычнаго человѣка они не потрясли. Достаточно вспомнить только какъ трясутся руки и какъ дрожитъ голосъ старшины, когда онъ читаетъ отвѣты, и видѣть потупленныя при этомъ головы присяжныхъ, чтобы понять ихъ нравственное состояніе въ эти минуты.

Нравственныя потрясенія еще болѣе, чѣмъ физическое утомленіе требуютъ для присяжныхъ отдыха.

Но не одни присяжные засѣдатели утомляются на сессіяхъ. Точно тоже, разумѣется, испытываютъ члены суда и товарищи прокурора, добровольныя жертвы самоистязанія. Намъ говорилъ одинъ членъ суда, что когда онъ, въ первый разъ послѣ назначенія, отбывъ сессію въ нѣсколько дней, засѣдая до поздняго вечера и до ночи въ судѣ, а ночью приготовляя приговоры, по окончаніи сессіи пришелъ въ свой нумеръ, то безъ всякой причины сталъ плакать: такъ были потрясены его нервы. Спрашивается, что же долженъ испытывать присяжный засѣдатель, не привыкшій къ тяжелой, постоянной, умственной работѣ, когда и привыкшій къ ней членъ суда плачетъ?

Изъ массы извѣстныхъ намъ подобныхъ случаевъ, мы

указали только два, иллюстрирующихъ наши соображенія, но всѣ знаютъ, что это не единичные факты и что порядокъ, вызывающій ихъ, практикуется во многихъ судахъ. Достаточно сосчитать сколько было подаваемо кассаціонныхъ жалобъ на то, что нѣкоторые присяжные засѣдатели спали во время разбора дѣла. А по этому поводу жалобы вообще подаются рѣдко, такъ какъ стороны никогда не просятъ заносить въ протоколъ о снѣ присяжныхъ, ибо это средство кассаціонной борьбы обоюдоострое.

Какъ же можно удивляться несообразнымъ рѣшеніямъ присяжныхъ при такомъ нравственномъ и физическомъ утомленіи ихъ? Да кромѣ того въ такихъ случаяхъ и рѣшенія присяжныхъ бываютъ не рѣшенія двѣнадцати человѣкъ, а тѣхъ нѣсколькихъ, которые внимательно слушали дѣло, такъ какъ остальные его не слушали, или даже одного энергичнаго, который можетъ убѣдить другихъ, разсказывая обстоятельства дѣла по своему.

Подсудимый, потерпѣвшій и общесто вправѣ требовать, чтобы судъ разсматривалъ дѣла всесторонне и чтобы всѣ постороннія соображенія были бы устранены при разсмотрѣніи ихъ. Между тѣмъ при такомъ способѣ и порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ, постороннія обстоятельства, какъ будто, играютъ первенствующее значеніе, а сущность дѣла — получаетъ значеніе второстепенной формальности.

Разсмотрѣніе большаго числа дѣлъ въ одинъ день ведетъ еще и къ другому неудобству, вредно отзывающемуся на дѣлѣ. Для того, чтобы хорошо поддерживать обвиненіе на судѣ, необходимо хорошо изучить дѣло, даже простое, не сложное, и подумать надъ тѣмъ,—что главнымъ образомъ необходимо выяснить на судебномъ слѣдствіи и на что, главнымъ образомъ, слѣдуетъ обратить вниманіе присяжныхъ? Это послѣднее особенно необходимо, ибо присяжнымъ, незнакомымъ съ предварительнымъ слѣдствіемъ и изучающимъ дѣло только по тому, что они видятъ и слышатъ на судѣ, дѣло можетъ представиться совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ лицу, установившему взглядъ на дѣло по предварительному

слѣдствію и смотрящему на дѣло подъ призмою такого взгляда. Иногда какое нибудь, повидимому мелочное, обстоятельство ускользаетъ при судебномъ слѣдствіи, а при совѣщаніяхъ присяжныхъ всплываетъ наружу, обсуждается и въ цѣпи разсужденій играетъ не маловажную роль. Какъ часто случается, что не смотря на старательное выясненіе дѣла прокуроромъ и нѣсколькими защитниками, присяжные по окончаніи судебнаго слѣдствія просятъ разъяснить имъ нѣкоторыя темныя для нихъ обстоятельства и судебное слѣдствіе вновь возобновляется! Вотъ для того, чтобы уяснить себѣ все, на что слѣдуетъ обратить вниманіе присяжныхъ, людей, судящихъ по разуму и сердцу, а не въ силу формальныхъ доказательствъ, и необходимо подумать надъ дѣломъ. Между тѣмъ при назначеніи большаго числа дѣлъ на каждый день сессіи, товарищъ прокурора не только подумать надъ дѣломъ, но даже ознакомится съ нимъ какъ слѣдуетъ не имѣетъ времени и довольствуется только прочтеніемъ показаній вызванныхъ въ судъ свидѣтелей и обвинительнаго акта, а иногда только одного обвинительнаго акта. Поэтому обвинитель на сессіяхъ не только не имѣетъ возможности обдумать свою рѣчь, но и подумать надъ дѣломъ, и немудрено, что товарищи прокурора на судѣ говорятъ не такъ, какъ бы они хотѣли и могли бы говорить. Винить въ этомъ товарищей прокурора нельзя, ибо кто же можетъ требовать, чтобы человѣкъ, послѣ утомительнаго засѣданія, остатокъ ночи сидѣлъ за дѣлами и не отдыхая опять шелъ въ засѣданіе?

Могутъ возразить, что товарищи прокурора, въ большинствѣ случаевъ, поддерживаютъ обвиненія по ими же составленнымъ обвинительнымъ актомъ и, потому, должны хорошо знать дѣло. Совершенно справедливо, что товарищъ прокурора, составляя обвинительный актъ, изучаетъ дѣло; но со времени составленія акта до судебнаго засѣданія проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ; обстоятельства каждаго дѣла въ подробностяхъ, при большомъ числѣ разсматриваемыхъ дѣлъ, изглаживаются изъ памяти и остается только общее впечатлѣніе о дѣлѣ. Съ такимъ общимъ впечатлѣніемъ обвинителю на судъ являться не слѣдовало бы.

Могутъ также возразить, почему же прокуроръ не командируетъ на каждую сессію двухъ товарищей прокурора? Но по числу лицъ прокурорскаго надзора, въ связи съ общимъ ходомъ занятій, это представляется положительно невозможнымъ.

Что касается до того возраженія, что предсѣдательствующій, зная дѣло, разъяснитъ его въ должной мѣрѣ и безъ помощи сторонъ, а въ своемъ резюме объяснитъ присяжнымъ все, что можетъ показаться имъ неяснымъ, то оно говоритъ само за себя. Прежде всего, оно въ существѣ своемъ невѣрно и противно закону. Главная обязанность освѣщенія дѣла со всѣхъ сторонъ лежитъ на прокурорѣ и на защитникѣ, а не на предсѣдателѣ, который одинъ не можетъ разъяснить дѣло всесторонне. Затѣмъ, ни для кого не секретъ, что у насъ въ судахъ очень немного предсѣдательствующихъ въ засѣданіяхъ, которые были бы въ состояніи справиться съ трудной задачей—вѣрно, безпристрастно и удобопонятно для присяжныхъ изложить въ своемъ резюме обстоятельства дѣла и, потому, такое самомнѣніе многихъ предсѣдательствующихъ, по меньшей мѣрѣ, нѣсколько преувеличено. Но кромѣ того возраженіе это невѣрно и потому, что предсѣдательствующій можетъ излагать присяжнымъ свое резюме на основаніи происходившаго на судѣ, а никакъ не на основаніи свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ слѣдственнаго производства, съ которымъ они, предсѣдательствующіе, часто плохо знакомы. А разъ на судѣ не будетъ выяснено то или другое обстоятельство, изъ выясненнаго предварительнымъ слѣдствіемъ, то и резюме не можетъ касаться ихъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что существующій во многихъ судахъ порядокъ „быстраго“ разсмотрѣнія дѣла на сессіяхъ, прямо ведетъ ко вреду дѣла и что суды не могутъ и не должны отговариваться тѣмъ, что для присяжныхъ засѣдателей удобнѣе находиться въ засѣданіяхъ цѣлые дни до глубокой ночи, лишь бы освободиться однимъ днемъ раньше. Да эта отговорка и не искренна и только скрываетъ, непонятно для чего, истинную причину установившагося порядка.

Намъ неоднократно приходилось слышать отъ лицъ, бывшихъ присяжными, и отъ лицъ, передававшихъ ихъ замѣчанія, что многіе присяжные сожалѣютъ о такомъ способѣ разсмотрѣнія дѣлъ, который напрасно утомляетъ ихъ и не даетъ возможности изучить дѣло всесторонне, результатомъ чего являются нареканія на ихъ рѣшенія, въ которыхъ косвеннымъ, но не главнымъ образомъ, виноваты суды. Намъ даже извѣстенъ случай, когда присяжные выразили порицаніе торопливому веденію дѣла. Однажды, въ субботу, въ послѣдній день сессіи, длившейся три недѣли, одно небольшое, повидимому, дѣло, неожиданно затянулось и судебное слѣдствіе заключилось въ пятомъ часу. Видя, что засѣданіе продолжится часовъ до 9 вечера, а другое дѣло должно продолжаться часа четыре, товарищъ предсѣдателя обратился къ присяжнымъ съ вопросомъ: чувствуютъ ли они себя въ силахъ разсмотрѣть и другое дѣло по окончаніи этого, или предпочтутъ разсмотрѣть его на слѣдующій день, чтобы не сидѣть въ судѣ ночь. Присяжные посовѣтывввшись между собою, уполномочили старшину передать предсѣдательствующему слѣдующій отвѣтъ: „ночное засѣданіе для многихъ изъ нихъ, уже утомленныхъ, будетъ тяжело и потому не желая, чтобы на рѣшеніе наше, какое бы оно ни было, могли смотрѣть какъ на рѣшеніе людей утомленныхъ и, потому, невнимательно относившихся къ дѣлу, мы предпочитаемъ провести лишній день на сессіи и просимъ отложить засѣданіе по другому дѣлу до завтра, послѣ обѣдни“. Одинъ такой отвѣтъ служитъ лучшимъ опроверженіемъ всѣхъ объясненій судовъ относительно удобствъ присяжныхъ.

Суды должны принимать во вниманіе интересы присяжныхъ, но не такіе интересы и не настолько, чтобы это прямо вредило дѣлу суда и интересамъ общества, подсудимаго, потерпѣвшаго и, наконецъ, свидѣтелей. Вѣдь всѣ свидѣтели, по всѣмъ назначеннымъ на извѣстный день дѣламъ, вызываются въ судъ къ 9 часамъ утра и иные изъ нихъ должны ожидать цѣлый день своей очереди, не смѣя отлучиться изъ суда. Немудрено, что такіе свидѣтели бранятъ судъ, напрасно то-

мящій ихъ, и испытавъ однажды это удовольствіе, готовы на заявленіе слѣдователю, что они ничего не знаютъ, лишь бы имъ снова не попасть въ свидѣтели.

VI.

Прочитавшій наши замѣчанія по поводу порядка разсмотрѣнія дѣлъ на сессіяхъ, имѣетъ полное право спросить: неужели же прокурорскій надзоръ, прямо заинтересованный исходомъ дѣлъ, не можетъ оказать вліянія на судъ и предложить или потребовать измѣненія такого порядка, если онъ судомъ практикуется?

Въ данномъ случаѣ прокурорскій надзоръ не можетъ ничего сдѣлать при всемъ своемъ желаніи, по многимъ причинамъ. Назначеніе сессій и распредѣленіе дѣлъ зависитъ исключительно отъ дискредиціонной власти суда, который, если захочетъ, всегда сумѣетъ указать причины, вызывающія его, а такъ какъ указанный нами порядокъ существуетъ не въ одномъ или нѣсколькихъ судахъ, а во многихъ, съ самаго открытія судовъ, и обратился какъ бы въ обычай, и такъ какъ о немъ знаютъ всѣ и даже судебная администрація, которая до сихъ поръ противъ этого не принимала никакихъ мѣръ, то очевидно, что одинъ прокуроръ ничего подѣлать не можетъ. Прокуроръ можетъ просить предсѣдателя частнымъ образомъ, предлагать суду официально и все-таки изъ этого ничего не выйдетъ, разъ въ судѣ установился такой обычай, ибо, повторяемъ, назначеніе сессій и распредѣленіе дѣлъ зависитъ исключительно отъ суда, а указанный порядокъ обусловливается такими сложными причинами, которыя не устраняются предложеніемъ или просьбою прокурора. Причины эти суть слѣдующія: недостаточность въ нѣкоторыхъ судахъ членовъ суда, сравнительно съ числомъ поступающихъ въ судъ дѣлъ; неудобства, испытываемыя членами суда на сессіяхъ, и расходы членовъ суда, сопряженные съ выѣздами. Есть много и другихъ мелкихъ причинъ, которыхъ мы не будемъ касаться, такъ какъ и перечисленныхъ нами вполнѣ достаточно, чтобы вполнѣ уяснить себѣ—почему существуетъ ненормаль-

ный порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ на уѣздныхъ сессіяхъ и почему онъ не устраняется однимъ предложеніемъ прокурора?

Если сопоставить число дѣлъ, поступающихъ въ судъ и подлежащихъ разсмотрѣнію въ судебныхъ засѣданіяхъ по существу, съ числомъ членовъ суда, то окажется, что на каждаго члена суда приходится отъ 80 – 120 дѣлъ. Хотя большинство дѣлъ таково, что нужно удивляться — почему они отнесены къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ, когда въ силу своего характера и предоставленной мировымъ судьямъ юрисдикціи они должны были бы быть подсудны послѣднимъ, но все же они представляютъ изъ себя дѣла, иногда сложныя, разсмотрѣніе которыхъ требуетъ времени, труда и выѣздовъ, а число ихъ говоритъ само за себя. Дѣла въ окружномъ судѣ разсматриваются не однимъ членомъ суда, а двумя, съ присоединеніемъ къ нимъ судебнаго слѣдователя или мироваго судьи, и потому, въ дѣйствительности, каждому члену суда приходится присутствовать въ засѣданіяхъ не по тому числу дѣлъ, которое приходится на его долю, а по числу дѣлъ въ полтора раза болѣе. Поясникъ это примѣромъ. Если въ судъ съ однимъ уголовнымъ отдѣленіемъ изъ трехъ членовъ поступаетъ 300 дѣлъ, то каждому члену суда придется разсмотрѣть не по 100 дѣлъ, а по 150 дѣлъ, въ теченіи восьми рабочихъ мѣсяцевъ, предполагая, что всѣ члены суда никогда не бываютъ нездоровы. Отсюда проистекаетъ понятное стремленіе разсмотрѣть всѣ поступающія дѣла, окончить ихъ, чтобы они не лежали въ судѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обременять напрасно подсудимыхъ, иначе изъ года въ годъ число неразрѣшенныхъ дѣлъ во многихъ судахъ увеличивалось бы. Если необходимо, во чтобы то ни стало, разсмотрѣть извѣстное число дѣлъ въ теченіи года, несмотря на наличныя силы суда, и если изъ рабочаго времени суда выбросить три лѣтніе мѣсяца и одинъ весенній, когда открывать сессій невозможно, то и окажется, что окружные суды должны торопиться разсмотрѣніемъ дѣлъ, такъ какъ имъ необходимо въ восемъ мѣсяцевъ сдѣлать то,

что слѣдовало бы сдѣлать въ теченіи года. Результаты сами собой ясны [1]).

Немного есть уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ интелегентный пріѣзжій могъ бы пользоваться необходимыми удобствами. Половина нашихъ уѣздныхъ городовъ такова, что пріѣзжему буквально некуда дѣться. А между тѣмъ судъ долженъ выѣзжать во всѣ города для разсмотрѣнія дѣлъ, такъ какъ долженъ разсматривать въ каждомъ уѣздномъ городѣ дѣла, которыя возникли въ его уѣздѣ. Пріѣзжая въ такой городъ, члены суда нерѣдко должны останавливаться на постоялыхъ дворахъ или на почтовыхъ станціяхъ. Понятно, что прожить при такихъ условіяхъ долгое время невыносимо тяжело. Усиленный трудъ требуетъ отдыха, а отдохнуть невозможно, такъ какъ невозможно заснуть тамъ, гдѣ грязь, вонь, нечистота и гдѣ кишатъ насѣкомыя. Хочется ѣсть — ѣсть нечего, кромѣ какихъ-то ужасныхъ щей и говядины, которыя приготовляетъ хозяйка постоялаго двора, да и то не каждый день, и приходится питаться чаемъ, яйцами и привезенными съ собою закусками. Все это можетъ казаться пустяками, можетъ даже казаться смѣшнымъ, но надо испытать такое положеніе, чтобы помнить его всю жизнь и чтобы потомъ не смѣяться. Каково нравственное состояніе членовъ суда и товарищей прокурора при подобныхъ условіяхъ жизни, можно понять, когда представить себѣ человѣка, утомленнаго работой, неотдохнувшаго и питающагося чаемъ. Понятно, что члены суда стремятся скорѣе вырваться изъ такого го-

---

[1]) Лѣтніе мѣсяцы для сессій неудобны, такъ какъ отрывать присяжныхъ и свидѣтелей отъ работъ, обезпечивающихъ ихъ на цѣлый годъ, невозможно. Точно также и время яровыхъ посѣвовъ неудобно для назначенія сессій, ибо пропустить нѣсколько дней для яровыхъ посѣвовъ, значитъ остаться безъ хлѣба весь годъ. Три лѣтніе мѣсяца, двѣ недѣли яровыхъ посѣвовъ и ст. астная и святая и дѣли, составятъ четыре мѣсяца, которые слѣдуетъ исключить изъ рабочаго времени суда по разсмотрѣнію дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Въ первое время суды назначали сессіи и въ лѣтніе мѣсяцы, но потомъ принуждены были отказаться отъ этого, какъ вслѣдствіе массы на то жалобъ, такъ и вслѣдствіе неявки большинства свидѣтелей, ушедшихъ на заработки.

рода, предпочитаютъ сидѣть въ судѣ до поздней ночи, лишь бы скорѣе окончить дѣла и, потому, назначаютъ много дѣлъ на каждый день сессіи. Члены суда и товарищи прокурора люди и требовать отъ нихъ нечеловѣческихъ усилій надъ собою, очевидно, невозможно.

Пожалуй, спросятъ: да почему же судъ не можетъ устроиться иначе, какъ на постояломъ дворѣ или на почтовой станціи; неужели въ городѣ не найдется никакого помѣщенія? Гдѣ живутъ товарищъ прокурора и мировые судьи, пріѣзжая къ засѣданіямъ мироваго съѣзда, и гдѣ останавливаются гласные, пріѣзжая въ земское собраніе? Мировые судьи и гласные — свои люди въ уѣздномъ городѣ и скорѣе могутъ устроиться, чѣмъ члены суда; они останавливаются у своихъ знакомыхъ, у предводителя дворянства; но и то есть два такихъ извѣстныхъ всѣмъ города (можетъ быть ихъ больше), гдѣ земство вынуждено было устроить гостинницы для пріѣзда гласныхъ. Товарищъ прокурора большею частью останавливается у судебнаго слѣдователя, если съ нимъ находится въ пріятельскихъ отношеніяхъ, а если по семейнымъ или другимъ причинамъ онъ не пользуется пріютомъ у судебнаго слѣдователя, то раздѣляетъ общую съ членами суда участь.

Судъ, или лучше сказать, предсѣдатель суда, могъ бы повліять на городскаго голову или исправника, которые всегда имѣютъ возможность оказать содѣйствіе суду въ пріисканіи удобнаго помѣщенія, но къ сожалѣнію это никогда не практикуется и суду никто никакого вниманія не оказываетъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ губерній, гдѣ сами губернаторы признаютъ необходимымъ оказать свое содѣйствіе суду. Мы знаемъ такой случай. Сессія была назначена въ одномъ глухомъ уѣздномъ городѣ на шесть дней. Предсѣдатель, предполагая выѣхать на сессію самъ, заранѣе написалъ городскому головѣ и исправнику любезныя письма, въ которыхъ, указывая на отсутствіе помѣщеній для пріѣзжихъ, просилъ ихъ найти за какую угодно плату какое-нибудь помѣщеніе изъ трехъ комнатъ, для членовъ суда и канцеляріи. Просьба

эта была оставлена безъ вниманія и предсѣдатель, членъ суда и товарищъ прокурора остановились на грязномъ постояломъ дворѣ. Разумѣется, спать никто не могъ и, по обычаю, всѣ питались чаемъ и яйцами. Къ концу сессіи отъ безсонницы членъ суда заболѣлъ, а предсѣдатель и товарищъ прокурора совсѣмъ расклеились. Въ послѣдній день сессіи предсѣдатель пригласилъ къ себѣ городскаго голову и заявилъ ему, что онъ, предсѣдатель, требуетъ отъ него, городскаго головы, чтобы въ слѣдующій разъ была отведена за плату сколько-нибудь удобная квартира для членовъ суда, такъ какъ въ противномъ случаѣ судъ не будетъ выѣзжать въ этотъ городъ, а будетъ разбирать дѣла въ смежномъ уѣздѣ. Голова, богатый купецъ-кулакъ, отвѣтилъ, что это не его дѣло отводить квартиры и съ тѣмъ ушелъ. Послѣ сего судъ цѣлый годъ не выѣзжалъ въ этотъ городъ, назначая разборъ дѣлъ въ смежномъ уѣздѣ и въ концѣ концовъ городской голова, подъ давленіемъ земской управы и городскаго общества, долженъ былъ согласиться заботиться о помѣщеніи для членовъ суда. Съ тѣхъ поръ судъ пользовался удобнымъ помѣщеніемъ, за которое хозяева дома берутъ очень большія деньги, но все-таки предоставляютъ его суду. Мы передали этотъ случай, повтореніе котораго, гдѣ бы то ни было, нежелательно, чтобы показать къ чему долженъ прибѣгать судъ въ своей борьбѣ за помѣщенія, необходимыя при тяжелой, усиленной умственной работѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это легко можно было бы устроить, такъ какъ немного уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ нельзя было бы найти трехъ чистыхъ комнатъ, но на дѣлѣ оказывается, что не только для членовъ суда, но и для самаго суда въ иныхъ городахъ *приходится искать* помѣщеніе. Кому неизвѣстны случаи, когда суду не отдавали помѣщеніе мироваго съѣзда, потому что оно было занято воинскимъ присутствіемъ, а залу городской думы, потому что она необходима управѣ. Нужно было энергическое вмѣшательство министерства, чтобы положить предѣлъ такому порядку и чтобы обязать земства давать суду помѣщеніе мироваго съѣзда.

Что приходится суду испытывать въ самыхъ помѣщеніяхъ для судебныхъ засѣданій въ уѣздныхъ городахъ, о томъ можно было бы исписать много томовъ. Желающихъ познакомиться съ этимъ интереснымъ положеніемъ суда на судѣ мы отсылаемъ къ судебнымъ очеркамъ Н. П. Тимофѣева „Судъ присяжныхъ въ Россіи“ (стр. 115—134), гдѣ авторъ совершенно вѣрно изобразилъ внѣшнюю обстановку на сессіяхъ. Прибавимъ только отъ себя, что и намъ случалось видѣть и испытывать судебныя засѣданія въ пальто въ пледахъ и въ калошахъ, принимать дѣятельное участіе въ обивкѣ оконъ войлокомъ и коврами, въ отопленіи помѣщенія и проч. Что приходится иногда испытывать въ этихъ помѣщеніяхъ суду, можно видѣть изъ тѣхъ извѣстныхъ намъ случаевъ, когда товарищъ прокурора, просидѣвъ сессію у окна (другаго мѣста для него не было) три мѣсяца боролся между жизнью и смертью, а членъ суда простудился и умеръ.

Полагаемъ, что всѣ эти удобства, испытываемыя судомъ при выѣздахъ на сессіи не особенно располагаютъ оставаться въ уѣздномъ городкѣ надолго и что, потому, стремленіе судовъ скорѣе, во чтобы то ни стало окончить сессію, понятно. Врядъ ли найдется такой строгій судья, который сталъ бы винить въ этомъ судъ.

Указанныя нами условія вліяютъ на дѣла суда самымъ вреднымъ образомъ еще и вотъ почему. Помимо стремленія скорѣе „окончить“ дѣло и вызываемой имъ торопливости при разсмотрѣніи дѣлъ, судъ, стороны и присяжные засѣдатели не могутъ относиться къ дѣлу съ тою сосредоточенностью и съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ они должны были относиться ко всѣмъ дѣламъ; они не могутъ вполнѣ отдаться дѣлу и утомительной умственной работѣ, когда внѣшнія условія дѣятельности ихъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ вліяютъ на нихъ и заставляютъ въ то же время заботиться о себѣ.

Наконецъ, третья причина, вліяющая на порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ на сессіяхъ — это расходъ чиновъ судебнаго вѣдомства при выѣздахъ на сессіи. Членъ суда получаетъ при служебныхъ поѣздкахъ суточныхъ 1 р. 80 к.

и на шесть лошадей прогоновъ, а товарищъ прокурора—90 к. суточныхъ и прогоновъ на три лошади; этихъ денегъ очень часто не хватаетъ члену суда и никогда не хватаетъ товарищу прокурора. Даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ приходится останавливаться на постоялыхъ дворахъ, члены суда расходуютъ на жизнь всѣ свои суточныя деньги, а въ тѣхъ городахъ, гдѣ существуютъ удобства для пріѣзжихъ, т. е. гостинницы, тамъ жизнь обходится очень дорого и, потому, судьямъ приходится приплачивать изъ своего и безъ того тощаго кармана. Такимъ образомъ, если отъ одной поѣздки у членовъ суда окажутся остатки отъ прогоновъ, то эти остатки идутъ на приплаты по другой поѣздкѣ. Въ результатѣ оказывается, что въ большинствѣ судовъ, судьи по всѣмъ поѣздкамъ за цѣлый годъ только сводятъ концы съ концами и то при условіи самой строгой экономіи и непродолжительности поѣздокъ, ибо каждый лишній день поѣздки вызываетъ лишніе расходы. Мы сказали „въ большинствѣ судовъ“, такъ какъ судовъ, находящихся или въ такихъ „хорошихъ“ условіяхъ, которые позволяютъ членамъ суда составлять экономію изъ разъѣздныхъ денегъ, или въ такихъ „неблагопріятныхъ“ условіяхъ, которыя вызываютъ постоянныя приплаты изъ своего кармана, немного и они извѣстны на перечетъ.

Изъ того, что членамъ суда еле-еле хватаетъ отпускаемыхъ имъ денегъ при разъѣздахъ, можно представить себѣ положеніе товарищей прокурора, получающихъ вдвое меньше прогонныхъ и суточныхъ, чѣмъ члены суда. Какъ бы не экономничалъ товарищъ прокурора, все таки онъ не можетъ не приплачивать на каждую поѣздку изъ своего несчастнаго жалованья. А между тѣмъ товарищу прокурора приходится совершать очень много поѣздокъ и на мировые съѣзды, и для наблюденія за слѣдствіями, и по другимъ порученіямъ. Нельзя искренно не пожалѣть, что до сего времени судебная администрація не обратила никакого вниманія на положеніе своихъ органовъ, на долю которыхъ приходится самый тяжелый трудъ въ общемъ дѣлѣ суда и отъ которыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, требуется особая энергія и особыя способности.

Въ послѣднее время было много говорено въ печати о прогонахъ на шесть лошадей, отпускаемыхъ членамъ суда на служебныя поѣздки ихъ по желѣзнымъ дорогамъ; эти „шестилошадиные прогоны“ представляются какою-то „смѣшною нелѣпостью“. Дѣйствительно, можетъ быть и странно отпускать члену суда прогоны на шесть лошадей, когда везетъ его по рельсамъ не лошадь, а паровозъ; но дѣло не въ томъ подъ какимъ названіемъ отпускаются чинамъ судебнаго вѣдомства деньги, а въ томъ—насколько справедливо они отпускаются и насколько они удовлетворяютъ чиновниковъ при ихъ разъѣздахъ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что если чиновникъ получаетъ на служебныя поѣздки деньги въ такомъ размѣрѣ, что они не покрываютъ расходовъ ихъ по поѣздкамъ, то чиновники или избѣгаютъ поѣздокъ, или стараются, по возможности, дѣлать выѣзды рѣже,—противъ чего врядъ ли можно придумать какія нибудь дѣйствительныя мѣры. Въ дѣлѣ суда и то и другое ведетъ прямо ко вреду его, такъ какъ только выѣздомъ суда и обусловливается его дѣятельность. Вотъ почему способъ удовлетворенія путевыхъ расходовъ чиновъ судебнаго вѣдомства дѣйствительно долженъ быть измѣненъ и поставленъ въ болѣе раціональныя условія, въ смыслѣ болѣе правильнаго возмѣщенія ихъ. Вовсе не требуется, чтобы чины судебнаго вѣдомства получали такія суммы на разъѣзды, которыя давали бы имъ сбереженіе. Необходимо только обезпечить имъ *всѣ* расходы по поѣздкѣ и болѣе или менѣе удобной и приличной жизни во время поѣздокъ, имѣя въ виду, что скудость получаемаго чинами судебнаго вѣдомства жалованья не позволяетъ имъ дѣлать приплатъ изъ своего тощаго кармана. Требовать этого отъ нихъ было бы высшею несправедливостью. Для дѣла было бы полезно отпускать чинамъ судебнаго вѣдомства такія деньги, которыя скорѣе позволяли бы имъ дѣлать маленькія сбереженія, чѣмъ наоборотъ, ибо это неминуемо поведетъ къ сокращенію числа поѣздокъ, т. е. ко вреду всего дѣла суда [1]).

[1]) По нашему мнѣнію было бы справедливымъ установить, чтобы члены

Мы указали условія, въ большинствѣ случаевъ неблагопріятно вліяющія на назначеніе сессій и на порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ на сессіяхъ; но нужно быть справедливымъ и сознаться, что для иныхъ судовъ эти условія не имѣютъ никакого значенія и все таки на каждый день сессіи назначается масса дѣлъ, которыя, потому, разсматриваются не такъ, какъ слѣдовало бы. Для такихъ судовъ формальное отношеніе къ дѣлу совершенно непростительно.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопросъ о порядкѣ назначенія сессій и разсмотрѣнія на сессіяхъ дѣлъ въ скоромъ времени долженъ быть предметомъ особыхъ заботъ, ибо въ этомъ отношеніи положеніе дѣла ненормально и ведетъ прямо ко вреду его. Хотя вопросъ этотъ серьезный и сложный, но нѣтъ сомнѣнія, что урегулировать его не представится затрудненій, если будетъ обращено вниманіе и на указанныя нами обстоятельства.

VII.

Издавна раздаются справедливыя жалобы, что люди интеллегентные неохотно исполняютъ обязанности присяжныхъ засѣдателей и что многіе изъ нихъ всѣми силами стараются избѣжать этой обязанности. Дѣйствительно, весьма немногіе интеллегентные люди изъ землевладѣльцевъ попадаютъ въ списки присяжныхъ, и многіе изъ этихъ немногихъ предпочитаютъ подвергнуться штрафу и представить завѣдомо для

судовъ и судебныхъ палатъ, въ томъ числѣ и предсѣдатели, и всѣ лица прокурорскаго надзора получали прогоновъ по почтовымъ трактамъ на 4 лошади а по желѣзнымъ дорогамъ двойную стоимость билета I класса (путешествіе по желѣзной дорогѣ вызываетъ массу мелкихъ расходовъ помимо платы за билетъ и багажъ) и суточныхъ отъ 4 до 5 рублей. Отъ такого распредѣленія казнѣ, вѣроятно, не придется отпускать лишнихъ противъ настоящаго времени суммъ, но оно будетъ справедливѣе распредѣляться и возмѣщать всѣ расходы чиновъ судебнаго вѣдомства. Одинаковость возмѣщенія путевыхъ расходовъ должна быть установлена безусловно, такъ какъ всѣ члены судебнаго вѣдомства находятся въ одинаковыхъ условіяхъ жизни и положительно несправедливо обижать товарищей прокурора, заставляя ихъ часть своего жалованья тратить на разъѣзды и отпускать громадныя деньги всѣмъ чинамъ судебныхъ палатъ при ихъ разъѣздахъ.

всѣхъ ложное медицинское свидѣтельство о болѣзни, чѣмъ явиться въ судъ въ качествѣ присяжнаго. Выдача ложныхъ медицинскихъ свидѣтельствъ вольнопрактикующими врачами, благодаря ненаказуемости ея по закону, до такой степени распространена, что никого не удивляетъ, если почтенный человѣкъ пользуется ложнымъ свидѣтельствомъ и если врачъ громко говоритъ о томъ, что онъ выдаетъ таковыя всѣмъ желающимъ. А между тѣмъ уклоненіе интеллегентныхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ отъ исполненія обязанности присяжныхъ засѣдателей — крайне грустное явленіе, ибо они такъ серьезно и добросовѣстно относятся къ дѣламъ на судѣ, что составляютъ самый желательный контингентъ для присяжныхъ.

Нести обязанность присяжнаго засѣдателя ни для кого не составляетъ удовольствія. Отрываться отъ своихъ занятій и дѣлъ, тратить безвозмездно трудъ, время и здоровье и нести нравственную отвѣтственность за рѣшеніе дѣла—не особенно легко; но все таки эти причины не суть единственныя, которыя заставляютъ интеллегентныхъ землевладѣльцевъ уклоняться отъ исполненія обязанностей присяжныхъ. Существуютъ другія причины; на нихъ мы и остановимся.

Мы видѣли какъ тяжко отзывается порядокъ и способъ разсмотрѣнія дѣлъ на сессіяхъ на всѣхъ лицахъ, принимающихъ въ этомъ участіе, но на присяжныхъ это должно отзываться тяжелѣе, чѣмъ на судьяхъ и товарищахъ прокурора. Помимо физическаго и нравственнаго утомленія, испытываемаго присяжными при разсмотрѣніи небольшихъ, обыкновенныхъ дѣлъ, благодаря существующему порядку имъ приходится испытывать такія неудобства, какія членамъ суда и прокурору испытывать не приходится, ибо послѣдніе не стоятъ въ такой непосредственной зависимости отъ помѣщенія собственно для суда, въ какой находятся отъ него присяжные. Извѣстно, что очень многіе земства ко всѣмъ нуждамъ суда относятся чрезвычайно апатично и не обращаютъ никакого вниманія на то—удовлетворяетъ ли данное помѣщеніе самымъ невзыскательнымъ требованіямъ мироваго съѣзда,

не только окружнаго суда. Если въ распоряженіи земства имѣется комната въ десять аршинъ, то такое помѣщеніе признается совершенно достаточнымъ для засѣданій мироваго съѣзда. Поэтому очень часто приходится наблюдать на съѣздахъ, что свидѣтели помѣщаются или въ передней, или въ сѣняхъ, или въ каморкѣ сторожа. Мировой съѣздъ, съ грѣхомъ пополамъ, можетъ удовлетворяться такимъ помѣщеніемъ; но для окружнаго суда, который разсматриваетъ дѣла при совершенно другой, сложной обстановкѣ, такое помѣщеніе прямо негодно. И вотъ, благодаря такому помѣщенію, присяжнымъ приходится испытывать цѣлый рядъ весьма тяжкихъ неудобствъ. Если засѣданіе продолжается нѣсколько часовъ, часовъ пять-шесть, то присяжные этихъ неудобствъ еще не испытываютъ, но если засѣданіе тянется цѣлый день, то они испытываютъ чуть не пытку. Во время перерыва, когда члены суда и прокуроръ въ совѣщательной комнатѣ *наскоро* закусываютъ или пьютъ чай, о чемъ заранѣе приказываютъ курьеру, присяжные, удаляясь въ крохотную комнатку, утоляютъ свой голодъ разговорами, куреніемъ и—въ крайнемъ случаѣ—водой, такъ какъ чаемъ угостить ихъ некому, а послать за закуской—некого, да и некогда. Такимъ образомъ присяжные засѣдатели сплошь и рядомъ проводятъ цѣлые дни въ строгомъ постѣ. Если засѣданіе продолжится на другой день, что хотя и рѣдко, но случается, и предсѣдательствующій не отпуститъ присяжныхъ по домамъ, то пытка усугубляется, такъ какъ въ помѣщеніяхъ съѣзда нѣтъ никакихъ приспособленій и имъ приходится спать на стульяхъ, на скамьяхъ, на столахъ и на полу, всѣмъ вмѣстѣ. И такую ночь они должны провести послѣ того, какъ высидѣли на неудобныхъ стульяхъ часовъ четырнадцать.

Мы не будемъ болѣе останавливаться на испытаніяхъ присяжныхъ, зависящихъ отъ помѣщенія суда, ибо они хорошо извѣстны всѣмъ. Мы указали только на нихъ вкратцѣ, чтобы имѣть право сказать, что людямъ, даже не привыкшимъ къ жизненнымъ удобствамъ, провести нѣсколько дней въ такой обстановкѣ невыносимо тяжело. Понятно, что инте-

легентные землевладѣльцы, привыкшіе къ большему или меньшему комфорту въ своей жизни, не выносятъ такой обстановки и употребляютъ всѣ мѣры для того, чтобы не попасть въ число присяжныхъ.

Вотъ почему насъ удивляетъ возраженіе членовъ суда, что присяжнымъ удобнѣе проводить цѣлые дни въ судѣ, лишь бы днемъ раньше освободиться отъ своихъ обязанностей. Если бы дѣла на сессіи назначались такъ, что засѣданія оканчивались бы не позднѣе четырехъ часовъ дня, то присяжнымъ, разумѣется, не пришлось бы испытывать и десятой доли тѣхъ неудобствъ, которыя они теперь испытываютъ, просиживая въ судѣ до ночи.

Указанная нами причина, вызывающая стремленіе интелегентныхъ лицъ уклоняться отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей, должна быть признана главною; это признаютъ всѣ судебные дѣятели. Насколько она вліяетъ на присяжныхъ засѣдателей можно видѣть изъ того, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ помѣщенія болѣе или менѣе приспособлены для суда и гдѣ присяжные пользуются нѣкоторыми удобствами и вниманіемъ со стороны суда, тамъ уклоненіе интелегентныхъ лицъ наблюдается рѣже. Бываетъ даже такъ (мы говоримъ по опыту), что въ двухъ смежныхъ уѣздахъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ, наблюдается разница— въ одномъ, гдѣ есть удобное помѣщеніе для суда, дворяне-помѣщики охотно являются въ судъ, въ другомъ, гдѣ помѣщеніе невозможное, каждый разъ при открытіи сессіи читаются нѣсколько медицинскихъ свидѣтельствъ, какъ будто на присяжныхъ изъ дворянъ напали повальныя болѣзни.

Но кромѣ этой причины, вліяющей непрерывно и болѣе или менѣе одинаково на всѣхъ присяжныхъ извѣстной мѣстности, слѣдуетъ указать и другія, вліяющія не на всѣхъ присяжныхъ, а на отдѣльныя личности изъ нихъ и, притомъ, не постоянно, а болѣе или менѣе рѣдко.

Слѣдуетъ сознаться, что нѣкоторые изъ предсѣдательствующихъ держатъ себя на судѣ вообще не такъ, какъ слѣдовало бы. Иной членъ суда, садясь на предсѣдательское

мѣсто, мнитъ себя почти что непогрѣшимымъ. Докторально и непреложно даетъ онъ присяжнымъ не разъясненія, а какія то внушенія, и смотритъ на нихъ какъ на подчиненныхъ. Чувствуя за собою въ данный моментъ маленькую частицу власти, онъ старается показать ее во всемъ блескѣ и величіи ея. Такое самовеличаніе, разумѣется, со стороны смѣшно, но испытывать его на себѣ непріятно.

Такіе предсѣдательствующіе *единичны* и появленіе ихъ на предсѣдательскомъ креслѣ объясняется ненормальными условіями порядка назначеній предсѣдательствующихъ на судѣ (о чемъ мы будемъ говорить далѣе), но если они составляютъ единичныя исключенія, то чаще приходится наблюдать, что судъ и предсѣдательствующіе проявляютъ свою власть весьма не кстати и позволяютъ себѣ дѣлать присяжнымъ замѣчанія и обращаться съ ними не въ той формѣ, въ какой они должны были бы обращаться къ нимъ, безъ той деликатности и предупредительности, которыя необходимо должны бы проявляться со стороны ихъ къ нуждамъ и желаніямъ присяжныхъ, а черезъ чуръ формально. Судъ какъ будто забываетъ, что присяжные не суть праздные люди, пришедшіе „поглазѣть“ на судъ, а люди, которые служатъ обществу безвозмездно и несутъ такую тяжелую службу, что заслуживаютъ особаго вниманія къ нимъ. Да и вниманіе это оказывать присяжнымъ нетрудно. Нужды и требованія присяжныхъ на сессіяхъ такъ ограничены, что самой обыкновенной деликатности вполнѣ достаточно, чтобы вполнѣ удовлетворить ихъ и облегчить имъ ихъ трудную задачу.

Нѣтъ надобности указывать на частные случаи такихъ отношеній суда къ присяжнымъ засѣдателямъ, они также достаточно извѣстны всѣмъ. Общеизвѣстность ихъ даетъ намъ право утверждать, что они также составляютъ одну изъ причинъ, благодаря которой нѣкоторые интелегентные люди стремятся избѣжать удовольствія быть присяжными. Понятно, что не на всѣхъ интелегентныхъ людяхъ эта причина можетъ сказаться. Во первыхъ, она сказывается относительно довольно рѣдко, а во вторыхъ, она можетъ вліять только на отдѣль-

ныя личности, испытавшія формализмъ и недостаточную деликатность предсѣдательствующихъ на судѣ, да и то не на всѣхъ.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что вообще отношенія судовъ къ присяжнымъ засѣдателямъ съ самаго открытія судовъ вполнѣ нормальны, а въ нѣкоторыхъ судахъ въ отношеніяхъ суда къ нуждамъ и желаніямъ присяжныхъ замѣчается особая предупредительность, которая традиціонно поддерживается судами, и что указанныя нами ненормальныя отношенія обусловливаются не взглядомъ и характеромъ дѣятельности нѣкоторыхъ судовъ, а взглядомъ и характеромъ довольно рѣдкихъ въ судахъ членовъ суда. Хотя такія отношенія и составляютъ рѣдкое исключеніе, но мы не считали себя вправѣ умолчать о нихъ, ибо не считаемъ удобнымъ скрывать что либо, дабы представить дѣятельность судовъ и его органовъ въ одностороннемъ видѣ. Поэтому мы и не останавливаемся на тѣхъ столкновеніяхъ присяжныхъ съ предсѣдательствующими, которыя возникаютъ исключительно по винѣ первыхъ, ибо они, не выражая дѣятельности судовъ, могутъ только дать понятіе о той или другой личности изъ присяжныхъ.

Но кромѣ этой, рѣдко проявляющейся причины, нужно указать еще другую, чаще наблюдаемую, благодаря недостаточному вниманію предсѣдателей судовъ. Мы говоримъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя приходится сплошь и рядомъ испытывать присяжнымъ засѣдателямъ отъ судебныхъ приставовъ и сторожей. Какъ ни странно это, но не только невѣжливое, но грубое, дерзкое обращеніе судебныхъ приставовъ и сторожей къ присяжнымъ приходится наблюдать и слышать о томъ довольно часто. Весьма понятно, что судебный приставъ не позволитъ себѣ неприлично обращаться съ интелегентнымъ человѣкомъ (хотя и это случается), но съ „сѣряками“ и „поддѣвками“ они бываютъ очень грубы, что и на интелегентныхъ присяжныхъ, смотрящихъ на оскорбленныхъ, какъ на товарищей по обязанностямъ своимъ, производитъ непріятное, удручающее впечатлѣніе. Напримѣръ, однажды

богатый, образованный человѣкъ, занимавшій прежде на службѣ высокое положеніе, попалъ въ присяжные. Опасаясь опоздать къ засѣданію, онъ прямо изъ деревни пріѣхалъ въ судъ, отправилъ лошадей въ гостинницу, а самъ, какъ былъ въ дубленкѣ и валенкахъ (дѣло было зимою) вошелъ въ переднюю, чтобы раздѣться. Въ это время судебный приставъ въ слѣдующей комнатѣ перекликалъ присяжныхъ. Услыхавъ свою фамилію, помѣщикъ откликнулся. Судебный приставъ выбѣжалъ въ переднюю и началъ кричать на него и бранить „безтолочью“ за то, что онъ сидитъ въ передней, когда долженъ быть въ комнатѣ для присяжныхъ. Помѣщикъ промолчалъ, но потомъ заявилъ объ этомъ предсѣдательствующему, несмотря на извиненія судебнаго пристава, объяснявшаго свою неприличную выходку тѣмъ, что въ спискѣ не было означено званія помѣщика и онъ принялъ его за „мужика“. Какія мѣры были приняты затѣмъ предсѣдателемъ по отношенію къ судебному приставу мы не знаемъ, но знаемъ, что этотъ судебный приставъ еще долго продолжалъ „учить мужиковъ“. А помѣщикъ потомъ громко говорилъ, что онъ болѣе въ судъ присяжныхъ не пойдетъ, такъ какъ не желаетъ ни быть оскорбленнымъ, ни видѣть оскорбительныхъ обращеній съ лицами, съ которыми онъ совмѣстно долженъ служить дѣлу суда. Коментаріи излишни.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное обращеніе судебныхъ приставовъ и сторожей и курьеровъ съ присяжными, лежитъ исключительно на отвѣтственности предсѣдателей судовъ. Предсѣдатели не только могутъ, но должны предупреждать возможность всякаго столкновенія присяжныхъ засѣдателей съ этими лицами, вмѣнивъ въ обязанность судебнымъ приставамъ подъ угрозой строгой отвѣтственности, не только вѣжливое обращеніе ко всѣмъ присяжнымъ, но и наблюденіе затѣмъ, чтобы сторожа и курьеры были бы также вѣжливы и предупредительны къ нимъ. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, предсѣдатели судовъ недостаточно обращаютъ на это вниманія, не взыскиваютъ за это строго съ судебныхъ приставовъ,

многіе изъ которыхъ продолжаютъ изображать изъ себя Держимордъ [1]).

И такъ мы видимъ, что существуютъ причины, которыя въ совокупности или въ отдѣльности вліяютъ на присяжныхъ засѣдателей вообще и побуждаютъ интелигентныхъ людей, въ частности, уклоняться отъ исполненія обязанностей присяжныхъ. А такъ какъ, повторяемъ, интелигентные землевладѣльцы, составляютъ самый желательный контингентъ присяжныхъ засѣдателей и такъ какъ ихъ мѣсто на скамьяхъ присяжныхъ занимаютъ другія лица, менѣе развитыя, и бездомные бѣдняки, которые не могутъ такъ серьезно и всесторонне обсуждать дѣла какъ первые, то, очевидно, что это должно непосредственно и весьма сильно вліять на ходъ дѣла самаго суда.

VIII.

Возможность разсмотрѣнія дѣла судомъ обусловливается возможностью всесторонняго разслѣдованія на судебномъ слѣдствіи данныхъ, собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, чтобы у присяжныхъ засѣдателей былъ необходимый матеріалъ для болѣе или менѣе правильной оцѣнки существа дѣла, т. е. степени достовѣрности и основательности доказательствъ и уликъ противъ подсудимаго, характера дѣянія его и проч. Улики и доказательства, главнымъ образомъ, состоятъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ, удостовѣряющихъ извѣстныя обстоятельства. Между тѣмъ неявка свидѣтелей составляетъ хроническій недугъ нашего уголовнаго процесса. Рѣдко по какому дѣлу являются всѣ свидѣтели; въ громадномъ большинствѣ случаевъ нѣсколько свидѣтелей отсутствуютъ. Поэтому прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію дѣла, судъ долженъ опредѣлить: можно ли при наличности однихъ явившихся свидѣ-

---

[1]) Нельзя не порадоваться стремленію нѣкоторыхъ предсѣдателей составить персоналъ судебныхъ приставовъ изъ лицъ образованныхъ, пополняя ряды ихъ не канцелярскими чиновниками, а людьми, окончившими высшее образованіе. Мы знаемъ нѣсколько судовъ, въ которыхъ многіе судебные пристава съ университетскимъ обр зованіемъ.

телей разсматривать дѣло, безъ опасенія, что на судебномъ слѣдствіи оно, по сравненію съ предварительнымъ слѣдствіемъ, представится неразъясненнымъ или разъясненнымъ односторонне, или необходимо еще и прочитать показанія неявившихся свидѣтелей?

Прочтеніе изъ предварительнаго слѣдствія письменныхъ показаній свидѣтелей, неявившихся въ судъ, возможно только за смертью, болѣзнью, совершенною дряхлостью или дальнею отлучкою свидѣтелей (ст. 626 устава) и при условіи, что показанія ихъ существенны для дѣла; это послѣднее условіе установлено почему то и для чего то сенатомъ. Сенатъ многими своими рѣшеніями, по вопросу о прочтеніи письменныхъ показаній неявившихся свидѣтелей, безусловно требуетъ, чтобы судъ разрѣшалъ прочтеніе показаній только тѣхъ по законнымъ причинамъ неявившихся свидѣтелей, коихъ показанія существенны для дѣла, въ противномъ случаѣ, т. е. при несущественности показаній свидѣтелей, показанія ихъ не могутъ быть читаемы, хотя бы свидѣтели не явились по причинамъ законнымъ.

Поэтому судъ, прежде всего, долженъ опредѣлить—законны ли причины неявки свидѣтелей, слѣдуетъ ли признать показанія неявившихся свидѣтелей существенными и подлежатъ ли они, въ силу этихъ двухъ условій, прочтенію. Если судъ признаетъ показанія неявившихся свидѣтелей существенными и причины неявки ихъ законными, то разрѣшаетъ прочтеніе показаній, въ противномъ случаѣ долженъ отложить разсмотрѣніе дѣла; если же судъ признаетъ показанія свидѣтелей несущественными, то хотя бы свидѣтели не явились по законнымъ причинамъ, показанія ихъ прочитаны быть не могутъ.

Такимъ образомъ возможность разсмотрѣнія дѣла при неявкѣ свидѣтелей, обусловливается существенностью или несущественностью показаній отсутствующихъ свидѣтелей, признаніе чего принадлежитъ суду безконтрольно, ибо это относится къ существу дѣла и можетъ подлежать кассаціонной провѣркѣ въ исключительныхъ случаяхъ.

Разрѣшить вопросъ о существенности или несущественности показанія даннаго свидѣтеля часто бываетъ затруднительно, ибо провести точную границу между тѣмъ и другимъ часто невозможно. Помимо того, что взглядъ на значеніе показанія одного свидѣтеля, въ ряду массы другихъ показаній, опредѣляется степенью знанія дѣла суда вообще, знаніемъ разсматриваемаго дѣла, характеромъ и способностями судьи, и съ внѣшней стороны весьма часто бываетъ затруднительно опредѣлить степень существенности показанія свидѣтеля и значеніе его въ ряду другихъ доказательствъ. Иногда свидѣтель показываетъ о совершенно побочномъ обстоятельствѣ, которое между тѣмъ связуетъ всю цѣпь уликъ и дѣлаетъ ее неразрывною, при умѣлости сопоставлять и группировать улики. Вотъ почему разрѣшеніе вопроса о существенности или несущественности показаній неявившихся свидѣтелей, при опредѣленіи возможности разсматривать дѣло, сводится только къ тому — могутъ ли присяжные засѣдатели при явившихся свидѣтеляхъ получить болѣе или менѣе цѣлостное впечатлѣніе о дѣлѣ, и если по мнѣнію суда могутъ, то затѣмъ показаніе неявившагося свидѣтеля, хотя бы и существенное, признается несущественнымъ и судъ разсматриваетъ дѣло. Понятіе о возможности получить цѣлостное впечатлѣніе о дѣлѣ, при отсутствіи той или другой улики, какъ понятіе относительное, разумѣется весьма растяжимо. Въ особенности вѣрное опредѣленіе его трудно дается по предварительному знакомству съ дѣломъ, по которому обвиненіе основано на косвенныхъ уликахъ, и надо обладать большою опытностью, чтобы опредѣлить—можетъ ли повліять на значеніе и характеръ уликъ отсутствіе одной изъ нихъ, въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей. Очень часто приходится наблюдать, что судьи совершенно ясно представляютъ себѣ дѣло, а присяжные получаютъ только одно смутное впечатлѣніе о немъ. Объясняется это тѣмъ, что судьи, знакомые съ обстоятельствами дѣла по предварительному слѣдствію, дополняютъ имп впечатлѣнія судебнаго слѣдствія и имѣютъ возможность оцѣнивать ихъ, а присяжные засѣдатели, не зная того, что по-

казали бы неявившіеся свидѣтели, не имѣютъ возможности объяснить тотъ или другой фактъ, т. е. связать всѣ улики. Послѣдствіемъ сего являются или оправдательные приговоры, коимъ потомъ удивляются судьи, или обвинительные приговоры, совершенно нежелательные. Мы приведемъ примѣръ, объясняющій нашу мысль. Одна женщина обвинялась въ участіи, вмѣстѣ съ другимъ лицомъ, въ убійствѣ своего мужа. Участіе ея доказывалось несомнѣнно, цѣлымъ рядомъ неразрывныхъ уликъ, но она утверждала, что къ убійству мужа основаній не имѣла, такъ какъ искренно любила его, и въ доказательство того, что она жила съ мужемъ хорошо, любовно и никогда не ссорилась съ нимъ, сослалась на цѣлый рядъ свидѣтелей, подтвердившихъ, что по ихъ мнѣнію супруги жили очень хорошо, такъ какъ они никогда не замѣчали между ними ссоръ, а напротивъ, супруги оказывали другъ другу вниманіе. Такимъ образомъ участіе ея въ убійствѣ, *несомнѣнно* доказанное, представлялось ничѣмъ необъяснимымъ и невольно вкрадывалось сомнѣніе въ ея виновности и думалось о фатальной случайности. Между тѣмъ, при самомъ окончаніи слѣдствія было обнаружено, что обвиняемая, въ день убійства, какъ будто ничего не зная объ убійствѣ, уѣхала изъ того города въ другой (куда очень часто ѣздила, какъ будто для покупокъ), въ вагонѣ желѣзной дорогѣ сошлась съ однимъ господиномъ и отправилась къ нему въ квартиру, а на другой день, съ другимъ своимъ знакомымъ, провела ночь въ гостиницѣ. Этимъ устанавливалась ея личность и отношенія къ мужу, котораго она очевидно не любила. При заключеніи слѣдствія обвиняемая возраженія представить отказалась. Въ обвинительный актъ эти обстоятельства, по понятнымъ причинамъ, не были внесены, такъ какъ они не служили къ уличенію обвиняемой. На судѣ ни дворникъ, ни нумерной гостинницы, знавшіе подсудимую, не явились по неизвѣстнымъ причинамъ, а судъ, не смотря на просьбу товарища прокурора отложить разборъ дѣла, приступилъ къ слѣдствію, признавъ показанія ихъ несущественными. На судебномъ слѣдствіи подсудимая стала вновь говорить о любви

своей къ мужу, о ея семейномъ счастіи, котораго ей не было расчета и основанія нарушать; показанія ея въ большей или меньшей степени подтверждались свидѣтелями и никто не могъ опровергнуть этого, не смотря на очевидный для суда вымыселъ. Присяжные, не зная чѣмъ объяснить убійство, не сочли возможнымъ обвинить жену, а судъ потомъ удивлялся такому вердикту.

Мы указали на рѣзкій примѣръ, но такихъ примѣровъ можно бы перечесть много и всѣ они ведутъ къ одному и тому же результату.

Почему же суды, допуская возможность неправильнаго пониманія или уясненія присяжными засѣдателями обстоятельствъ дѣла при отсутствіи нѣкоторыхъ свидѣтелей, все таки приступаютъ къ разсмотрѣнію дѣла?

Уже давно замѣчено, что въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ судахъ существуетъ стремленіе разсматривать дѣла во чтобы то ни стало, не смотря на неблагопріятно сложившіеся для разсмотрѣнія дѣла обстоятельства. Это стремленіе въ нѣкоторыхъ судахъ такъ интенсивно, что дѣло откладывается болѣе чѣмъ неохотно и только въ такихъ крайнихъ случаяхъ, когда разсматривать его положительно невозможно, или когда разсмотрѣніе дѣла должно вызвать кассацію приговора (что по этимъ условіямъ возможно только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ). Въ этихъ судахъ предсѣдательствующіе хвалятся тѣмъ, что ни одно дѣло на сессіяхъ не было отложено разсмотрѣніемъ, какъ будто въ непремѣнномъ разсмотрѣніи всѣхъ дѣлъ во чтобы то ни стало заключается какая нибудь заслуга.

Такой порядокъ вызывается многими причинами. Между ними есть причины почтенныя — нежеланіе обременять участь подсудимаго, когда сессія не можетъ быть назначена скоро, и убѣжденіе, что къ слѣдующей сессіи еще меньше свидѣтелей явится на судъ и свидѣтели могутъ перезабыть многое; но существуютъ также и такія причины, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны были бы существовать. Мы говоримъ о разсмотрѣніи дѣла ради его разсмотрѣнія, что не-

рѣдко практикуется нѣкоторыми предсѣдательствующими въ угоду предсѣдателямъ судовъ. Если предсѣдателю пріятно показать въ отчетахъ большой процентъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ и небольшой остатокъ дѣлъ, т. е. указать на усиленную дѣятельность суда, то ему, очевидно, непріятно откладываніе дѣлъ, ибо это влечетъ къ увеличенію остатка дѣлъ и къ уменьшенію по отчетамъ дѣятельности суда. Вотъ въ угоду такому предсѣдателю и разсматриваются дѣла во чтобы то ни стало. Результаты суда въ этомъ случаѣ не берутся во вниманіе, такъ какъ они всегда объясняются недостаточно вѣскимъ и серьезнымъ обвиненіемъ, т. е. слабостью уликъ. Такое отношеніе къ дѣлу положительно непростительно и вина въ томъ должна падать исключительно на предсѣдателей, которые могутъ и обязаны принять мѣры къ тому, чтобы члены, предсѣдательствующіе въ засѣданіяхъ, не проявляли своей дѣятельности въ ущербъ существу дѣла. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы дѣятельность судовъ и предсѣдателей до сихъ поръ оцѣнивалась не по числу разрѣшенныхъ дѣлъ, а по внутреннему характеру занятій и по другимъ условіямъ, то указанное нами явленіе не имѣло бы мѣста въ судахъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о непормальныхъ условіяхъ приведенія къ присягѣ присяжныхъ засѣдателей. Нѣсколько словъ потому, что вопросъ этотъ какъ нельзя болѣе простъ и ясенъ.

Присяжные засѣдатели приводятся къ присягѣ по каждому дѣлу отдѣльно. Въ тотъ день, когда назначено нѣсколько дѣлъ, иному присяжному приходится присягать нѣсколько разъ. Одному присяжному, на нашихъ глазахъ, пришлось присягнуть въ теченіи одной сессіи тридцать одинъ разъ. Такая частая присяга несомнѣнно теряетъ свой характеръ и значеніе и обращается въ простую формальность, небрежно исполняемую. Для того человѣка, для котораго присяга обратилась въ простую формальность, она не можетъ имѣть особаго значенія.

По нашему мнѣнію необходимо измѣнить существующій порядокъ, установивъ, чтобы присяжные засѣдатели приво-

дились къ присягѣ одинъ разъ предъ открытіемъ сессіи и чтобы они присягали въ томъ, что „по дѣламъ, по которымъ я буду избранъ присяжнымъ засѣдателемъ и т. д.“ (а не „по дѣлу, по которому я избранъ...“, какъ гласитъ текстъ присяги). Если могутъ возникать у подсудимыхъ сомнѣнія относительно приведенія присяжныхъ къ присягѣ, то ничто не препятствуетъ предлагать подсудимымъ являться ко времени привода къ присягѣ присяжныхъ засѣдателей.

Отъ такого порядка дѣло суда не потерпитъ, а выиграетъ, такъ какъ присяга, принесенная при торжественной обстановкѣ, несомнѣнно произведетъ болѣе сильное впечатлѣніе на присяжныхъ, чѣмъ присяга, практикуемая нынѣ, когда присягать приходится по нѣскольку разъ на день и когда текстъ присяги читаютъ такъ, какъ читаетъ „пономарь“.

IX.

Мы разсмотрѣли условія и порядокъ движенія дѣлъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій и производства ихъ до начала судебнаго слѣдствія. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть условія и характеръ дѣятельности суда и его органовъ на судебномъ слѣдствіи и ходъ самаго процесса. Начнемъ съ очерка дѣятельности прокуроровъ.

Судебные уставы, помимо всѣми признанныхъ за ними достоинствъ, представляются замѣчательною законодательною работою еще и потому, что характеръ дѣятельности судебныхъ учрежденій опредѣленъ ими съ замѣчательною послѣдовательностью. Изучая судебные уставы, невольно убѣждаешься въ томъ, что составители ихъ и государственный совѣтъ заботились не только о стройности цѣлаго и о послѣдовательности развитія основной мысли, но и о томъ, чтобы какое-нибудь частное опредѣленіе разнообразной дѣятельности судебныхъ лицъ не могло бы испортить этого стройнаго цѣлаго. Такъ, мастерски, нѣсколькими штрихами, законодатель очертилъ порядокъ и характеръ дѣятельности суда и его органовъ, нарисовавъ типы ихъ. Это типы, къ которымъ каждый изъ судебныхъ дѣятелей долженъ стараться подойти

въ своей дѣятельности. Не подлежитъ сомнѣнію, что не всѣ мы подходимъ къ этимъ типамъ, и что къ нѣкоторымъ типамъ мы и не можемъ подойти; но также нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ насъ можетъ сейчасъ же понять свою ошибку, какъ только обратится къ судебнымъ уставамъ. Какъ зеркало отражаетъ изображеніе, такъ и судебные уставы отразятъ ошибку. Отъ несоотвѣтствія насъ, или лучше сказать, нѣкоторыхъ изъ насъ, этимъ типамъ и возникаютъ нареканія на самый процессъ суда.

При поверхностномъ ознакомленіи съ судебными уставами, пожалуй, можно придти къ тому заключенію, что характеръ дѣятельности прокурора, какъ онъ установленъ судебными уставами, двойствененъ: на предварительномъ слѣдствіи прокуроръ дѣйствуетъ какъ власть, наблюдающая за правильностью производства слѣдствія, а на судѣ тотъ же прокуроръ является стороной, обязанной поддерживать обвиненіе противъ преданныхъ суду лицъ; но эта двойственность дѣятельности прокурора только кажущаяся. Характеръ дѣятельности прокурора, по закону, совершенно одинаковъ во всѣхъ стадіяхъ уголовнаго процесса.

Задача прокурора по разсмотрѣнію дѣла состоитъ въ наблюденіи за производствомъ слѣдствія, которое должно разъяснить дѣло и обнаружить дѣйствительно виновнаго въ совершеніи преступнаго дѣянія. Отсюда очевидно, что прокуроръ обязанъ принимать мѣры къ всестороннему выясненію дѣла, т. е. какъ къ обнаруженію виновнаго, такъ и къ выясненію невинности невинно заподозрѣннаго. Основой дѣятельности прокурора во время производства предварительнаго слѣдствія, помимо его опытности и знанія дѣла, очевидно, можетъ быть только его убѣжденіе, которымъ онъ долженъ руководиться въ своихъ порученіяхъ полиціи и предложеніяхъ судебному слѣдователю. Никакія другія соображенія не могутъ и не должны руководить прокуроромъ, такъ какъ иначе это будетъ не наблюденіе за правильнымъ ходомъ слѣдствія, а искаженіе нормальнаго хода его, преслѣдованіе личныхъ цѣлей, а не цѣли закона.

По окончаніи слѣдствія дѣло поступаетъ къ прокурору, который даетъ ему направленіе согласно съ тѣмъ убѣжденіемъ, которое у него сложилось. Если прокуроръ, на основаніи данныхъ предварительнаго слѣдствія, приходитъ къ убѣжденію о виновности обвиняемаго, онъ составляетъ обвинительный актъ, въ противномъ случаѣ предлагаетъ суду прекратить дѣло. Такимъ образомъ при составленіи обвинительнаго акта или заключенія о прекращеніи дѣла, какъ и при наблюденіи за производствомъ слѣдствія, прокуроръ долженъ руководиться исключительно только своимъ убѣжденіемъ и существующими законами. Никакія другія соображенія при этомъ не должны и не могутъ имѣть мѣста. Въ этомъ отношеніи законъ совершенно ясенъ и не допускаетъ никакихъ толкованій, какъ это неоспоримо доказуется 130 ст. учрежд судеб. установленій, гласящей: „*при заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ по дѣламъ заключеній, лица прокурорскаго надзора дѣйствуютъ единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ узаконеній*“. Изъ всего этого явствуетъ, что при составленіи обвинительнаго акта прокуроръ долженъ руководиться только своимъ убѣжденіемъ и существующими законами, какъ руководился ими и при наблюденіи за производствомъ слѣдствія, и что обвинительный актъ есть слѣдствіе убѣжденія прокурора, что обвиняемый, дѣйствительно, совершилъ приписываемое ему преступное дѣяніе, которое *по закону* подлежитъ вмѣненію.

Являясь на судъ въ качествѣ обвинителя, прокуроръ поддерживаетъ имъ же самимъ составленный обвинительный актъ, т. е. обвиняетъ преданнаго суду подсудимаго, въ виновности котораго онъ убѣдился по актамъ предварительнаго слѣдствія. На судебномъ слѣдствіи обстоятельства дѣла могутъ представиться совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ по предварительному слѣдствію—или отъ невѣрности послѣдняго, или вслѣдствіе представленія подсудимымъ новыхъ доказательствъ, которыхъ онъ не умѣлъ представить судебному слѣдователю, не зная своего дѣла [1]).

[1]) Очень часто обвиняемый, сознавая свою невинность, и потерпѣвшій,

Измѣненіе обстоятельствъ дѣла на судебномъ слѣдствіи, разумѣется, можетъ поколебать и измѣнить мнѣніе обвинителя, т. е убѣжденіе его относительно виновности подсудимаго. Въ такомъ случаѣ, говоритъ законъ (ст. 740 устава), „прокуроръ *обязанъ* (а не можетъ), не поддерживая обвинительнаго акта заявить о томъ суду *по совѣсти*“. Само собою разумѣется, что если обвиненіе на судебномъ слѣдствіи подтверждается, то прокуроръ обязанъ поддерживать его, т. е. свой обвинительный актъ. Но и тутъ законъ требуетъ, чтобы „прокуроръ въ обвинительной рѣчи не представлялъ дѣла въ односторонпемъ видѣ, извлекая изъ него только обстоятельства, уличающія подсудимаго, ни преувеличивалъ значенія имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и уликъ или важности разсматриваемаго преступленія“ (ст. 739 устава).

убѣжденный въ виновности обвиняемаго, оцѣнивая обстоятельства дѣла субъективно, по своему, могутъ впасть въ ошибку, оцѣнивая одно обстоятельство какъ улику, тогда какъ оно уликой не представляется, и другому обстоятельству не придавая значенія, тогда какъ оно составляетъ доказательство. Часто приходится наблюдать усилія обвиняемаго и потерпѣвшаго при слѣдствіи опровергнуть какое-нибудь обстоятельство, не имѣющее никакого значенія, но которое представляется имъ серьезнымъ и, наоборотъ, оставленіе безъ вниманія обстоятельства, которое имѣетъ для дѣла существенное значеніе и которое судебный слѣдователь не можетъ разъяснить самъ, безъ указанія и помощи заинтересованныхъ лицъ. Понятно, что не только во время слѣдствія потерпѣвшіе и обвиняемые не могутъ оцѣнить слабыхъ и сильныхъ сторонъ дѣла, но они не могутъ оцѣнить ихъ и по окончаніи слѣдствія, такъ какъ не знаютъ, на что обратитъ вниманіе обвинительная власть, какія обстоятельства могутъ лечь въ основаніе преданія суду или прекращенія слѣдствія? Только тогда, когда обвинительный актъ уже на рукахъ обвиняемаго, только тогда онъ можетъ сообразить вполнѣ силу уликъ, имѣющихся противъ него, и можетъ совершенно ясно уяснить себѣ, на что надо обратить вниманіе суда, чтобы опровергнуть соображенія обвинительной власти, улики и кажущіяся доказательства. Что соображенія эти безусловно вѣрны, что дѣйствительно на практикѣ происходитъ такъ, какъ мы указали, доказывается тѣмъ, что почти по каждому дѣлу суду приходится выслушивать прошенія преданныхъ суду о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, не бывшихъ при слѣдствіи, свидѣтелей по существеннымъ вопросамъ, тогда какъ палата признала слѣдствіе достаточно полнымъ и утвердила обвинительный актъ. И вотъ эти-то новые свидѣтели иногда заставляютъ судъ, присяжныхъ засѣдателей и прокурора, посмотрѣть на дѣло иначе, съ другой стороны.

Изъ этого очерка характера дѣятельности прокурора, преподаннаго ему законодателемъ, слѣдуетъ заключить, что прокуроръ, во всѣхъ стадіяхъ уголовнаго процесса, какъ при наблюденіи за производствомъ слѣдствія и направленіи дѣла къ обвиненію или прекращенію, такъ и на судѣ, въ качествѣ обвинителя, долженъ руководиться исключительно своимъ убѣжденіемъ, своею совѣстью и закономъ, и никакія другія соображенія въ его дѣятельности не могутъ и не должны имѣть мѣста, и что на судѣ, въ качествѣ обвинителя, стороны, прокуроръ, какъ и на предварительномъ слѣдствіи, долженъ быть безпристрастнымъ, хладнокровнымъ органомъ суда, разъясняющимъ дѣло во имя общественныхъ интересовъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, и обязаннымъ публично заявить суду свое мотивированное убѣжденіе о нарушеніи подсудимымъ положительнаго закона или о невиновности подсудимаго, если „оправданія его признаетъ уважительными“.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія *характера* дѣятельности (а не самой дѣятельности), прокурора и судьи оказывается, что съ *внѣшней* стороны различіе это несущественно и заключается въ томъ, что прокуроръ собираетъ матеріалъ и разъясняетъ его предъ судомъ, согласно своему убѣжденію, а судья изучаетъ этотъ матеріалъ и затѣмъ высказываетъ свое мнѣніе, приговоръ; *съ внутренней же* стороны это различіе *существенно* и лежитъ вотъ въ чемъ. *Прокуроръ активно* проявляетъ свою дѣятельность съ момента совершенія преступленія и до произнесенія судомъ приговора, *судъ*— *пассивно* выслушиваетъ представленныя прокуроромъ доказательства и свою активную дѣятельность проявляетъ только при постановленіи приговора. Очевидно, поэтому, что прокуроръ *вообще* не можетъ относиться къ дѣлу такъ объективно, какъ судья. Разумѣется, понятіе объ объективности судьи и прокурора есть понятіе относительное, стоящее въ прямой зависимости отъ личности и характера того и другаго. Иной прокуроръ объективнѣе и справедливѣе инаго судьи. Отношеніе прокурора и судьи къ дѣлу слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что по свойству человѣческаго характера одинъ и тотъ же

человѣкъ въ роли судьи будетъ объективнѣе, чѣмъ въ роли прокурора. Это совершенно понятно и не требуетъ разъясненій.

И такъ, мы видимъ, что прокуроръ, какимъ представлялъ его законодатель, *долженъ быть* безпристрастнымъ, хладнокровнымъ, чуждымъ увлеченія судьею, обязаннымъ во имя общественныхъ интересовъ разслѣдовать всесторонне дѣло и обвинять тѣхъ, кои по его убѣжденію совершили преступленіе, т. е. нарушили положительный законъ, и ни въ какомъ случаѣ не наемникъ, обязанный обвинять всѣхъ, кого укажутъ, хотя бы онъ и былъ убѣжденъ въ невинности обвиняемаго. Вотъ почему намъ совершенно непонятно то мнѣніе, что роль прокурора вообще, *и у насъ въ частности*, крайне тяжела и прокуроры *не могутъ* пользоваться симпатіями общества, такъ какъ являясь органами государственной власти, они имѣютъ своею задачею охранять государственный порядокъ, какъ бы онъ ни былъ противенъ обществу. Не касаясь того, насколько и какому обществу противенъ тотъ или другой государственный порядокъ, такъ какъ это вывело бы насъ за предѣлы рамокъ нашего очерка, мы считаемъ нужнымъ сказать только одно:— что роль прокурора *по судебнымъ уставамъ* настолько же симпатична, или несимпатична, насколько симпатична или несимпатична роль судьи и защитника. Поэтому, если роли прокурора, судьи или защитника вообще оказываются несимпатичными обществу, то вина въ томъ должна пасть на самихъ дѣятелей, исказившихъ эти учрежденія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что законъ поставилъ прокурора въ такія благопріятныя условія дѣятельности, при которыхъ ему, въ его трудныхъ и тяжелыхъ обязанностяхъ, должно руководиться исключительно своимъ убѣжденіемъ и существующими законами и ни въ какомъ случаѣ не входить въ сдѣлку со своею совѣстью.

Посмотримъ же насколько условія дѣятельности прокурора на практикѣ измѣнили этотъ типъ прокурора; это необходимо для того, чтобы при разсмотрѣніи собственно дѣя-

тельности прокуроровъ можно было уяснить себѣ, что слѣдуетъ отнести къ характеру дѣятельности всей прокуратуры и что къ дѣятельности отдѣльныхъ личностей ея.

X.

Какъ въ судебной самозащитѣ, такъ и въ защитѣ адвокатской, видное мѣсто занимаютъ обвиненія слѣдственной власти въ пристрастіи, благодаря которому неповинныя жертвы судебнаго произвола являются на скамьѣ подсудимыхъ. Неразборчивое пользованіе этимъ средствомъ замѣчается со стороны нѣкоторыхъ представителей присяжной адвокатуры, хотя средство это встрѣчаетъ справедливое осужденіе со стороны всѣхъ, въ томъ числѣ и большинства присяжныхъ повѣренныхъ. Какъ бы слѣдователь по своему характеру ни былъ склоненъ къ пристрастію, увлеченію, онъ всегда помнитъ, что его слѣдствія будутъ провѣряться на судѣ и что дѣйствія его найдутъ надлежащую оцѣнку въ обществѣ, среди коего онъ живетъ, въ сослуживцахъ и въ судьяхъ, которые разсматриваютъ дѣло. Оцѣнка сослуживцевъ, въ томъ числѣ и членовъ суда, благодаря хорошимъ, честнымъ началамъ, господствующимъ среди лицъ судебнаго вѣдомства, очень строга: насколько сослуживцы снисходительны къ медленности, нерадѣнію, неспособности своихъ товарищей,—настолько они безпощадны въ своихъ сужденіяхъ относительно пристрастія, особливо во вредъ подсудимому. А такъ какъ ни что не можетъ быть тягостнѣе для человѣка, какъ упрекъ въ пристрастіи, то очевидно, что одного этого достаточно для того, чтобы предохранить слѣдователя отъ пристрастнаго производства слѣдствія, которое при томъ никогда не ведетъ къ желательнымъ результатамъ, ибо извѣстный физическій законъ о пропорціональности сопротивленія давленію имѣетъ полное примѣненіе и къ жизни въ нравственной ея сферѣ. Помимо провѣрки слѣдствія на судѣ, всѣ слѣдственныя дѣйствія могутъ быть обжалованы суду, который всегда съумѣетъ охладить увлекшагося слѣдователя. Пристрастное дѣйствіе или увлеченіе слѣдователя непремѣнно должно раздѣляться товарищемъ

прокурора и прокуроромъ, безъ чего пристрастіе и увлеченіе немыслимо, а прокурору, не стоящему такъ близко къ дѣлу, разумѣется не захочется принимать на себя отвѣтственности за дѣйствія слѣдователя, отвѣтственности крайне непріятной. Мы говоримъ здѣсь о такихъ дѣлахъ, которыя не выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ и не интересуютъ общество. По этимъ послѣднимъ, особенно если они затрогиваютъ интересы обвиняемаго, человѣка вліятельнаго и зажиточнаго, знающаго свои права, пристрастіе положительно немыслимо, ибо жалобы, которыя онъ подаетъ на каждое дѣйствіе слѣдователя, повлекутъ за собою непремѣнную отмѣну судомъ всѣхъ неправильныхъ дѣйствій. Слѣдуетъ замѣтить, что еще со времени открытія новыхъ судовъ, большинство судовъ, судебныхъ слѣдователей и прокуроровъ, старалось относиться какъ можно снисходительнѣе, „гуманнѣе“ къ обвиняемымъ, предоставляя имъ возможныя льготы; въ послѣднее же время,—съ конца 70 годовъ, когда появились впервые статьи противъ судовъ и когда въ печати появился цѣлый рядъ статей, доказывавшихъ, что дѣла ведутся пристрастно, въ пользу обвиненія, и предсѣдатели на судѣ играютъ роль прокуроровъ,—судебные дѣятели стали относиться къ обвиняемымъ осторожно до щепетительности.

Вотъ почему пристрастіе судебнаго слѣдователя при производствѣ предварительнаго слѣдствія возможно только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ и никогда не приводитъ ни къ какимъ результатамъ (по отношенію къ дѣлу, а не къ лицу, въ данный, хотя бы короткій, моментъ). Еще болѣе невозможно пристрастіе товарища прокурора, наблюдающаго за производствомъ слѣдствія; ему прямо невыгодно относиться къ дѣлу съ завѣдомо предвзятой точки зрѣнія. Если для слѣдователя неудобно разслѣдывать дѣло односторонне, то для прокурора это неудобство усугубляется, такъ какъ скорѣе судебный слѣдователь останется въ сторонѣ, если на судебномъ слѣдствіи окажется, что предварительное слѣдствіе произведено завѣдомо пристрастно, чѣмъ поддерживающій на судѣ обвиненіе товарищъ прокурора, въ особенности наблю-

давшій за производствомъ слѣдствія, которому пришлось бы на судѣ пережить горькіе часы. Поэтому, если судебные слѣдователи стараются избѣжать ошибокъ при производствѣ слѣдствія, то прокуроръ еще больше старается избѣжать ихъ и, напротивъ, старается исправить всѣ невольныя ошибки слѣдствія, принимая мѣры къ разслѣдованію темныхъ сторонъ дѣла, къ безпристрастному и всестороннему разъясненію ихъ. Исключенія изъ этого могутъ быть только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда судебный слѣдователь и товарищъ прокурора добросовѣстно заблуждаются и когда ошибка ихъ не раскроется судомъ и прокуроромъ чрезъ посредство обильно приносимыхъ на ихъ дѣйствія жалобъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что эти ошибки вполнѣ предупредить невозможно ни при какой организаціи суда, ибо онѣ являются результатомъ невѣрной оцѣнки уликъ, отъ чего никто не свободенъ, даже коллегіальные суды, и что такія ошибки у насъ встрѣчаются весьма рѣдко. Доказательствомъ послѣдняго можетъ служить всѣмъ извѣстный фактъ, что за все время существованія судовъ только исключительно рѣдкія дѣла мѣняютъ свой характеръ на судебномъ слѣдствіи, сравнительно съ предварительнымъ слѣдствіемъ.

Извѣстно, что на должности судебныхъ слѣдователей назначаются кандидаты на судебныя должности, совершенно неопытные въ дѣлѣ производства слѣдствія. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что и между товарищами прокурора встрѣчаются люди малоопытные, хотя и прошедшіе черезъ должность судебнаго слѣдователя. Поэтому казалось бы, что неправильность слѣдствія и неправильность направленія его должна бы встрѣчаться довольно часто, а между тѣмъ, мы утверждаемъ, что и то и другое наблюдается весьма рѣдко. Чѣмъ же это объясняется? Это объясняется вотъ чѣмъ. Способность поддаваться увлеченію при производствѣ слѣдствія, благодаря невозможнымъ условіямъ дѣятельности судебныхъ слѣдователей, весьма скоро исчезаетъ у молодыхъ и неопытныхъ слѣдователей и только тѣ изъ нихъ продолжаютъ увлекаться, которые, по особому свойству своего характера, неспособны

ни къ чему относиться хладнокровно и будутъ горячиться по всякому дѣлу. Такихъ слѣдователей немного и къ ихъ слѣдствіямъ вообще относятся особенно осторожно. Товарищей прокурора, увлекающихся при направленіи дѣлъ можно наблюдать только вновь назначенныхъ, не бывшихъ никогда въ судѣ въ качествѣ обвинителя, ибо судебное слѣдствіе способно всякаго человѣка охладить и заставить относиться къ дѣлу серьезно и обдуманно. Даже молодой товарищъ прокурора, проведя только одну сессію, сознаетъ какъ опасно и тяжело выходить на судъ обвинителемъ по такому дѣлу, по которому улики оцѣнены невѣрно или сказывается увлеченіе слѣдователя, и невольно пріучаетъ себя смотрѣть на дѣло серьезно. Личная нравственная отвѣтственность заставляетъ каждаго прокурора относиться къ дѣлу осторожнѣе, безъ предубѣжденія. Если бы можно было воспроизвести разговоры, которые ведутся лицами прокурорскаго надзора по поводу дѣлъ, то, разумѣется, ненужно было бы доказывать, что нигдѣ, даже среди суда, не встрѣчается такихъ искреннихъ порицаній увлеченій, въ томъ числѣ и увлеченій слѣдователей, какъ среди прокурорскаго надзора, который этимъ увлеченіемъ ставится въ крайне тяжелое положеніе на судѣ. При такихъ условіяхъ, лица прокурорскаго надзора во время производства слѣдствія и при преданіи суду неминуемо должны относиться ко всѣмъ дѣламъ серьезно, обдуманно и безъ увлеченія и стараться исправлять всѣ ошибки слѣдствія. Этимъ объясняется относительная рѣдкость появленія на судѣ неправильно произведенныхъ и направленныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что каждый прокуроръ, помимо своихъ личныхъ желаній и стремленій служить дѣлу суда честно и искренно, волею-неволею, силою условій дѣятельности своей, поставленъ въ такое положеніе, при которомъ во время производства слѣдствія и направленія его долженъ преслѣдовать цѣль, указанную ему законодателемъ. Поэтому, уклоненія отъ такого характера дѣятельности прокурора встрѣчаются до сихъ поръ въ единичныхъ примѣрахъ; если же оно теперь будетъ проявляться чаще, чѣмъ прежде,

то это нежелательное явленіе будетъ результатомъ направленія нѣкоторыхъ чиновъ высшей магистратуры, которое, по своей искуственности, не можетъ проявляться долгое время и во всѣхъ лицахъ прокурорскаго надзора. Словомъ, теперь, подъ вліяніемъ измѣнившагося направленія нѣкоторыхъ лицъ высшей магистратуры, оно можетъ наблюдаться чаще, чѣмъ прежде, но все таки будетъ наблюдаться, относительно, очень рѣдко и, въ концѣ концовъ, войдетъ въ прежнюю норму.

Роль прокурора, указанная законодателемъ, вполнѣ сохранилась бы за нимъ и на судебномъ слѣдствіи, если бы ему приходилось поддерживать обвиненіе только по обвинительнымъ актамъ, имъ же самимъ составленнымъ; но къ сожалѣнію, на практикѣ, по различнымъ причинамъ, оказалось невозможнымъ поддерживать обвиненіе на судѣ исключительно тѣми прокурорами, которые составляли обвинительные акты. На практикѣ встрѣчаются два такихъ случая: когда преданіе суду состоялось по обвинительному акту другаго лица прокурорскаго надзора и когда оно состоялось по опредѣленію судебной палаты. Въ первомъ случаѣ, обвиненіе на судѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, не представляетъ никакихъ затрудненій и особенностей, такъ какъ въ силу только что указанныхъ нами условій дѣятельности прокуроровъ, обвинительные акты составляются при наличности болѣе или менѣе серьезныхъ уликъ, сложившихъ убѣжденіе прокурора въ виновности обвиняемаго, и знаніи характера дѣятельности судебнаго слѣдователя, почему убѣжденіе въ виновности подсудимаго легко сообщается другому прокурору. На судебномъ слѣдствіи улики развиваясь, дополняясь и разъясняясь, окончательно формируютъ убѣжденіе обвинителя, которымъ онъ и руководится въ своемъ обвиненіи.

Совсѣмъ не то мы видимъ во второмъ случаѣ, при преданіи суду по опредѣленіямъ судебной палаты, когда обвиненія носятъ на себѣ характеръ крайней сомнительности, ради разъясненія которой обвиняемый и преданъ суду палатою; когда убѣжденіе въ виновности подсудимаго по даннымъ предварительнаго слѣдствія не составляется и не измѣ-

няется на судебномъ слѣдствіи, на которомъ, какъ мы замѣтили выше, рѣдкія дѣла измѣняютъ свой характеръ.

Какъ въ первомъ случаѣ, такъ и во второмъ, если прокуроръ не раздѣлитъ убѣжденія въ виновности подсудимаго, онъ можетъ заявить о томъ, и тогда высшее лицо прокурорскаго надзора обязано замѣнить его другимъ лицомъ или принять обвиненіе на себя. Практика въ этомъ отношеніи различна. Въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ обвинителями являются преимущественно только нѣкоторыя лица прокурорскаго надзора, иногда не занимающіяся направленіемъ дѣлъ. Обвиненіе на нихъ возлагается, разумѣется, только при ихъ согласіи на то. Въ остальныхъ судахъ поддерживать обвиненіе приходится всѣмъ безъ исключенія товарищамъ прокурора. Всѣ товарищи прокурора завѣдуютъ опредѣленными участками, направляютъ дѣла, возникающія въ ихъ участкахъ, и на сессіяхъ поддерживаютъ обвиненія по ими же составленнымъ обвинительнымъ актамъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ попадаются имъ дѣла, направленныя другими товарищами прокурора во время нахожденія ихъ въ отпуску и дѣла по преступленіямъ должности, направляемыя прокуроромъ, и въ еще болѣе рѣдкихъ случаяхъ, въ прежнее время, попадались дѣла по опредѣленіямъ судебныхъ палатъ. Не смотря на то, что при выѣздахъ суда на сессіи обвинителемъ бываетъ одинъ товарищъ прокурора, очень часто, за отказомъ товарища прокурора поддерживать обвиненіе по какому либо дѣлу, на сессію для этого дѣла выѣзжалъ другой товарищъ прокурора, ибо къ просьбамъ о томъ товарищей прокурора, сколько намъ извѣстно, прокуроры всегда относились особенно внимательно. Въ прежнее время, въ нѣкоторыхъ судахъ, прокурорскій надзоръ, ради собственнаго достоинства, особенно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы никто изъ нихъ не поддерживалъ обвиненія по опредѣленію палаты, составленному взамѣнъ заключенія о прекращеніи слѣдствія, такъ какъ объ этомъ непремѣнно дѣлалось извѣстнымъ всѣмъ въ судѣ и внѣ суда, и положеніе такого обвинителя, поддерживающаго обвиненіе, очевидно для

всѣхъ, противъ своего убѣжденія, являлось крайне щекотливымъ. Все это было возможно прежде, когда опредѣленія палатъ были рѣдки, и невозможно теперь, когда опредѣленій палатъ является много, даже черезъ-чуръ много, такъ какъ выѣзжать на каждую сессію двумъ товарищамъ прокура, очевидно, нельзя.

Законъ 3 мая 1883 года, измѣняя порядокъ прекращенія дѣлъ и возлагая эту обязанность на окружные суды, еще въ зародышѣ своемъ породилъ сомнѣніе: будутъ ли суды относиться къ своей обязанности достаточно серьезно и не будутъ ли они прекращать безосновательно всѣ дѣла подъ-рядъ. Это сомнѣніе закона, совершенно непонятно почему, раздѣляется нѣкоторыми лицами высшей магистратуры, благодаря чему многіе окружные суды не берутъ на себя прекращеніе дѣлъ сколько нибудь сомнительныхъ и представляютъ ихъ въ палату со своимъ опредѣленіемъ, т. е. подробно мотивированнымъ мнѣніемъ, опровергающимъ вкратцѣ изложенное въ заключеніи прокурора мнѣніе о прекращеніи слѣдствія. Нѣкоторыя палаты, вмѣсто того, чтобы по такого рода дѣламъ составлять мотивированныя опредѣленія, замѣняющія собою обвинительный актъ, какъ того требуетъ законъ, для облегченія себя придумали легкій и, притомъ, идущій въ разрѣзъ съ закономъ, способъ разрѣшать разногласія между судомъ и прокуроромъ. Они попросту прописываютъ на бланкахъ: „признавая достаточными основанія для преданія суду такого-то, по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ такою-то статьею уложенія, возвратить дѣло чрезъ окружный судъ прокурору, для надлежащаго направленія“, т. е. для составленія обвинительнаго акта. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что еслибы судебныя палаты составляли такія опредѣленія, которыя требуетъ законъ, то они относились бы къ дѣлу преданія суду совершенно иначе, ибо для написанія опредѣленія, подобнаго вышеприведенному, не только изучать дѣло, но и заглядывать въ него не надо, а для составленія мотивированнаго опредѣленія необходимо изучить дѣло. Мы имѣемъ основаніе утверждать, что палаты иначе относились бы къ дѣ-

ламъ, если бы они составляли мотивированныя опредѣленія, такъ какъ знаемъ, что въ одной судебной палатѣ число опредѣленій значительно сократилось послѣ того, какъ прокуроръ палаты настоялъ, чтобы палата составляла законныя опреленія. Кромѣ того, тогда не можетъ имѣть мѣста преданіе суду не смотря на отсутствіе состава преступленія, чему примѣры мы знаемъ, такъ какъ при изложеніи обвинительнаго пункта такую ошибку нельзя не замѣтить. Опытные юристы-практики знаютъ, что между дѣяніями встрѣчаются такія, которыя съ внѣшней стороны кажутся преступными и которыя въ дѣйствительности преступнаго въ себѣ не заключаютъ, что обнаруживается при тщательномъ подведеніи дѣянія подъ понятіе закона.

Насколько нѣкоторыя судебныя палаты поверхностно относятся къ серьезному дѣлу разрѣшенія разномыслія между прокуроромъ и судомъ, и вообще къ преданію суду, можно видѣть изъ слѣдующаго факта: по одному прекращенному судомъ дѣлу потерпѣвшимъ была принесена жалоба и судебная палата отмѣнила опредѣленіе суда, возвративъ дѣло прокурору для составленія обвинительнаго акта, а когда актъ былъ составленъ и представленъ на утвержденіе судебной палаты, то палата, не замѣтивъ своего опредѣленія, отмѣнила обвинительный актъ и прекратила дѣло по неосновательности обвиненія!

Но какъ бы то ни было, а такого рода опредѣленій палатъ (гдѣ они практикуются) является не мало; по нимъ обязательно составляются обвинительные акты, поддерживать которые приходится мѣстному прокурорскому надзору. Вотъ по этимъ-то дѣламъ поддерживать обвиненіе, вопреки своему убѣжденію, крайне тяжело, особенно для увлекающагося и недостаточно опытнаго обвинителя. Опытный и неувлекающійся обвинитель, хотя его положеніе на судѣ и не особенно пріятно, выйдетъ съ честью изъ такого положенія. Если судебное слѣдствіе никакихъ уликъ не представитъ, онъ отказывается отъ обвиненія, мотивируя свой отказъ; если же судебное слѣдствіе не убѣдитъ его въ виновности подсудимаго,

но выяснитъ кое-какія улики, онъ группируетъ ихъ, безпристрастно указываетъ на обстоятельства pro и contra обвиненія и даже не намекая на свое убѣжденіе въ виновности подсудимаго, заявляетъ суду и присяжнымъ, что разрѣшеніе вопроса о винѣ или невинности подсудимаго зависитъ отъ того, какое убѣжденіе они вынесли изъ судебнаго слѣдствія. Такое обвиненіе, мы говоримъ въ силу многолѣтняго опыта, приноситъ самые вѣрные для дѣла результаты, такъ какъ обвинитель своимъ безпристрастіемъ весьма сильно вліяетъ на присяжныхъ, которые тогда серьезнѣе относятся къ дѣлу и всесторонне его обсуждаютъ. Увлекающійся обвинитель по такого рода сомнительнымъ дѣламъ приноситъ дѣлу только вредъ, ибо горячее обвиненіе дѣлаетъ его смѣшнымъ и окончательно подрываетъ вѣру въ него, какъ въ прокурора и какъ въ человѣка, а слѣдовательно и ко всѣмъ доводамъ его.

Въ нѣкоторой части общества сложилось убѣжденіе, что хотя прокуроръ по закону и можетъ отказаться отъ обвиненія, если онъ убѣдится въ справедливости оправданій подсудимаго, но что въ дѣйствительности этимъ правомъ онъ не можетъ пользоваться, такъ какъ начальство строго слѣдитъ за этимъ и оцѣниваетъ дѣятельность прокурора числомъ обвинительныхъ приговоровъ. Такое убѣжденіе нѣкоторыми *умышленно* поддерживается, непонятно ради какихъ цѣлей.

Много лѣтъ, съ самаго открытія судовъ, мы съ особеннымъ вниманіемъ слѣдили за дѣятельностью судовъ и ни разу не приходилось намъ слышать о какомъ либо недовольствѣ начальства прокуроромъ за отказъ отъ обвиненія или за большой процентъ оправдательныхъ приговоровъ. Намъ самимъ много разъ приходилось отказываться отъ обвиненій и по обвинительнымъ актамъ и по опредѣленіямъ палатъ, еще больше приходилось намъ просить присяжныхъ и судъ отнестись возможно снисходительнѣе къ вполнѣ уличенному подсудимому и ни разу мы ни отъ кого не слыхали никакого неудовольствія. Въ томъ, что отказъ отъ обвиненія и просьба о снисхожденіи къ подсудимымъ не вызываетъ ни-

какого неудовольствія начальства, мы ссылаемся на авторитетъ одного изъ талантливѣйшихъ нашихъ обвинителей, который, будучи прокуроромъ петербургскаго суда, одну свою рѣчь закончилъ просьбой отнестись къ подсудимой (несомнѣнно виновной) „съ такимъ снисхожденіемъ, съ какимъ возможно только отнестись человѣческому правосудію", т. е. оправдать ее. Эта блестящая рѣчь читалась всѣми на расхватъ, произвела на общество сильное впечатлѣніе, всѣ превозносили ее искренность и честность обвинителя и никто, разумѣется, не сдѣлалъ обвинителю упрека за вліяніе на оправданіе подсудимой, ибо оно какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало требованіямъ справедливости.

Да никогда никакое начальство и не можетъ поставить прокурору въ упрекъ отказъ отъ обвиненія или большое число оправдательныхъ приговоровъ, *ибо это доказывало бы полнѣйшее незнаніе начальствомъ условій и характера дѣятельности прокурорскаго надзора.* Оправдательные приговоры обусловливаются такими сложными причинами (нѣкоторыя изъ нихъ мы видѣли), что ставить въ упрекъ массу ихъ тому или другому прокурору никто изъ знающихъ дѣло суда не можетъ. Зная личности прокуроровъ можно сказать, что такой то прокуръ хорошій обвинитель, а такой-то плохой обвинитель. Присутствуя на судѣ, по нѣкоторымъ дѣламъ можно сказать, что по такому-то дѣлу оправдательный приговоръ послѣдовалъ отъ неумѣнья обвинителя. Но нельзя сказать, что одинъ прокуроръ лучшій обвинитель, потому что при его обвиненіи былъ большій процентъ обвинительныхъ приговоровъ, чѣмъ другой прокуроръ, у котораго большій процентъ оправдательныхъ приговоровъ.

Всякое высшее лицо прокурорскаго надзора, знающее дѣло суда и любящее его, одобритъ честное отношеніе къ дѣлу подвѣдомственныхъ имъ лицъ надзора, ибо хорошо сознаетъ, что успѣхъ дѣятельности прокурорскаго надзора, т. е. *благопріятные результаты суда вообще*, зависятъ не отъ того, что данное дѣло пройдетъ съ обвиненіемъ вопреки убѣжденію въ виновности обвинителя, а отъ того положенія,

которое занимаетъ въ обществѣ прокурорской надзоръ, и отъ того довѣрія, которымъ онъ пользуется въ глазахъ общества, а слѣдовательно и присяжныхъ засѣдателей.

Издавна уже замѣчено, что присяжные засѣдатели относятся симпатично къ однимъ обвинителямъ и несимпатично къ другимъ; что однихъ обвинителей они слушаютъ, а на другихъ никакого вниманія не обращаютъ; это особенно замѣчается въ провинціи, гдѣ личность каждаго прокурора извѣстна всѣмъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Такое отношеніе присяжныхъ къ прокурорамъ понятно. Рѣчь человѣка, помимо внѣшней стороны своей, производитъ впечатлѣніе еще и въ силу отношеній нашихъ къ личности, убѣждающей насъ. Если мы относимся съ уваженіемъ къ личности человѣка, то и ко всѣмъ доводамъ его мы будемъ относиться совсѣмъ иначе, чѣмъ къ доводамъ лица, завѣдомо для насъ неискреннаго, и если намъ придется разбирать споръ такихъ людей, то мы невольно станемъ на сторону перваго, подчиняясь убѣжденію въ его искренности и недовѣряя честности втораго. Все это очень хорошо извѣстно всѣмъ. Особенно, повторяемъ мы, успѣхъ дѣятельности прокурора стоитъ въ прямой зависимости отъ его нравственной личности, которая въ провинціи извѣстна до мельчайшихъ подробностей. Тамъ личность нѣкоторыхъ прокуроровъ такъ обаятельно дѣйствуетъ на присяжныхъ засѣдателей, что они слушая его убѣждены, что онъ, прокуроръ, не покривитъ душой и не введетъ ихъ въ заблужденіе. Многимъ, напримѣръ, извѣстенъ случай, когда присяжные засѣдатели основали свой обвинительный приговоръ на такомъ показаніи неявившагося свидѣтеля, которое было занесено въ обвинительный актъ и на этомъ основаніи цитировано товарищемъ прокурора въ его рѣчи и потомъ, въ частномъ разговорѣ конечно, мотивировали свой приговоръ тѣмъ, что обвинителя они давно знаютъ и увѣрены, что онъ не введетъ ихъ въ заблужденіе.

Этотъ случай не единичный и не его мы обобщаемъ; такихъ примѣровъ можно было бы привести много. Случаи

подобнаго довѣрія къ прокурору наблюдаются сплошь и рядомъ и можно было бы указать нѣсколько извѣстныхъ намъ лицъ прокурорскаго надзора, *которыхъ присяжные засѣдатели слушаются* и рѣшаютъ почти всѣ дѣла такъ, какъ укажетъ прокуроръ. Такія отношенія могли установиться только въ силу довѣрія общества къ личности лица прокурорскаго надзора и убѣжденія, что предъ ними прокуроръ не покривитъ душой.

Да не только личность прокурора, непосредственно вліяющая на присяжныхъ засѣдателей въ дѣлѣ обвиненія, и вообще во всей его дѣятельности, играетъ громадное значеніе, но даже личность слѣдователя, который непосредственно на присяжныхъ не вліяетъ, имѣетъ для нихъ существенное значеніе, такъ какъ они оцѣниваютъ его дѣйствія, при обсужденіи ихъ на судѣ, исходя изъ оцѣнки его личности. Мы знаемъ судебнаго слѣдователя, который своею дѣятельностью и честностью отношеній заслужилъ общее уваженіе всего уѣзда. Однажды на судѣ разсматривалось дѣло о кражѣ крестьяниномъ меду. Кромѣ побочныхъ, главной уликой противъ него служило еще то, что вора видѣли въ красной кумачевой рубахѣ, въ каковой подсудимый былъ въ ночь кражи и каковую, запачканную медомъ, на другой день онъ продалъ въ городѣ. Чтобы подорвать хоть въ чемъ нибудь обвиненіе, защитникъ обрушился на слѣдователя и, сравнивая его съ Донъ-Кихотомъ, борющимся съ красной рубахой, позволилъ себѣ крайне неприличныя выходки противъ него. Не смотря на то, что защитнику вторилъ товарищъ предсѣдателя, присяжные засѣдатели вынесли обвинительное рѣшеніе и не дали даже снисхожденія подсудимому. Послѣ того присяжные засѣдатели громко говорили, что они лишили подсудимаго снисхожденія, чтобы показать предсѣдателю и защитнику, что *они не позволятъ оскорблять „ихъ“ слѣдователя*, котораго они привыкли уважать, какъ честнаго человѣка, и характеръ дѣятельности котораго они знаютъ лучше, чѣмъ товарищъ предсѣдателя и защитникъ. Этотъ грустный, но вполнѣ достовѣрный, фактъ изъ жизни судовъ, какъ нельзя болѣе до-

казываетъ, какъ личность судебнаго дѣятеля вліяетъ на характеръ отношеній общества и присяжныхъ засѣдателей къ его дѣятельности. Чтобы вполнѣ исчерпать этотъ вопросъ укажемъ еще и на слѣдующій фактъ. Одинъ присяжный повѣренный, жившій въ провинціальномъ городѣ, своею безукоризненною дѣятельностью заслужилъ общее уваженіе и такое довѣріе, что къ доводамъ его присяжные засѣдатели относились совершенно иначе, чѣмъ къ доводамъ другихъ защитниковъ, сидѣвшихъ рядомъ съ нимъ, что присяжные не скрывали и громко говорили и что, потому, было всѣмъ извѣстно.

На основаніи этихъ приведенныхъ нами примѣровъ, хотя бы они были единичными, мы имѣемъ основаніе утверждать, какъ общее правило, *что дѣятельность суда и его органовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оцѣнивается обществомъ, главнымъ образомъ, по общему характеру дѣятельности ихъ, обусловливаемому личностями дѣятелей.* Это общее правило наблюдается нами не только въ сферѣ дѣятельности суда, но и во всякой другой сферѣ и наблюдается ежедневно.

Всѣмъ этимъ мы не желаемъ сказать, что прокуроръ долженъ быть единоличнымъ вершителемъ дѣлъ; это невозможно и нежелательно. Мы хотѣли только указать, что благотворность дѣятельности прокурора обусловливается не удачнымъ обвиненіемъ по одному какому нибудь дѣлу, хотя бы вопреки его убѣжденію, а массою различныхъ условій, въ ряду коихъ нравственная личность его играетъ главенствующее значеніе, и что начальство, сознающее это очень хорошо, не можетъ требовать отъ прокуроровъ такихъ обвиненій, которыя прямо и непремѣнно подрывали бы вѣру въ него, какъ въ честнаго человѣка, а слѣдовательно и въ авторитетъ его власти. Если же и есть такіе прокуроры, которые не вполнѣ сознаютъ это, то во всякомъ случаѣ они единичны и дѣятельность ихъ, скоропреходящая, не можетъ оказывать вліянія на общій ходъ дѣла. Когда общими усиліями лицъ прокурорскаго надзора и строгимъ товарищескимъ контролемъ въ прокуратурѣ твердо установится указанный нами порядокъ и не будутъ повторяться исключенія, вредящія всему про-

курорскому надзору, тогда прокурорскій надзоръ станетъ на подобающую ему высоту, отчего дѣло суда не сомнѣнно выиграетъ.

Мы указали характеръ дѣятельности прокурора, котораго имѣлъ въ виду законодатель, учреждая новаго для насъ прокурора - обвинителя, и условія дѣятельности прокурора въ дѣйствительности, подъ вліяніемъ многоразличныхъ вліяній и причинъ, и имѣемъ полное право сказать, что роль прокурора не только по закону, но и на практикѣ такова, что отъ самихъ прокуроровъ зависитъ поставить себя или въ достойное положеніе органа государственной власти, серьезно и безпристрастно разъясняющаго дѣло и доказывающаго, на основаніи своего убѣжденія, виновность обвиняемаго въ нарушеніи положительнаго закона, или въ такое положеніе, которое позволяло бы другимъ глумиться надъ нимъ и при которомъ краска стыда покрывала бы лицо его, наказуя за неискренность,—и что роль прокурора настолько же тяжела, насколько тяжела и роль судьи, осуждающаго виновнаго, сознавая необходимость наказанія въ интересахъ общественныхъ и частныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сожалѣя преступника, какъ человѣка.

XI.

При благопріятныхъ условіяхъ дѣятельности прокуроровъ, казалось бы, что ненормальные поступки обвинителей не должны встрѣчаться, а между тѣмъ, хотя и рѣдко, ихъ приходится наблюдать. Объясняется это—трудностью обязанности прокурора, рядомъ съ недостаточной подготовкой къ публичной дѣятельности или неспособностью къ ней, въ силу своего характера и темперамента (выраженіе неточное, но понятное). Всякій знающій дѣло образованный человѣкъ можетъ успѣшно наблюдать за производствомъ слѣдствія и направлять его, но не всѣ таковые могутъ быть обвинителями на судѣ. Публичность активной дѣятельности въ большей или меньшей степени оказываетъ вліяніе на всѣхъ людей, а на многихъ она вліяетъ до такой степени сильно, что они на судѣ какъ бы перерождаются и дѣлаются неузнаваемыми. Бываетъ даже такъ, что у однихъ, которые кажется не мо-

гутъ связать двухъ фразъ въ обыкновенной бесѣдѣ, подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія, рѣчь льется плавно, логично, убѣдительно,—другіе, напротивъ, кажется обладаютъ даромъ слова, а публично не могутъ связно выразить свою мысль.

Поэтому понятно, что активность публичной дѣятельности требуетъ особыхъ способностей и что не всѣ образованные и знающіе дѣло люди, безукоризненно работающіе у себя за письменнымъ столомъ, могутъ также относиться къ дѣлу на судѣ. *Подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія весьма многіе теряютъ способность относиться объективно къ дѣлу, ибо при заранѣе составленномъ убѣжденіи, возбуждаемое чувство охотнѣе воспринимаетъ все относящееся къ нему и придаетъ желаемую окраску всѣмъ впечатлѣніямъ.* Такое состояніе замѣчается даже у многихъ опытныхъ публичныхъ дѣятелей и зависитъ исключительно отъ личныхъ особенностей и характера человѣка. Такимъ образомъ мы видимъ, что для всякой публичной активной дѣятельности требуются совершенно особенныя способности, для прокурора же требуется еще болѣе этихъ способностей, чѣмъ отъ кого либо другаго. Прежде всего и главнѣе всего отъ прокурора требуется чувство мѣры. Малѣйшее уклоненіе въ ту или другую сторону производитъ неблагопріятное впечатлѣніе, а иногда возмущаетъ нравственное чувство общества. Многое изъ того, что допускается въ защитѣ, не можетъ быть допускаемо обвиненіемъ, ибо заранѣе можно предсказать, что вызоветъ самое неблагопріятное впечатлѣніе. *Между тѣмъ чувство мѣры, подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія, прежде всего ускользаетъ изъ подъ контроля разума.* Этимъ объясняются многія неумѣстныя выходки прокуроровъ на судѣ, которыхъ потомъ они сами стыдятся. Отсутствіе чувства мѣры иногда оказывается не только въ отношеніи свидѣтелей, подсудимаго, защитника, но также и въ отношеніи суда и предсѣдательствующаго, не особенно дружеское отношеніе къ которымъ, подъ вліяніемъ возбужденія, всплываетъ наружу въ формѣ пререканій или заявленій.

Отъ прокурора, какъ публичнаго обвинителя, требуется, помимо знанія дѣла, способность говорить послѣдовательно

и логично, хладнокровіе, безпристрастіе, находчивость, и отъ него же, какъ члена судебнаго вѣдомства, требуется внѣшнее уваженіе къ личностямъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, даже подсудимаго, высокое уваженіе къ суду, въ средѣ котораго онъ служитъ, и особо вѣжливое отношеніе къ предсѣдательствующему. Между тѣмъ, хотя и рѣдко, но приходится наблюдать совершенно иное: къ подсудимому прокуроръ относится какъ бы враждебно; въ рѣчи своей совершенно неумѣстно начинаетъ рыться въ душѣ подсудимаго, приписывая ему такія побужденія и такія черты, которыя ни для кого неясны; къ суду относится не съ должнымъ уваженіемъ, а къ предсѣдательствующему не въ той вѣжливой формѣ, которая должна быть установлена. Вмѣсто естественности, которая должна быть присуща каждому прокурору, мы видимъ иногда на судѣ человѣка, который явился на судъ не для того, чтобы выполнить серьезную, трудную и тяжелую обязанность прокурора, а какъ будто для того, чтобы порисоваться. Все это къ сожалѣнію, хотя и рѣдко, но наблюдается и признаемся откровенно производитъ крайне непріятное и тягостное на всѣхъ впечатлѣніе, вредящее достоинству самого прокурора. Говорить о томъ, что рисоваться на судѣ прокурору неприлично, нѣтъ надобности. Перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ указанныхъ нами чертъ.

Иногда замѣчается, что обвинители совершенно безцѣльно и безпричинно сами затрогиваютъ защитниковъ, отъ которыхъ, разумѣется, и получаютъ должный отвѣтъ. Что защитники задѣваютъ прокуроровъ — это понятно; что задѣтый прокуроръ въ пылу спора отвѣтитъ тѣмъ же защитнику, это тоже понятно; но чтобы прокуроръ, безъ всякаго повода со стороны защитника задѣлъ его,—это по меньшей мѣрѣ неприлично.

Пререканія прокуроровъ съ судомъ и предсѣдателями наблюдаются иногда и теперь; прежде они наблюдались гораздо чаще. Объяснить подобныя пререканія можно только личностью прокуроровъ и судей, такъ какъ ничѣмъ другимъ они не объясняются. Къ этому вопросу мы еще возвратимся

и разсмотримъ его подробно, а теперь только замѣтимъ, что какія бы личности не засѣдали въ судѣ въ качествѣ судей и предсѣдательствующихъ – между ними (къ чему таить), разумѣется, есть и невозможные предсѣдательствующіе— прокуроръ, обладая тактомъ, всегда можетъ обойти прекаканія и путемъ законныхъ требованій, предъявляемыхъ настойчиво, но безъ заносчивости, оградить интересы обвиненія и свое достоинство. Мы говоримъ о такихъ прекаканіяхъ, которыя исходятъ отъ предсѣдательствующаго, ибо само собою разумѣется возбуждать прекаканія самому прокурору и неумѣстно и неприлично.

Весьма рѣдко встрѣчаются такія дѣла, характеръ которыхъ опредѣляется характеромъ подсудимаго. Между тѣмъ иные прокуроры весьма склонны по каждому пустому дѣлу, безъ всякой необходимости, пускаться въ психологическіе очерки и рыться въ душѣ подсудимаго, выставляя его чуть не злодѣемъ. Такъ какъ нѣтъ человѣка безусловно дурнаго и безусловно хорошаго, ибо въ каждомъ человѣкѣ живутъ непонятныя и часто непримиримыя противорѣчія, то при неумѣломъ, поверхностномъ и одностороннемъ анализѣ характера подсудимаго, легко впасть въ ошибку, которою, разумѣется, защита воспользуется (и обязана воспользоваться) и представитъ подсудимаго совершенно съ другой стороны. Въ результатѣ получается—полнѣйшее сочувствіе къ подсудимому присяжныхъ засѣдателей, нравственное чувство которыхъ возмущается несправедливостью прокурора и причиняемыми имъ безцѣльно страданіями подсудимому. Отсюда главнымъ образомъ проистекаютъ и справедливые упреки такихъ прокуроровъ въ пристрастіи. Такіе случаи къ сожалѣнію повторяются нерѣдко. Не смотря на уроки, инымъ прокурорамъ неймется и они продолжаютъ путешествовать въ область неизвѣстной имъ психологіи. Изъ извѣстныхъ всѣмъ и намъ случаевъ мы укажемъ на одинъ, который наглядно доказываетъ, какъ быстро несочувствіе къ подсудимому смѣняется сочувствіемъ, подъ вліяніемъ неприличнаго обвиненія прокурора. Обвинялся зажиточный, довольно развитый крестьянинъ, въ нанесеніи смертельнаго поврежденія своей трех-

лѣтней дочкѣ, во время ссоры съ женою. Поврежденіе было нанесено не умышленно, а по непредусмотрительности подсудимаго, который оттолкнулъ ребенка, упавшаго головкою на уголъ скамьи. Дѣвочка—былъ единственный ребенокъ, оставшійся у нихъ въ живыхъ, и на ней была сосредоточена любовь матери и особенно отца. Супруги жили между собою довольно смирно, а ссора вышла, какъ и всегда, изъза пьянства жены, которая пропила какую-то вещь. Подсудимый молчалъ все время, сказавъ только нѣсколько словъ, что онъ не желалъ убить своего ребенка. Присяжные засѣдатели, судя по предлагаемымъ ими свидѣтелямъ вопросамъ, не были расположены въ пользу подсудимаго и смотрѣли на него, убійцу своего единственнаго ребенка, недружелюбно, особенно послѣ того, какъ сельскій староста показалъ, что подсудимый пьетъ и цѣлые дни сидитъ въ кабакѣ. Недружелюбное чувство къ подсудимому, насколько можно было судить, раздѣлялось всѣми въ залѣ засѣданія. Подъ вліяніемъ ли этого чувства или изъ желанія блеснуть своими психологическими познаніями, товарищъ прокурора большую часть рѣчи своей посвятилъ разбору характера подсудимаго и изъ воображаемаго, „но несомнѣннаго“ матеріала слѣпилъ такую нравственную фигуру его, что всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на оратора. Подсудимый, по мнѣнію обвинителя, былъ злодѣй, долго таившій въ себѣ злобу къ женѣ, непостыдившійся въ присутствіи своего ребенка бить жену, мать его ребенка, и настолько злобный, что готовъ убить всякаго, кто подвернется ему подъ пьяную руку во время порыва злобы. Долго лилась рѣчь обвинителя и не замѣчалъ онъ, что все время подсудимый не спускалъ съ него полныхъ слезъ глазъ и только судорожно вздрагивалъ и что присяжные упорно смотрятъ на подсудимаго. Кончилъ товарищъ прокурора. Вмѣсто защитника медленно всталъ подсудимый и, обратившись къ суду, сказалъ только: „Богъ проститъ имъ (показываетъ на прокурора), что они обзываютъ меня злодѣемъ!“

Тонъ и характеръ этой фразы, которыхъ передать нельзя, фразы полной скорби за оскорбленіе его чувства къ нечаянно убитому имъ ребенку, котораго онъ теперь любилъ можетъ

быть болѣе чѣмъ прежде и изъ за убійства котораго онъ сталъ горькимъ пьяницей, чтобы заглушить въ себѣ тоску по убитой, такъ потрясъ всѣхъ, что у нѣкоторыхъ присяжныхъ на глазахъ показались слѣзы. Защитникъ понялъ общее настроеніе и не сказалъ ни слова. Присяжные засѣдатели черезъ полъ-минуты вынесли оправдательный вердиктъ, встрѣченный рукоплесканіями. Пусть каждый представитъ себѣ—что долженъ былъ чувствовать обвинитель послѣ своей рѣчи?

Точно также приходится наблюдать у обвинителей, особенно у молодыхъ, отсутствіе хладнокровія и особенную страстность, порождающую неловкое положеніе ихъ на судѣ и неблагопріятное вліяніе на ихъ достоинство. Мы только что говорили, что подъ вліяніемъ нервнаго возбужденія на судѣ, весьма многіе теряютъ способность относиться къ дѣлу объективно и указывали на причину того. Если прибавить, что иные прокуроры на исходъ дѣла смотрятъ какъ на дѣло самолюбія, то станетъ понятнымъ, почему они интересы дѣла принимаютъ къ сердцу болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, и почему они такъ страстно, такъ горячо относятся къ дѣлу на судѣ, когда у себя въ кабинетѣ смотрятъ на него совершенно хладнокровно и безпристрастно. Благодаря этому ложному самолюбію и этой страстности, такіе прокуроры выходятъ изъ роли, предписанной имъ закономъ, и вмѣсто того, чтобы подъ вліяніемъ измѣнившихся на судѣ обстоятельствъ, измѣнить характеръ обвиненія, или смягчить силу уликъ и представить присяжнымъ засѣдателямъ безпристрастный очеркъ дѣла или наконецъ прямо отказаться отъ обвиненія, иной прокуроръ, разгорячась и увлекаясь, мечетъ громы и молніи на подсудимаго. Положительно непонятно, какъ можно относиться такъ къ дѣлу и къ своему достоинству, какъ можно смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія своего самолюбія? А между тѣмъ, къ величайшему сожалѣнію, это приходится наблюдать. Намъ даже извѣстенъ случай, когда послѣ горячаго, страстнаго обвиненія, прокуроръ громко сознавался, что онъ радуется оправданію подсудимаго, потому что самъ не убѣжденъ въ его виновности. Не подлежитъ сомнѣнію, что раз-

сказанные нами случаи болѣе или менѣе единичны, ибо къ такимъ выходкамъ всѣ товарищи, весь судъ, относятся безпощадно строго, но они, собственно говоря, никогда не должны были бы имѣть мѣста въ средѣ суда.

Горячія, страстныя обвиненія, мало того, что вредятъ данному дѣлу, но и вредятъ дѣлу суда и достоинству всего прокурорскаго надзора. Весьма многіе смотрятъ на нихъ не какъ на проявленіе личныхъ качествъ и способностей человѣка, а какъ на характеръ дѣятельности прокуроровъ вообще. Обобщая ихъ, они убѣждаются, что прокуроръ по закону (который рѣдко кто знаетъ) не есть убѣжденный обвинитель, а обвинитель по приказу, обвинитель-наемникъ. Поэтому весьма понятно, что въ нѣкоторой части общества сложилось совершенно превратное понятіе о прокурорѣ и его обязанностяхъ.

Разсмотрѣвъ неправильныя дѣйствія прокуроровъ на судѣ, вредящія достоинству ихъ и дѣлу суда, мы имѣемъ право сказать, что всѣ они обусловливаются исключительно личностью прокурора, такъ какъ условія дѣятельности прокурора по закону и на практикѣ таковы, что отъ прокуроровъ *менѣе всего* можно было бы ожидать неправильныхъ дѣйствій. Справедливость требуетъ замѣтить, что неправильныя дѣйствія на судѣ прокуроровъ замѣчаются въ большинствѣ случаевъ только со стороны молодыхъ и неопытныхъ лицъ, что многіе изъ нихъ, неумѣвшіе относиться къ дѣлу хладнокровно, выработали въ себѣ ьту способность и теперь заставляютъ присяжныхъ засѣдателей слушать себя и что, вообще, страстность и проистекающія изъ нея увлеченія въ обвиненіи наблюдаются относительно очень рѣдко. Громадное большинство прокуроровъ понимаетъ свои обязанности, какъ слѣдуетъ ихъ понимать. Строгимъ, сдержаннымъ, честнымъ отношеніемъ къ дѣлу они поставили себя въ достойное положеніе и, какъ мы видѣли, не только заставляютъ присяжныхъ засѣдателей слушать ихъ, но заставляютъ слушаться себя. Доказательствомъ можетъ служить то уваженіе, которымъ вообще пользуются лица прокурорскаго надзора среди общества и

которымъ они не могли бы пользоваться, еслибы страстность и пристрастіе были бы не единичными фактами, а обыденными явленіями.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если было бы обращено болѣе серьезное вниманіе на назначеніе на должности товарищей прокурора и на дѣятельность ихъ, то неправильныя дѣйствія прокуроровъ на судѣ были бы исключительно рѣдкими явленіями, а можетъ быть и совсѣмъ не наблюдались.

XII.

Хотя судъ и долженъ стремиться къ обнаруженію истины въ дѣлѣ, но приговоръ суда не есть истина,—это только достовѣрность, которая часто даже не убѣждаетъ людей.

Кто-то замѣтилъ, что „доказательства и улики имѣютъ два конца“, желая этимъ выразить, что достоинство доказательствъ и уликъ опредѣляется не по внѣшнимъ ихъ признакамъ, а взглядомъ на нихъ; замѣчаніе это неоспоримо. Рѣдкое дѣло съ внѣшней и внутренней сторонъ своихъ представляется совершенно яснымъ для всѣхъ. Почти каждое дѣло заключаетъ въ себѣ темныя стороны, объясняемыя каждымъ по своему, въ силу своего опыта, способностей, занятій, положенія, образованія и проч. Эти объясненія, служа связующимъ звеномъ нашихъ впечатлѣній о дѣлѣ, очевидно, имѣютъ главенствующее значеніе въ образованіи нашего убѣжденія о немъ. Насколько наше міросозерцаніе опредѣляетъ наше убѣжденіе, видно изъ ежедневно наблюдаемыхъ нами примѣровъ: одни проходятъ мимо явленій, не обращая на нихъ вниманія, а другіе останавливаются надъ фактами, неимѣющими никакого значенія, возводятъ ихъ на степень фактовъ, вліяющихъ чуть не на весь міръ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не останавливаются на серьезныхъ явленіяхъ, потому что не приписываютъ имъ такого значенія.

Если многія дѣла съ внѣшней стороны, т. е. со стороны доказанности самаго факта преступленія, виновности обвиняемаго и степени наносимаго преступленіемъ вреда, вызы-

ваютъ сомнѣнія и различныя убѣжденія, то со стороны внутренней, т. е. со стороны причинъ, породившихъ преступленіе и опредѣляющихъ его внѣшнюю сторону, сомнѣній возникаетъ еще болѣе. Поэтому понятно, что дѣло, повидимому, совершенно ясное для однихъ, вполнѣ недоказано для другихъ, что одно и тоже дѣло возмущаетъ однихъ и вызываетъ одобреніе другихъ.

Судъ долженъ опредѣлить виновность подсудимаго не по числу доказательствъ и уликъ, а по внутреннему содержанію ихъ, и наказаніе виновному положить не только по степени нанесеннаго вреда, но и по внутреннему характеру дѣянія. Изъ этого очевидно, что для всесторонняго и потому болѣе правильнаго разъясненія дѣла, суду недостаточно однихъ доводовъ прокурора, освѣщающаго обстоятельства дѣла съ своей точки зрѣнія, а необходимъ и другой взглядъ на дѣло, освѣщающій его съ точки зрѣнія интересовъ подсудимаго. Только выслушавъ различные взгляды на дѣло, обсудивъ доказательства и улики „съ обоихъ концовъ“, судья можетъ быть болѣе увѣренъ, что онъ обниметъ дѣло всесторонне и что убѣжденіе его не будетъ грѣшить пристрастіемъ къ обвиненію или оправданію подсудимаго.

Въ нѣкоторой части образованнаго общества, которой не могутъ быть неизвѣстны высказанныя нами только что соображенія,— и по правдѣ сказать немалой части общества,— сложилось убѣжденіе, что защита представляется совершенно излишнею, ибо судъ имѣетъ всѣ данныя для всесторонняго и потому правильнаго разрѣшенія дѣла, сопоставляя мнѣніе прокурора съ возраженіями и объясненіями подсудимаго. Появленіе такого убѣжденія въ образованной части общества обусловливается исключительно наблюдаемымъ злоупотребленіемъ защиты нѣкоторыми беззастѣнчивыми адвокатами и составляетъ грустное явленіе. По этому поводу мы считаемъ нужнымъ высказаться. Всестороннее разсмотрѣніе дѣла возможно только при обсужденіи различныхъ взглядовъ на него. Другимъ взглядомъ на дѣло, кромѣ взгляда прокурора, нельзя признать объясненія подсудимаго, по самому свойству ихъ:

это не взглядъ на дѣло, а объясненія по дѣлу, которыя самъ подсудимый не можетъ оцѣнить. Нравственное состояніе подсудимаго таково, что онъ не можетъ хладнокровно обсуждать обстоятельства дѣла. Какъ врачъ не можетъ лечить себя самъ и дѣлать надъ собою операціи, такъ и подсудимый въ силу тѣхъ же нравственныхъ причинъ не можетъ защищать себя самъ и самъ вскрывать предъ всѣми тѣ свои страданія, о которыхъ иногда въ присутствіи его намекается, но не говорится. Вотъ почему, такъ какъ нельзя представить себѣ правильно организованнаго суда безъ всесторонняго разсмотрѣнія дѣла и такъ какъ только защита посторонняго лица можетъ помочь судьѣ всесторонне обсудить его, то нельзя не признать, что защита на судѣ должна быть признана безусловно необходимою во всѣхъ случаяхъ, не только въ интересахъ единичныхъ подсудимыхъ, но и въ интересахъ государственныхъ.

Дѣятельность защиты по закону начинается съ момента врученія обвинительнаго акта, такъ какъ офиціальная защита на предварительномъ слѣдствіи не допускается; съ этого момента и слѣдуетъ разсматривать защиту, какъ таковую, хотя несомнѣнно, что и при производствѣ предварительнаго слѣдствія каждый подсудимый, находящійся на свободѣ, можетъ пользоваться совѣтомъ постороннихъ лицъ, слѣдовательно и избраннаго имъ заранѣе защитника.

Законъ не ограничиваетъ права подсудимыхъ въ выборѣ защитниковъ, которыми могутъ быть всѣ, даже лишенные по суду гражданскихъ правъ. Но не ограничивая правъ подсудимыхъ въ выборѣ защитника изъ лицъ, къ которымъ они питаютъ особое довѣріе, законъ, разумѣется, имѣлъ въ виду, что вообще защита всѣхъ подсудимыхъ будетъ въ рукахъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Защита подсудимыхъ частными повѣренными есть явленіе относительно рѣдкое и преходящее, а установленіе защиты чрезъ „опытныхъ“ кандидатовъ на судебныя должности есть мѣра временная, которая, встрѣчаясь все рѣже и рѣже, въ теперешнемъ ея видѣ скоро станетъ анахронизмомъ. Вотъ почему

мы будемъ говорить только о защитѣ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ.

И такъ, въ нашемъ процессѣ официальная защита можетъ имѣть мѣсто только со времени вручения копіи обвинительнаго акта подсудимому, когда ему сдѣлаются извѣстными обстоятельства, по мнѣнію обвинительной власти уличающія его въ совершеніи преступленія. Что этотъ порядокъ ненормаленъ, что необходимо предоставить подсудимому право ознакомиться съ мнѣніемъ обвинительной власти до преданія суду,— это признается почти всѣми судебными дѣятелями. Дѣлу суда это принести вреда не можетъ, а пользу принесетъ большую. Но и съ момента вручения утвержденнаго уже судебною палатою обвинительнаго акта для защиты представляется широкое поле дѣятельности въ руководствѣ подсудимымъ. Руководить подсудимымъ въ защитѣ не значитъ учить его изворачиваться въ своихъ объясненіяхъ. Постоянная критика обвиненій располагаетъ умъ образованнаго и знающаго дѣла человѣка находить слабыя стороны дѣла тамъ, гдѣ другой, неопытный, не найдетъ никакихъ сомнѣній. Между тѣмъ вѣдь почти каждое дѣло имѣетъ слабыя стороны: или мотивы преступленія невѣрно оцѣнены; или характеръ преступленія даетъ право на особое снисхожденіе къ подсудимому, въ виду особыхъ условій, вовлекшихъ подсудимаго въ преступленіе; или улики настолько слабы, что не убѣждаютъ защитника въ виновности подсудимаго; или постановка обвиненія настолько невѣрна, что извѣстный взглядъ на него рушитъ все обвиненіе и проч. Вотъ обращеніе вниманія на эти обстоятельства, послѣ искреннихъ объясненій защитника съ подсудимымъ, разъясненія подсудимому истиннаго положенія дѣла и характера его, какъ они представляются защитнику по актамъ предварительнаго слѣдствія и обвинительному акту, и составляетъ то руководство защитникомъ подсудимаго въ его защитѣ, о которомъ мы сказали.

Защита подсудимаго распадается на два отдѣла: на приготовленіе матеріала для защиты и на самую защиту на судѣ. Приготовленіе матеріала составляетъ вызовъ новыхъ свидѣте-

лей и экспертовъ и розысканіе документовъ, которые всѣ вмѣстѣ или въ отдѣльности могли бы подтвердить взглядъ защитника на виновность и характеръ ея, установленный имъ послѣ объясненія съ подсудимымъ. Защита на судѣ состоитъ въ проведеніи защитникомъ *своего* взгляда на дѣло и потому сводится или къ опроверженію силы доказательствъ и уликъ, приводимыхъ обвиненіемъ, или къ указанію истиннаго характера дѣянія подсудимаго, за которое онъ можетъ подлежать отвѣту, и тѣхъ обстоятельствъ, которыя ослабляютъ обвиненіе и вызываютъ снисхожденіе суда къ подсудимому (744 и 746 ст. устава). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ законъ предоставляетъ защитѣ полный просторъ въ представленіи доказательствъ, требуя отъ нея одного: чтобы приводимые доводы и доказательства имѣли прямое отношеніе къ дѣлу. На судебномъ слѣдствіи защитникъ пользуется одинаковыми правами съ прокуроромъ при разработкѣ доказательствъ и только требуется отъ него, чтобы онъ не распространялся о предметахъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу, не позволялъ бы себѣ нарушать должное уваженіе къ религіи, закону и установленнымъ властямъ, не употреблялъ выраженій оскорбительныхъ для чьей бы то ни было личности (ст. 745 устава). Такъ какъ защита состоитъ въ проведеніи *своего* взгляда на дѣло, то можетъ случиться, что взглядъ защитника не совпадетъ съ объясненіями подсудимаго или что онъ самъ убѣжденъ въ виновности подсудимаго, отвергающаго свою виновность. Въ этомъ отношеніи законъ не могъ давать какихъ либо руководящихъ началъ защитнику, указывая въ какихъ случаяхъ онъ можетъ быть солидаренъ съ подсудимымъ, отрицающимъ свою виновность, такъ какъ очевидно не дѣло закона преподавать уроки нравственности; это дѣло убѣжденія защитника, его честности и пониманія имъ приличія и своего достоинства. Несвязанный никакими приказаніями, свободный въ своемъ убѣжденіи отъ всевозможныхъ насилій и вліяній, защитникъ долженъ и можетъ руководствоваться только своимъ убѣжденіемъ и чувствомъ мѣры, присущимъ образованному и воспитан-

ному человѣку, какимъ законъ желалъ видѣть присяжнаго повѣреннаго.

Такимъ образомъ мы видимъ, что законъ поставилъ защиту въ подобающее ей положеніе, ничѣмъ не стѣснилъ ее, предоставилъ полный просторъ ея дѣятельности, а на судѣ предоставилъ ей такія же права, какими пользуется и прокуроръ.

Было время, когда въ печати безпрестанно раздавались голоса о неравноправности на судѣ прокурора и защитника, какъ сторонъ. Голоса эти раздавались по преимуществу со стороны юныхъ адвокатовъ, которые свою неудачную защиту объясняли не характеромъ ея и дѣла, а преимущественнымъ положеніемъ на судѣ прокурора, одѣтаго въ мундиръ и сидящаго рядомъ съ судейскимъ столомъ, тогда какъ защитникъ долженъ быть во фракѣ и сидѣть не за краснымъ столомъ, а около подсудимаго. Нѣкоторые даже совѣтывали облечь прокуроровъ въ черный фракъ и помѣстить ихъ рядомъ съ защитникомъ. Такіе голоса и совѣты объясняются только юностью совѣтниковъ; въ настоящее время они уже не раздаются какъ потому, что взглядъ на защиту въ обществѣ нѣсколько измѣнился, такъ и потому, вѣроятно, что самые авторы ихъ съ тѣхъ поръ возмужали. Разбирать вопросъ о неравноправности сторонъ на судѣ, происходящей отъ занимаемаго ими мѣста и отъ одежды ихъ мы не будемъ; онъ достаточно ясенъ самъ по себѣ. Скажемъ только нѣсколько словъ о значеніи вообще для присяжныхъ засѣдателей прокурора и защитника.

Значеніе и роль прокурора и защитника на судѣ были совершенно незнакомы первымъ присяжнымъ засѣдателямъ. Судъ съ его торжественной обстановкой и сложнымъ ходомъ процесса былъ такъ новъ для всѣхъ, что не только присяжные засѣдатели изъ крестьянъ, но и образованные люди не отдавали себѣ отчета о роли, значеніи и характерѣ дѣятельности суда и сторонъ. Какъ ни старались первые предсѣдательствующіе объяснить присяжнымъ засѣдателямъ ихъ обязанности и порядокъ процесса, и то, и другое, присяжнымъ

и обществу сдѣлалось вполнѣ понятнымъ только по опыту, когда общество присмотрѣлось къ суду, разнообразіе дѣлъ котораго и вытекавшее изъ него разнообразіе положеній и дѣятельности суда и его органовъ, наглядно объяснили обществу значеніе и характеръ дѣятельности суда и его органовъ. Отсюда понятно, что въ отношеніяхъ къ суду присяжныхъ засѣдателей, незнавшихъ своихъ обязанностей, проявлялась щепетильная осторожность. Приподнимался ли членъ суда, чтобы достать далеко лежавшее на столѣ дѣло, вставалъ ли прокуроръ или защитникъ, давая объясненія суду, вставалъ ли судебный приставъ давая объясненія предсѣдательствующему нѣкоторые присяжные засѣдатели вставали, полагая, что и имъ необходимо встать. Напримѣръ, разбиралось дѣло по частному обвиненію. Обвинительницу судъ посадилъ на прокурорское кресло. Когда обвинительница встала, чтобы дать объясненія суду, присяжные какъ одинъ человѣкъ разомъ встали и сѣли только послѣ приглашенія предсѣдателя. Когда защитникъ всталъ и обратился къ присяжнымъ съ своею рѣчью, присяжные опять встали и на знаки защитника, чтобы они сѣли, одинъ изъ присяжныхъ громко сказалъ: „ничего, ваше благородіе, постоимъ“! Вотъ до какой степени для присяжныхъ, а слѣдовательно и для общества, было ново все, что представлялось имъ на судѣ. Разумѣется, что въ первое время присяжные засѣдатели не могли составить себѣ точнаго понятія о порядкѣ дѣятельности и значеніи прокурора, защитника и даже суда. Понятіе это, какъ мы уже сказали, слагалось постепенно, путемъ опыта. Поэтому опредѣлять его тѣми отношеніями, которыя въ тѣхъ или другихъ случаяхъ единично проявлялись, невозможно. Чтобы опредѣлить значеніе прокуроровъ и защитниковъ на судѣ въ глазахъ присяжныхъ, нужно обратиться къ такимъ признакамъ, которые незамѣтны для невнимательнаго и неопытнаго человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ ясны для людей, знающихъ дѣло суда въ подробностяхъ и внимательно относящихся ко всѣмъ явленіямъ, происходящимъ на судѣ и исходящимъ изъ суда, какъ послѣдствія его. Эти признаки суть: то вниманіе, съ кото-

рымъ присяжные засѣдатели относятся къ прокурору и защитнику, и доводы сторонъ, которыми присяжные руководятся въ своихъ рѣшеніяхъ. По этимъ безошибочнымъ признакамъ можно опредѣлить точно значеніе, которымъ пользуется на судѣ прокуроръ и защитникъ въ каждомъ данномъ дѣлѣ, и исходя отсюда опредѣлить ихъ значеніе для присяжныхъ вообще. Многолѣтняя практика всѣхъ судовъ убѣдила знающихъ дѣло суда и относящихся къ нему внимательно что *вообще* значеніе прокурора и защитника присяжными засѣдателями опредѣляется не мѣстами, ими занимаемыми, и не одѣяніемъ ихъ, а отношеніемъ ихъ къ дѣлу и личностями ихъ, (ихъ „я)“, насколько они высказываются и вліяютъ на присяжныхъ засѣдателей. Въ частности бываютъ уклоненія въ ту или другую сторону, подъ вліяніемъ многоразличныхъ причинъ; нѣкоторые изъ нихъ всѣмъ извѣстны и на нихъ мы останавливаться не будемъ, а на другіе укажемъ впослѣдствіи.—Здѣсь мы опять сталкиваемся съ тѣмъ же вопросомъ о вліяніи личности судебнаго дѣятеля на представленіе общества и присяжныхъ засѣдателей о характерѣ дѣятельности его.

И такъ, разсмотрѣвъ условія дѣятельности защиты по закону, мы имѣемъ право сказать, что ни во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, ни на судѣ, защитникъ ни въ чемъ не стѣсненъ, какъ въ представленіи новыхъ доказательствъ, такъ и въ способѣ веденія защиты; что при этихъ условіяхъ защитникъ можетъ вести свое дѣло вполнѣ достойно и поставитъ себя на ту степень уваженія, на которой ему быть подобаетъ; что на судѣ защитникъ пользуется совершенно одинаковыми правами съ прокуроромъ и что въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей значеніе защитника, какъ и значеніе прокурора, опредѣляется исключительно личностью его.

Нужно впрочемъ замѣтить, что въ правахъ защиты и прокуратура во время приготовительныхъ къ суду распоряженій въ представленіи доказательствъ есть нѣкоторая разница.—Защита имѣетъ право вызывать свидѣтелей, недопрошен-

ныхъ на предварительномъ слѣдствіи, только подъ контролемъ суда, который обсуждаетъ—относятся ли показанія этихъ свидѣтелей къ дѣлу, тогда какъ прокуроръ пользуется правомъ вызова свидѣтелей безъ этого контроля, прямымъ требованіемъ, заявленнымъ предсѣдателю (ст. 573 устава). Это различіе въ правахъ, по нашему мнѣнію, весьма понятно и разумно. Контроль суда стѣснять защиту не можетъ, тѣмъ болѣе, что въ просьбѣ о вызовѣ свидѣтелей можно указать на такіе существенные моменты, въ силу которыхъ судъ никогда не откажетъ въ вызовѣ ихъ, а на судебномъ слѣдствіи допрашивать ихъ по другимъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ онъ необходимъ, какъ извѣстно, потому, что задача прокурора состоитъ въ томъ, чтобы дѣло представлялось на судѣ возможно яснѣе и прокурору нѣтъ расчета и основанія вызывать такихъ свидѣтелей, которыхъ показанія усложняютъ дѣло неидущими къ нему обстоятельствами, тогда какъ можетъ встрѣтиться защитникъ, задачею котораго будетъ именно осложненіе дѣла и умышленное запутываніе его, чтобы присяжные засѣдатели, утомленные хаосомъ неидущихъ къ дѣлу обстоятельствъ, позабыли бы существенныя черты дѣла и вообще спутали его. Если предоставить подсудимому право вызывать всѣхъ свидѣтелей предъявленіемъ требованія о томъ суду, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторыя дѣла никогда не слушались бы, такъ какъ подсудимые вызывали бы свидѣтелей тысячами, чтобы затруднить слушаніе ихъ дѣлъ. Вотъ почему контроль суда въ дѣлѣ вызова защитою новыхъ свидѣтелей необходимъ.

XIII [1]).

Защита бываетъ двухъ родовъ: защита безплатная, по назначенію суда, и защита по взаимному соглашенію съ подсудимымъ. Послѣдняя бываетъ также двухъ видовъ, которые

---

[1]) Условія дѣятельности адвокатуры на практикѣ мы разсматриваемъ не во всей ихъ цѣлости, а постольку, поскольку это представляется необходимымъ для обрисовки вліянія ихъ на характеръ защиты вообще.

обусловливаются или опредѣленіемъ размѣра гонорара исходомъ дѣла, или опредѣленнымъ гонораромъ за веденіе всей защиты, независимо отъ исхода дѣла.

Въ большинствѣ случаевъ практика адвоката пріобрѣтается его извѣстностью, а извѣстность въ свою очередь пріобрѣтается весьма часто защитою. Это условіе дѣятельности адвокатуры такъ сковываетъ ее, что какая бы ни была неблагодарная въ смыслѣ труда и обезпеченности защита, подсудимый можетъ быть увѣренъ, что его защитникъ дѣйствительно приложитъ все стараніе, все умѣнье и всѣ способности, чтобы защитить его отъ обвиненія, а если это невозможно, то по крайней мѣрѣ смягчить обвиненіе.—Мы не хотимъ сказать, что нѣтъ разницы между платной и безплатной защитой. Разница всегда будетъ, ибо въ платной защитѣ защитникъ потратитъ болѣе труда на изученіе дѣла и на приготовленіе матеріала для защиты. Мы говоримъ только, что къ защитамъ по назначенію суда присяжные повѣренные относятся съ полной серьезностью и со стараніемъ. Въ тоже время въ судахъ давно уже принято за правило по громкимъ и сложнымъ дѣламъ назначать защитниковъ изъ числа выдающихся присяжныхъ повѣренныхъ, которые, какъ и всѣ остальные адвокаты, несомнѣнно охотно выполняютъ даровую защиту. Вотъ почему весьма многіе изъ подсудимыхъ, имѣющихъ средства для приглашенія защитника, не избираютъ его, увѣренные, что и назначенный судомъ защитникъ точно также будетъ радѣть о ихъ интересахъ, какъ и защитникъ платный.

Благодаря этимъ условіямъ и трудности составить себѣ извѣстность, какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, немудрено, что *нѣкоторые* изъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, необладающіе достаточною силою воли, практикуютъ различные, даже неблаговидные способы заручаться защитой по громкимъ дѣламъ.

Кромѣ исканія интересныхъ обвиняемыхъ, нѣкоторыми практикуется исканіе интересныхъ потерпѣвшихъ. Выдумавъ фиктивный гражданскій искъ, адвокатъ является на

судъ въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца. Метая громы и молніи противъ подсудимаго „во имя святой справедливости“, адвокатъ точно также пріобрѣтаетъ извѣстность, а слѣдовательно и практику.

Обвиняемые, находящіеся на свободѣ могутъ пользоваться услугами защиты и во время производства предварительнаго слѣдствія. Всѣмъ извѣстно, что такая защита практикуется нѣкоторыми присяжными повѣренными, несмотря на положительное воспрещеніе закона. Такая защита со стороны присяжныхъ повѣренныхъ не должна имѣть мѣста и не должна быть допускаема. Защитникъ до времени полученія обвиняемымъ копій съ слѣдственнаго производства, которыя выдаются судебнымъ слѣдователемъ по окончаніи слѣдствія, не можетъ знать обстоятельствъ дѣла, а потому знакомится съ ними только со словъ обвиняемаго, чего очевидно недостаточно для правильнаго понятія о дѣлѣ и для участія въ немъ во время производства слѣдствія въ качествѣ защитника. Обвиняемымъ, несознающимся въ совершеніи преступленія, (само собою разумѣется, что мы говоримъ объ обвиняемыхъ виновныхъ, а не невинныхъ, неправильно заподозрѣнныхъ), свойственно во время производства слѣдствія принимать тѣ или другія мѣры къ подтвержденію своихъ объясненій, т. е. къ сокрытію своего участія въ совершеніи преступленія. Для того, чтобы поддерживать такой способъ защиты на предварительномъ слѣдствіи, при нашемъ процессѣ (при состязательномъ процессѣ характеръ защиты иной) необходима солидарность защитника съ обвиняемымъ, которая естественно влечетъ защитника не къ раскрытію въ дѣлѣ истины, а къ сокрытію ея, т. е. иными словами къ тому, чтобы облегчить обвиняемому выдти сухимъ и чистымъ изъ воды, несмотря на всю грязь этой воды. Защитникъ, взявшій на себя обязанность защищать обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи, волею-неволею долженъ руководить его объясненіями и принимать также мѣры къ подтвержденію ихъ, т. е. принимать мѣры къ сокрытію преступленія. Разумѣется, это не можетъ быть дозволено присяжнымъ повѣреннымъ. Такой взглядъ раздѣ-

лялся и раздѣляется до сихъ поръ большинствомъ присяжной адвокатуры, которая съ негодованіемъ смотритъ на продѣлки нѣкоторыхъ своихъ товарищей. Въ прежнее время такой взглядъ между присяжными повѣренными поддерживался очень строго. Всѣмъ извѣстенъ случай, когда присяжный повѣренный, получивъ за написаніе жалобы на опредѣленіе окружнаго суда о заключеніи подъ стражу обвиняемаго 5000 руб., подъ давленіемъ возмутившагося мнѣнія своего кружка, долженъ былъ пожертвовать ихъ на благотворительное дѣло. Само собою разумѣется, что мы здѣсь не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда присяжный повѣренный, не какъ таковой, а какъ близкій человѣкъ къ обвиняемому, симпатизируя ему, и убѣжденный въ его невиновности, принимаетъ участіе въ его судьбѣ; такое отношеніе къ обвиняемому весьма естественно и понятно.

Тѣже условія дѣятельности адвокатуры породили особый видъ защиты съ условнымъ гонораромъ, т. е. въ случаѣ оправданія подсудимаго гонораръ выплачивается, а въ случаѣ обвиненія защитникъ гонорара не получаетъ. Разумѣется, никто не вправѣ требовать, чтобы человѣкъ посвящалъ свои способности, знанія, силы, время и трудъ на пользу другаго только потому, что этотъ другой попалъ на скамью подсудимыхъ, какъ не вправѣ требовать, чтобы врачь лечилъ всѣхъ больныхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, даромъ, только потому, что онъ научился быть врачемъ, а тѣ или другіе, имѣли несчастіе заболѣть. Гонораръ за защиту, какъ бы онъ ни былъ великъ по сравненію съ характеромъ самаго дѣла, является справедливымъ вознагражденіемъ за время, трудъ, знаніе, опытность и способности лица, посвящающаго ихъ на пользу другаго. Но неподлежитъ никакому сомнѣнію, что защитникъ не можетъ и не долженъ обусловливать размѣръ гонорара за защиту исходомъ дѣла. Такой договоръ вноситъ въ характеръ защиты особую безнравственность; онъ заставляетъ защитника не брезгать никакими пріемами и средствами для достиженія оправданія подсудимаго, такъ какъ въ противномъ случаѣ защитникъ лишается гонорара и трудъ его пропа-

даетъ даромъ. Когда приходится наблюдать подобную защиту, то поневолѣ удивляешься нервамъ человѣка образованнаго, который со спокойною совѣстью стремится увѣрить другихъ, вопреки своему убѣжденію, и тутъ же страстно распинаетъ правдивыхъ свидѣтелей за высказанную ими правду и упрекаетъ въ пристрастіи, въ произволѣ, всѣхъ несогласныхъ съ нимъ. Такая защита всегда бываетъ неумѣренно страстна, что объясняется психологически. Чувствуя себя неправымъ, защитникъ старается доказать свою правоту; оправдывая подсудимаго онъ тѣмъ самымъ обѣляетъ самаго себя, поддерживающаго объясненія своего кліента; оправданіе подсудимаго служитъ нравственнымъ удовлетвореніемъ его, потому что никто не посмѣетъ сказать, что онъ умышленно лгалъ на судѣ.

XIV.

На практикѣ приходится защищать подсудимыхъ различныхъ характеровъ и положеній, обвиняемыхъ въ различныхъ преступленіяхъ, съ различными степенями сознанія, при большей или меньшей уличаемости. Во всѣхъ этихъ случаяхъ защита, очевидно, должна быть разнообразна до безконечности и практика въ такомъ живомъ дѣлѣ не могла установить какихъ либо правилъ, формъ или обычаевъ. Поэтому въ дѣлѣ защиты характеръ и пріемы ея обусловливаются исключительно личностью защитника, устанавляющаго и разработывающаго планъ защиты. Чувство мѣры, порядочности и честности и требованіе здраваго смысла, а иногда необходимости, подсказываютъ защитнику—когда можно поддерживать объясненія подсудимаго, когда поддерживать ихъ нельзя и когда слѣдуетъ отрѣшится отъ нихъ совершенно. Изъ этого видно, какъ должны быть разнообразны пріемы защиты, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она имѣетъ своею цѣлью только разъяснить дѣло и провести на судѣ свое убѣжденіе. Но все таки, относительно, пріемы эти несложны, ибо защита, установивъ взглядъ на дѣло, проводитъ его послѣдовательно, не стѣсняясь объясненіями подсудимаго и указывая на нихъ постольку, поскольку они гармонируютъ съ ея взглядомъ. У

насъ выработалось однако другое воззрѣніе на этотъ предметъ. Обыкновенно полагаютъ, что отъ защиты требуется не провести свой взглядъ на дѣло, свое убѣжденіе, а во чтобы то ни стало выгородить подсудимаго, хотя бы онъ обвинялся въ возмутительномъ преступленіи и виновность его для защитника была бы несомнѣнна. Съ этой точки зрѣнія задача защиты въ выборѣ средствъ и пріемовъ сложнѣе. Такими пріемами иногда даже служатъ — наученіе подсудимаго не сознаваться и давать тѣ или другія объясненія; вызовъ массы свидѣтелей, чтобы спутать дѣло; порядокъ допроса свидѣтелей; вызовъ экспертовъ для доказательства невмѣняемости подсудимаго; поведеніе на судѣ, и наконецъ характеръ защитительной рѣчи. Разсмотримъ эти пріемы каждой въ отдѣльности:

1) Научать подсудимаго давать объясненія очень опасно, ибо не всегда подсудимые могутъ совладать съ собою при охватывающемъ ихъ волненіи на судѣ; только подсудимымъ развитымъ и съ характеромъ можно представить планъ защиты и выработать общіе пріемы и объясненія. Большинство подсудимыхъ научать опасно, такъ какъ заученныя объясненія могутъ оказаться вредными при измѣненіи на судебномъ слѣдствіи нѣкоторыхъ частностей. Слѣдующій случай покажетъ, до какихъ крайностей доходитъ иногда этотъ неправильный пріемъ защиты.

Суду были преданы два лица—поддѣлыватель и переводчикъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. Уликами противъ перваго были фальшивые билеты, поддѣланные отъ руки, оконченные и неоконченные, вмѣстѣ съ красками и бумагой найденные при обыскѣ у него въ квартирѣ, въ связи съ тѣмъ невѣроятнымъ объясненіемъ, что все это было ему подкинуто. Противъ втораго имѣлись—его близость къ поддѣлывателю, фальшивые билеты, найденные у него въ карманѣ и размѣнъ имъ фальшивыхъ билетовъ на базарѣ, отчего онъ, впрочемъ, отрекался.

При посѣщеніи товарищемъ прокурора тюремнаго замка оба подсудимые спросили его совѣта: не слѣдуетъ ли имъ сознаться, такъ какъ тогда судъ отнесется къ нимъ снисхо-

дительно, а ихъ все равно осудятъ? Товарищъ прокурора отвѣчалъ имъ, что совѣта дать онъ не можетъ, ибо впослѣдствіи, если ихъ осудятъ, они пожалуй, будутъ на него въ претензіи; но разъ они обращаются къ нему за совѣтомъ, онъ считаетъ своею обязанностью сказать, что если они виновны, то имъ слѣдуетъ сознаться, что имъ самимъ должно быть извѣстно изъ обвинительнаго акта, что улики противъ нихъ есть и осужденіе ихъ вѣроятно и что если судъ признаетъ ихъ заслуживающими снисхожденія, то можетъ приговорить самое меньшее къ ссылкѣ на поселеніе, въ противномъ случаѣ приговоритъ въ каторжныя работы. „Ну такъ мы сознаемся, сказали подсудимые; что даромъ врать и ругать добрыхъ людей (свидѣтелей [1])! Черезъ нѣсколько дней явился въ тюрьму *по ихъ* приглашенію защитникъ, самъ стремившійся выступить защитникомъ по этому „громкому дѣлу“. Подсудимые передали защитнику о своемъ желаніи сознаться и стали просить только объ одномъ, чтобы онъ выпросилъ у суда для нихъ ссылку на поселеніе, вмѣсто каторжныхъ работъ. Защитникъ сталъ увѣрять ихъ, что при незначительности поддѣланной и сбытой суммы фальшивыхъ денегъ и строгости наказанія, о чемъ будетъ извѣстно присяжнымъ засѣдателямъ, ихъ никогда не признаютъ виновными; если же они, въ особенности сбытчикъ, противъ котораго нѣтъ никакихъ уликъ, сознаются, то присяжные засѣдатели *будутъ вынуждены* обвинить ихъ. Въ концѣ концовъ защитникъ убѣдилъ сбытчика не сознаваться, а поддѣлыватель отказался отъ защиты и заявилъ, что онъ на судѣ сознается. Не смотря на такое предупрежденіе, защитникъ все таки остался при своемъ мнѣніи, вѣроятно, убѣжденный, что присяжные засѣдатели не могутъ осудить людей въ каторжныя работы за какихъ нибудь 15—

---

[1]) Этотъ характерный разговоръ совершенно ярко обрисовываетъ добродушное и довѣрчивое отношеніе подсудимыхъ къ прокурорамъ, ихъ обвиняющимъ, при нормальномъ отношеніи прокурора къ подсудимымъ. Такіе разговоры ведутся всѣми прокурорами, у которыхъ обвиняемые сплошь и рядомъ спрашиваютъ совѣта по своимъ дѣламъ.

20 рублей. На судѣ поддѣлыватель, дѣйствительно, сознался и такъ умно и осторожно давалъ объясненія, что ни однимъ словомъ не обмолвился относительно участія своего товарища, а послѣдній упорно отрицалъ свою виновность и давалъ весьма неловкія объясненія. Защитникъ долженъ былъ по неволѣ поддерживать объясненія подсудимаго. Не смотря на всѣ мѣры защитника, даже на обращеніе вниманія присяжныхъ засѣдателей на то, что въ фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ, фраза „за поддѣлку кредитныхъ билетовъ, виновные подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу“,—поддѣлка очень дурна и не можетъ никого ввести въ заблужденіе относительно подлинности билета, присяжные засѣдатели признали обоихъ подсудимыхъ виновными, но поддѣлывателю дали снисхожденіе. Судъ приговорилъ поддѣлывателя къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, а сбытчика въ каторжные работы. Нужно было видѣть радость перваго и отчаяніе, и слезы послѣдняго, и горькіе упреки, которыми онъ осыпалъ защитника, чтобы понять всю эту сцену.

2) Другой ложный пріемъ защиты—вызовъ свидѣтелей съ цѣлью спутать дѣло. Въ сложное и большое дѣло, основанное на косвенныхъ уликахъ, иногда можно ввести столько побочныхъ обстоятельствъ, что они еще болѣе осложнятъ дѣло, спутаютъ его и вызовутъ у присяжныхъ засѣдателей смутное впечатлѣніе, послѣдствіемъ чего явится оправдательный приговоръ. Для того, чтобы спутать дѣло нужно вызвать свидѣтелей, которые показали бы о неблаговидной жизни потерпѣвшаго и главныхъ свидѣтелей, объ ихъ отношеніяхъ между собою и къ подсудимымъ, словомъ о такихъ обстоятельствахъ, которыя поселили бы неблагопріятное впечатлѣніе о личностяхъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей. Между прочимъ, свидѣтели должны намекнуть на какіе-то слухи о дѣлѣ, на которые слѣдственная власть въ свое время необратила вниманія. Если предсѣдатель недостаточно опытенъ или недостаточно объективенъ, то такой пріемъ часто удается. Къ такому пріему слѣдуетъ отнести и вызовъ свидѣтелей, пока-

зывающихъ завѣдомо ложно, каковые свидѣтели все чаще и чаще появляются на судѣ. Мы не говоримъ, что вызовъ послѣднихъ практикуется защитниками, хотя всѣмъ извѣстны и такіе факты. Мы желали-бы только сказать, что такіе свидѣтели появляются на судѣ и показаніями ихъ, для всѣхъ очевидно неправильными, защита пользуется въ своихъ доводахъ. Могутъ спросить да какимъ же образомъ свидѣтели, показывающіе о совершенно неидущихъ къ дѣлу обстоятельствахъ, появляются на судѣ, когда вызовъ свидѣтелей находится подъ контролемъ суда? Объясняется это очень просто. Въ прошеніи суду подсудимымъ заявляется, что свидѣтели будутъ показывать о такихъ обстоятельствахъ, которые дѣйствительно существенны, почему судъ и не можетъ отказать въ вызовѣ ихъ; на судѣ же эти свидѣтели о существенномъ обстоятельствѣ ничего не покажутъ, ибо ничего незнаютъ, а будутъ показывать о томъ, о чемъ ихъ будетъ спрашивать защитникъ, для чего собственно они и вызывались.

3) Въ адвокатской практикѣ существуетъ правйло, что свидѣтелю многорѣчивому слѣдуетъ дать выскаться. Правило это основано на томъ, что многорѣчивый свидѣтель при умѣломъ послѣдующемъ допросѣ всегда выскажетъ какое нибудь противорѣчіе въ мелочахъ; этого только и нужно, ибо малѣйшимъ противорѣчіемъ можно поставить свидѣтеля въ смѣшное положеніе и уронить его въ глазахъ иныхъ присяжныхъ засѣдателей, а, слѣдовательно, и значеніе его показанія. Если же свидѣтель не многорѣчивъ, то путемъ подобранныхъ вопросовъ, опять-таки прибѣгаютъ къ тому, чтобы онъ показалъ такъ, какъ желательно вопрошающему, и если свидѣтель не поддается, то ему приходится испытывать *пытку* допроса. Останавливаться на такомъ способѣ допроса нѣтъ надобности, ибо онъ хорошо извѣстенъ и несоотвѣтствіе его истиннымъ цѣлямъ защиты, также извѣстно каждому. Остается только удивляться, какъ это предсѣдатели, облеченные огромною властью, могутъ допускать такое возмутительное обращеніе съ свидѣтелями. Еще хуже защита поступаетъ, когда, чтобы набросить на свидѣтеля тѣнь, ему предлагаются наме-

ками вопросы о какомъ нибудь позорномъ обстоятельствѣ, никогда несуществовавшемъ, или спрашиваютъ объ интимныхъ отношеніяхъ къ совершенно постороннимъ лицамъ (о чемъ заранѣе собираютъ справки), и когда свидѣтель, смѣшается вновь, предлагаютъ вопросы, отвѣты на которые очевидно не могутъ быть уже точны. Такъ, напримѣръ, свидѣтеля спрашиваютъ: „скажите, свидѣтельница, вы дѣвушка?“ „Дѣвушка“. „А дѣти у васъ есть?“ Свидѣтельница путается и, краснѣя шепотомъ отвѣчаетъ „есть“. Скажите,—въ какихъ отношеніяхъ вы состоите къ Ивану (лицу совершенно неизвѣстному по дѣлу)? Свидѣтельница, чуть не плачетъ, а защита удовлетворяется, ибо свидѣтельница смущена и теперь безбоязненно можетъ быть сбита вопросами, и дастъ какіе угодно отвѣты. Или это дѣлается такъ: „скажите, свидѣтель, были вы свидѣтелемъ по дѣлу Иванова, который обвинялся въ подлогѣ?“ „Нѣтъ не былъ!“ „Вспомните хорошенько; не было ли занесено ваше показаніе по требованію прокурора въ протоколъ?“ „Я въ первый разъ свидѣтелемъ“. — „Странно, значитъ я ошибаюсь“. Но тонъ, которымъ говорится эта послѣдняя фраза: „странно, значитъ я ошибаюсь“, какъ нельзя болѣе доказываетъ присяжнымъ, что свидѣтель лжетъ, что онъ былъ прежде свидѣтелемъ и тоже лгалъ, такъ что прокуроръ занесъ его показаніе въ протоколъ. И беззащитный свидѣтель смущается, конфузится, сознавая, что предъ всѣмъ обществомъ онъ выставленъ наемнымъ клятвопреступникомъ. Подобные пріемы разнообразны до безконечности. Немудрено, что иной свидѣтель, побывавъ разъ на судѣ и испытавъ подобную пытку, клянетъ судъ и въ другой разъ въ свидѣтели не идетъ, заявляя слѣдователю, что онъ „ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ“. А между тѣмъ чего ради производится такой допросъ, положительно непонятно, такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, онъ ни къ чему не ведетъ. Присяжные засѣдатели не манекены, а такіе же люди какъ и защитникъ; они обладаютъ здравымъ смысломъ; хорошо оцѣниваютъ показанія свидѣтелей и легко соображаютъ, къ чему клонится такой допросъ.

Точно также, благодаря особому снисхожденію предсѣдательствующихъ, нѣкоторые защитники позволяютъ себѣ глумиться надъ свидѣтелями и презрительно относиться къ нимъ, чтобы уронить ихъ въ глазахъ присяжныхъ засѣдателей или выставить въ смѣшномъ видѣ. Напримѣръ былъ такой случай [1]). У нѣкоего З. была совершенна кража и на судъ онъ явился главнымъ свидѣтелемъ. Показаніе его необходимо было стушевать. Въ рѣчи своей защитникъ, указавъ вкратцѣ на обстоятельства дѣла, продолжалъ: „теперъ намъ предстоитъ разобрать показаніе свидѣтеля, съ позволенія сказать г. З“. Предсѣдатель прерываетъ защитника: „не угодно ли вамъ выражаться приличнѣе о свидѣтелѣ“. „Г. предсѣдатель, я не могу говорить о съ позволенія сказать г. З. иначе, какъ съ позволенія сказать г. З“. „Вновь прошу васъ выражаться прилично“. „Вновь почтительнѣйше докладываю вашему превосходительству, что о съ позволенія сказать г. З. нельзя говорить иначе, какъ съ позволенія сказать г. З“. „Въ послѣдній разъ дѣлаю вамъ замѣчаніе“. Тогда защитникъ дѣлаетъ поклонъ предсѣдателю и обращается къ присяжнымъ. „Мнѣ запрещаютъ говорить о съ позволенія сказать г. З., какъ о съ позволенія сказать г. З., а такъ какъ о съ позволенія сказать г. З. нельзя иначе говорить, какъ съ позволенія сказать г. З., то я лучше совсѣмъ перестану говорить, полагая, что вы, г.г. присяжные засѣдатели, оцѣните показаніе съ позволенія сказать г. З. по его достоинству и оправдаете моего кліента“. Мы указали на этотъ единственный въ своемъ родѣ примѣръ, другаго такого мы не знаемъ; но менѣе рѣзкіе подобные пріемы наблюдаются на судѣ и, къ сожалѣнію, наблюдаются со стороны присяжной адвокатуры.

4) Достаточно вспомнить процессы, съ возбужденнымъ вопросомъ о психическомъ здоровьи подсудимыхъ, чтобы со-

---

[1]) Случай этотъ былъ не съ присяжнымъ повѣреннымъ, а съ частнымъ ходатаемъ, что мы считаемъ долгомъ объяснить. Мы указываемъ на него какъ на случай анедоктично-характерный, рисующій положеніе на судѣ свидѣтелей и добродушіе предсѣдателей.

ставить себѣ понятіе,—какъ исключительно рѣдко эксперты высказываются согласно о душевномъ состояніи подсудимаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ приходится наблюдать, что изъ числа экспертовъ, хотя одинъ да признаетъ подсудимаго душевно-больнымъ или допуститъ существованіе душевной болѣзни у подсудимаго. Такое мнительное отношеніе врачей къ здоровью подсудимыхъ наблюдается и въ столицахъ, гдѣ можно противупоставить мнѣніе спеціалиста, имя котораго служитъ гарантіей знанія. Въ провинціи спеціалисты психіатры рѣдки и потому вопросъ объ умственныхъ способностяхъ подсудимаго разрѣшается всѣми вольнопрактикующими врачами. Занятые практикою, провинціальные врачи не интересуются психіатріей и не имѣютъ времени и средствъ изучать ее. Такихъ то врачей — спеціалистовъ по акушерству, внутреннимъ болѣзнямъ, хирургіи, глазнымъ болѣзнямъ, дѣтскимъ болѣзнямъ и проч. и проч.—приглашаютъ въ судъ разрѣшать вопросъ спеціальный, о психическомъ состояніи подсудимаго и разрѣшать его не на основаніи здраваго смысла, а на основаніи ихъ медицинскихъ познаній. Если у человѣка заболитъ глазъ, онъ не обратится къ акушеру, если ему нужно произвести операцію, онъ не обратится къ врачу внутреннихъ болѣзней, беременная женщина не обратится къ дѣтскому доктору и т. д. Поэтому совершенно непонятно, почему въ самой сложной области медицинской науки о нервахъ и психической дѣятельности человѣка—всякій врачъ признается спеціалистомъ, дискредиціонно разрѣшать вопросъ о психической дѣятельности подсудимаго, т. е. миловать виновныхъ и осуждать невинныхъ. Мы говоримъ „*миловать виновныхъ и осуждать невинныхъ*“, потому что мнѣніе такихъ врачей о душевной дѣятельности подсудимыхъ, само собою разумѣется, не представляетъ никакихъ гарантій правосудію въ правильности его, а изъ собранной нами по этому предмету массы матеріала по различнымъ окружнымъ судамъ оказывается, что господа врачи признаютъ душевнобольными лицъ, несомнѣнно поднесь пользующихся совершеннымъ здоровьемъ и признаютъ здоровыми такихъ, кото-

рые изъ каторжныхъ тюремъ, немедленно переводятся въ дома умалишенныхъ. Да и дѣйствительно: какую гарантію правосудію могутъ представить такія мнѣнія врачей: „подсудимый страдаетъ *прирожденнымъ періодическимъ безумiемъ*“, „подсудимый страдаетъ миланхоліей, ибо онъ грустенъ (въ тюрьмѣ или больницѣ) и по его словамъ у него иногда является боль подъ ложечкой (cardialgia)“; „эпилептическое безумiе, развившееся отъ часто повторныхъ съ дѣтства припадковъ эпилепсіи (grand male) какъ и всякая болѣзнь можетъ пройти, если припадки падучей прекратятся“; „всякій человѣкъ, окружность головы котораго менѣе 52 сантиметровъ, *долженъ быть* признанъ идіотомъ безусловно“. По этому послѣднему мнѣнію даже вышелъ такой казусъ, что прокуроръ, котораго всѣ знали за весьма талантливаго человѣка, просилъ врача измѣрить его голову, и оказалось, что окружность ея имѣетъ 51 сантиметръ! Что два врача часто высказываютъ три мнѣнія,—это также приходится наблюдать довольно часто. Напримѣръ: врачъ, наблюдавшій подсудимаго въ больницѣ, призналъ его здоровымъ, а на судѣ заявилъ, что онъ несомнѣнно страдаетъ эпилептическимъ слабоумiемъ, хотя припадки падучей онъ въ больницѣ не наблюдалъ, а свидѣтели только говорили, что съ подсудимымъ одинъ разъ, во всю его жизнь, былъ какой то припадокъ, продолжавшійся *два дня,* а другой врачъ, отрицая это мнѣніе, утверждалъ, что подсудимый вообще душевно-больной человѣкъ и *вѣроятно* отъ того, что *могъ быть* зачатъ во время опьяненія отца. Два врача высказали три мнѣнія? Далѣе мы на этой склонности врачей къ самостоятельнымъ выводамъ останавливаться не будемъ. Помимо приведенныхъ примѣровъ она всѣмъ извѣстна.

Считаемъ нужнымъ оговориться. Мы далеки отъ того, чтобы бросать упрекъ господамъ врачамъ. Избави богъ! Мы говоримъ только, что если *заставлять* людей образованныхъ высказывать свое мнѣніе, по незнакомому имъ спеціальному отдѣлу науки, то въ результатѣ окажется несообразность, ибо онй, желая снять съ себя бремя нравственной отвѣт-

ственности, будутъ высказывать свое мнѣніе *предположительно* и всегда склоняясь въ ту сторону, которая менѣе можетъ вызывать ихъ нравственную отвѣтственность. Такъ — въ данномъ вопросѣ врачи естественно склоняются на сторону психической болѣзни подсудимыхъ, ибо они опасаются признавать ихъ здоровыми и тѣмъ принять на себя нравственную отвѣтственность за наказаніе ихъ. Сами врачи иногда откровенно заявляютъ, что мнѣніе свое они высказываютъ только потому, что отъ нихъ требуютъ его и что они съ большимъ бы удовольствіемъ отказались отъ этой обязанности. Вина въ томъ лежитъ не на врачахъ, а на установленномъ закономъ порядкѣ [1]). Благодаря ему присяжные выслушиваютъ различныя мнѣнія врачей, утверждающихъ, что подсудимый психически больной человѣкъ, и если даже не вполнѣ довѣряютъ имъ, то все таки у нихъ является понятное сомнѣніе въ здоровьи подсудимаго, которое они и обязаны разрѣшить въ пользу его. Въ результатѣ получается избавленіе отъ суда виновныхъ, чѣмъ справедливо возмущается общественное мнѣніе и что всецѣло относится къ суду вообще и къ суду присяжныхъ въ частности. Вотъ этимъ то ненормальнымъ порядкомъ, вызывающимъ избавленіе отъ осужденія подсудимаго, и пользуются нѣкоторые адвокаты. Требуется не доказать психическую болѣзнь подсудимаго, что часто и доказать невозможно, а только возбудятъ въ умахъ присяжныхъ засѣдателей сомнѣніе, которое въ большинствѣ случаевъ приводитъ къ желаемымъ результатамъ. Во многихъ случаяхъ, суды могли бы положить предѣлъ, такимъ домогательствамъ защиты, въ особенности при очевидности стремленій защиты; но въ силу гуманности, не желая въ чемъ либо стѣснять защиту, они крайне снисходительно относятся ко всѣмъ требованіямъ ея вообще и къ требованіямъ о вызовѣ экспертовъ въ частности.

---

[1]) Вопросъ о порядкѣ освидѣтельствованія душевно-больныхъ обвиняемыхъ и подсудимыхъ, мы не могли разсмотрѣть во всей его полнотѣ. По своему интересу и по своей серьезности, онъ будетъ предметомъ нашихъ послѣдующихъ работъ, для чего нами уже собрана масса матеріала.

5) Въ послѣднее время нерѣдко приходится наблюдать подготовленіе общественнаго мнѣнія къ дѣлу и въ связи съ нимъ рекламированіе себя путемъ печати. Въ провинціяхъ это дѣлается очень просто, посредствомъ корреспонденцій, которыя, какъ извѣстно, мѣстнымъ обществомъ читаются на расхватъ. Въ корреспонденціи въ извѣстныхъ краскахъ описывается дѣло, доблестный характеръ подсудимаго, несчастіе его семейства, сочувствіе къ нему общества и выражается надежда, что судъ и присяжные отнесутся къ нему съ тою мудрою справедливостью, которую отъ нихъ ожидаетъ общество. Вскользь добавляется, что защитникомъ выступить намъ извѣстный присяжный повѣренный Х, сердечно отнесшійся къ подсудимому и, какъ всѣмъ извѣстно, отказавшійся отъ предложеннаго ему вознагражденія, или—что защитникомъ выступитъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго У, который уже успѣлъ составить себѣ громкую извѣстность. Въ столицахъ рекламированіе производится чрезъ знакомыхъ репортеровъ и иногда даже со сложными пріемами. Напримѣръ, репортеръ за нѣсколько дней до засѣданія помѣщаетъ въ хроникѣ свой разговоръ съ защитникомъ, который будто бы въ яркихъ краскахъ описывалъ ему нравственное состояніе невиннаго подсудимаго, бѣдственное положеніе его семейства, и свои собственныя страданія за подсудимаго, страданія, которыя не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Черезъ два—три дня въ той же газетѣ появляется письмо защитника, въ которомъ, отдавая дань глубокаго уваженія репортеру за вѣрное изложеніе разговора, считаетъ все таки необходимымъ, исправить нѣкоторую неточность замѣтки. Пользуясь случаемъ, авторъ письма прибавляетъ еще кое-что о нравственныхъ страданіяхъ своихъ и подсудимаго. Такія замѣтки производятъ впечатлѣніе на общество и на нѣкоторыхъ присяжныхъ, заставляя ихъ смотрѣть на защитника, какъ на страдальца за свое убѣжденіе и сочуствіе къ подсудимому, благопріятное защитнику. Это только и требовалось.

6) Защитѣ подсудимаго нерѣдко дѣлается упрекъ со стороны обвинительной и слѣдственной власти въ пристрастіи и

произволѣ. Иногда упреки вызываются страстнымъ обвиненіемъ, которое позволяютъ себѣ иные прокуроры; но часто они являются безъ всякаго повода и безъ всякой причины, или вслѣдствіе отсутствія у защитника хладнокровія, или вслѣдствіе расчета. Страстно упрекать на судѣ кого либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, какъ прокурору, такъ и защитнику, не подобаетъ, хотя бы къ оному и былъ данъ поводъ. Но мы понимаемъ страстные упреки прокурора защитникомъ, необладающимъ хладнокровіемъ, за ихъ страстное отношеніе къ дѣлу; понимаемъ даже, что иному защитнику, искренно убѣжденному въ невинности подсудимаго, можетъ показаться преувеличеннымъ спокойное обвиненіе. Но тоже не подлежитъ сомнѣнію, что въ высшей степени не позволительно осыпать на судѣ упреками преднамѣренно, изъ-за расчета, по плану защиты, что, къ сожалѣнію, приходится наблюдать. Характеръ такой защиты вообще скорѣе угадывается, чѣмъ доказывается, но все-таки многіе случаи дѣлаются извѣстными обществу. Сами защитники, пользующіеся изложеннымъ пріемомъ, не всегда стараются потомъ скрывать истинный характеръ, руководившихъ ими намѣреній, и намъ извѣстны случаи, гдѣ послѣ процесса защитникъ, нещадившій въ своей рѣчи обвинителя, слѣдователя или эксперта, потомъ, въ частной бесѣдѣ, снималъ маску.

7) Точно также слѣдуетъ указать еще и на бывающее въ практикѣ несдержанное поведеніе на судѣ защитниковъ, по отношенію собственно къ суду и предсѣдательствующимъ. Хотя такое поведеніе по отношенію къ суду есть результатъ воспитанія, но оно также составляетъ въ иныхъ случаяхъ результатъ и извѣстнаго расчета: въ глазахъ иныхъ людей смѣлое обращеніе съ судомъ имѣетъ значеніе превосходства или необходимаго для защитника качества—„зубастости“. „Онъ такой зубастый, что и судъ срѣжетъ,—съ нимъ шутить нельзя“, говорятъ такіе люди. Примѣры подобнаго поведенія защиты разнообразны до безконечности, какъ разнообразны, вообще, поступки людей. Напр., предсѣдатель замѣчаетъ присяжному повѣренному, что свидѣтель уже два раза показывалъ о томъ,

что защитникъ желаетъ услышать въ третій разъ, на это защитникъ заявляетъ, что при такихъ стѣсненіяхъ онъ не можетъ продолжать защиты, и хлопнувъ дверью, выходитъ изъ залы засѣданія. Другому присяжному повѣренному предсѣдатель замѣчаетъ, что предлагаемые имъ вопросы къ дѣлу не относятся, и получаетъ отвѣтъ—„я занимаюсь защитой 10—18 лѣтъ и самъ знаю, что относится и что не относится къ дѣлу“. Третій защитникъ, по поводу показанія свидѣтеля, что онъ позабылъ отъ кого слышалъ такое-то обстоятельство, привставъ немного на одну ногу, и, опершись рукой въ колѣно, какъ-то особенно небрежно, чуть не презрительно говоритъ предсѣдавшему—„разъ навсегда прошу предсѣдательствующаго не допускать нарушенія свидѣтелями 718 статьи устава“. Всѣ эти примѣры говорятъ сами за себя.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что указанные нами пріемы хотя, къ сожалѣнію, находятъ себѣ сочувствіе даже въ средѣ присяжныхъ повѣренныхъ, но практикуется далеко не большинствомъ ихъ, и разумѣется они практикуются только благодаря особой снисходительности судовъ, совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ и судебныхъ палатъ, контролирующихъ совѣты.

„Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ“, справедливо говоритъ русская пословица. Вездѣ, и въ печати, и въ обществѣ постоянно раздаются голоса противъ злоупотребленій защиты, обобщая это понятіе и приписывая почти всѣмъ то, что творится только нѣкоторыми. Достаточно вспомнить громкія имена иныхъ присяжныхъ повѣренныхъ и имена другихъ, изъ коихъ многіе еле-еле добываютъ себѣ средства къ жизни, чтобы, затѣмъ, сознать, что далеко не на всѣхъ адвокатовъ условія дѣятельности ихъ вліяютъ неотразимо. Мало-ли между тѣснымъ кругомъ извѣстныхъ всѣмъ намъ адвокатовъ, такихъ, къ которымъ все общество относится съ искреннимъ уваженіемъ? Мало-ли всѣмъ намъ приходилось наблюдать самое искреннее, сердечное участіе присяжныхъ повѣренныхъ къ бѣднымъ довѣрителямъ, участіе чуждое посторонней мысли и аффектаціи? Мало-ли, наконецъ, прихо-

дилось видѣть, что присяжный повѣренный бросаетъ свои дѣла и за тридевять земель ѣдетъ защищать какого-нибудь бѣдняка только потому, что этотъ бѣднякъ просилъ *его* принять на себя защиту? Все это извѣстно всѣмъ намъ, въ тѣсномъ кругѣ нашихъ наблюденій, и все это не обобщается, а обобщается то, что совершается другими и даже не большинствомъ. „Худая слава лежитъ, а добрая бѣжитъ!“

Условія дѣятельности адвокатуры не могутъ вліять на всѣхъ ихъ,— имъ поддаются болѣе слабые и неустойчивые въ нравственномъ отношеніи люди. Мы ежедневно наблюдаемъ полный успѣхъ защиты, несмотря на отсутствіе ухарства, заносчивости и другихъ пріемовъ. Искренняя, честная рѣчь завладѣваетъ слушателями и подъ вліяніемъ ея взглядъ на, повидимому, чудовищное или неприглядное преступленіе измѣняется. Изъ тысячъ такихъ защитъ вспомнимъ двѣ рѣчи, одну давнишнюю, защитника Дарьи *** (по дѣлу объ убійствѣ Зона), въ которой художникъ-защитникъ нарисовалъ удивительный психологическій этюдъ, неотразимо запечатлившійся на слушателяхъ, и другую недавнюю, по дѣлу Росковшенко, въ которой рядомъ съ непривлекательнымъ поступкомъ подсудимаго, совершенно вѣрно изображенъ нравственный обликъ его, живой человѣкъ, съ его паденіемъ и страданіемъ. Все это живые, наглядные примѣры, доказывающіе, что не на всѣхъ адвокатовъ условія дѣятельности оказываютъ вліяніе.

Да, чтобы ни говорили порицатели нашей адвокатуры, всякій безпристрастный человѣкъ долженъ сознаться, что она сослужила великую службу свою дѣлу суда и что несправедливо винить всѣхъ изъ-за нѣкоторыхъ, приписывать всѣмъ то, что практикуется меньшинствомъ [1]).

Впрочемъ, нѣтъ,— виновато во всемъ большинство,

---

[1]) Къ чести присяжныхъ повѣренныхъ, напр., слѣдуетъ указать, что въ нѣкоторыхъ судахъ присяжные повѣренные по очереди выѣзжаютъ въ уѣзды на сессіи, въ качествѣ защитниковъ отъ суда, по всѣмъ дѣламъ, хотя такихъ поѣздокъ, сопряженныхъ съ расходами и неудобствами, они имѣли бы право и не дѣлать.

какъ виноваты въ томъ же суды, и въ особенности судебныя палаты.

Тамъ, гдѣ предсѣдательствующіе знаютъ свое дѣло и относятся къ нему какъ подобаетъ, ничего подобнаго не бываетъ. Сплошь и рядомъ наблюдается, что одинъ и тотъ же защитникъ, при одномъ предсѣдательствующемъ, позволяетъ себѣ многое, а при другомъ ведетъ себя какъ нельзя болѣе сдержанно, ибо хорошо знаетъ, что малѣйшее уклоненіе его отъ нормальнаго порядка, будетъ замѣчено и оцѣнено публично по достоинству. Снисходительное отношеніе судовъ къ выходкамъ защиты установилось благодаря совершенно невѣрному пониманію значенія защиты. Общее правило судовъ — возможно гуманное отношеніе къ подсудимымъ, и потому многіе предсѣдательствующіе не признаютъ возможнымъ „стѣснять защиту“ и въ особенности прибѣгать къ крайней мѣрѣ—лишенію слова, ибо все это отзовется вредно на подсудимомъ, а не на защитникѣ. Такой взглядъ поддерживается и въ печати, которая всегда расхваливаетъ долготерпѣніе предсѣдательствующихъ въ интересахъ подсудимыхъ; но такой взглядъ очевидно невѣренъ ни въ теоріи, ни на практикѣ.

Защита имѣетъ всѣ средства, въ предѣлахъ приличія и почтенія къ суду, доказывать свое убѣжденіе и потому непонятно, почему въ угоду защитнику, извращающему смыслъ защиты, слѣдуетъ приносить самые существенные интересы суда,—достоинство его и частныхъ лицъ, свидѣтелей, этихъ невольныхъ и неповинныхъ жертвъ предсѣдательской гуманности, къ подсудимому. Еще гуманнѣе по отношенію къ подсудимому было бы пытать „нещадно“ свидѣтелей, однако такая мысль въ голову никому не приходила. Почему же позволяются надъ ними нравственныя пытки? Законъ установилъ извѣстныя нормы, нисколько нестѣсняющія защиту; въ этихъ нормахъ защита должна находиться и всякое уклоненіе отъ нея должно быть поставлено въ вину, какъ защитнику, такъ и самому предсѣдательствующему.

Тотъ предсѣдатель, который, напр., отдаетъ личность сви-

дѣтеля на произволъ сторонъ и дозволяетъ нравственно пытать его и глумиться надъ нимъ сколько душѣ угодно, тотъ предсѣдатель очевидно не знаетъ своихъ обязанностей или пристрастенъ.

Съ практической стороны этотъ „гуманный“ взглядъ на защиту не вѣренъ потому, что, какъ мы сказали, защитники очень хорошо сознаютъ, когда и при какомъ предсѣдателѣ они могутъ допускать уклоненія отъ нормы. Наконецъ, если въ крайнемъ случаѣ защитникъ былъ бы лишенъ слова и по этой его винѣ пришлось отложить разсмотрѣніе дѣла на нѣкоторое время и тѣмъ отягчить участь подсудимаго лишнимъ временемъ состоянія его подъ судомъ, то что же дѣлать?— это вина не суда, что всѣ, и въ томъ числѣ подсудимый, хорошо поймутъ. Притомъ такіе случаи могутъ быть исключительно рѣдки, а если и будутъ, то во всякомъ случаѣ справедливѣе отложить разсмотрѣніе десяти—ста дѣлъ на нѣкоторое время, чѣмъ *постоянно* отдавать на нравственную пытку тысячи свидѣтелей. Еслибы суды о всякомъ уклоненіи адвокатовъ отъ нормальнаго веденія дѣлъ вообще и защиты въ частности, сообщали бы совѣтамъ, а гдѣ ихъ нѣтъ сами обсуждали бы эти дѣйствія, и еслибы затѣмъ съ виновныхъ *строго* взыскивалось, то, разумѣется, ничего подобнаго, что мы видимъ теперь, не приходилось бы наблюдать. Вездѣ живутъ и дѣйствуютъ одни и тѣ же „люди“, съ одними и тѣми же достоинствами и недостатками. Если условія дѣятельности благопріятны и контроль надъ дѣяніями ихъ строгъ и дѣйствителенъ—и люди какъ будто дѣлаются лучше; стоитъ устранить или ослабить контроль и измѣнить условія дѣятельности и многіе изъ тѣхъ же „хорошихъ“ людей начнутъ думать и дѣйствовать иначе. Почему это такъ? Да совершенно понятно. Большая часть людей не имѣетъ такихъ твердыхъ нравственныхъ правилъ, которыя могли бы противустоять жизненнымъ искушеніямъ, и только строгій и дѣйствительный контроль заставляетъ ихъ взять себя въ руки. Вотъ почему строгій контроль въ каждомъ дѣлѣ необходимъ, а въ такомъ дѣлѣ, какъ дѣло адвокатуры, онъ долженъ быть еще болѣе дѣйстви-

теленъ, ибо путь адвоката усѣянъ соблазнами и легко приводитъ къ незамѣтнымъ сдѣлкамъ съ совѣстью. Къ сожалѣнію, суды, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ и судебныя палаты снисходительны. Представляется совершенно непонятнымъ, чтобы человѣкъ, нравственныя понятія котораго допускаютъ употребленіе неблаговидныхъ пріемовъ въ веденіи дѣлъ вообще, подъ вліяніемъ условій дѣятельности, могъ бы, при тѣхъ же условіяхъ отрѣшиться отъ этихъ своихъ понятій въ силу того, что ему сдѣлаютъ замѣчаніе, о которомъ, кромѣ тѣснаго кружка лицъ, никто даже знать не будетъ. А между тѣмъ всякій разъ, какъ поднимется вопросъ о примѣненіи строгой мѣры, возбуждается вмѣстѣ съ тѣмъ другой вопросъ: какъ же мы запретимъ ему практику на нѣкоторое время, какъ же мы исключимъ его изъ сословія? вѣдь мы лишаемъ его средствъ къ жизни? И тогда забывается, что изъ снисхожденія къ X, чтобы дать *ему одному* средства къ жизни занятіемъ, на которое онъ смотритъ своеобразно, съ точки зрѣнія своихъ интересовъ и своей нравственности, жертвуется существенными интересами *всего сословія*.

Въ обществѣ и въ нѣкоторой части магистратуры существуетъ убѣжденіе, что контроль совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ надъ дѣйствіями своихъ товарищей гораздо снисходительнѣе и менѣе дѣйствителенъ, чѣмъ контроль судовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ совѣты не учреждены. Мы, на основаніи извѣстныхъ намъ фактовъ, утверждаемъ, что такое убѣжденіе ошибочно. Окружные суды обнаруживаютъ еще меньшій контроль, чѣмъ совѣты, и даже иногда принимаютъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ такихъ лицъ, которыя забалотированы совѣтомъ. По нашему мнѣнію, давно пришло время для учрежденія совѣтовъ и во всѣхъ остальныхъ округахъ. И если рядомъ съ учрежденіемъ совѣтовъ уничтожить частныхъ повѣренныхъ, совершающихъ Богъ знаетъ что, и учредить отдѣлы совѣтовъ при тѣхъ окружныхъ судахъ, при коихъ состоитъ болѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что совѣты, подъ строгимъ контро-

лемъ судебныхъ палатъ и судовъ, будутъ болѣе соотвѣтствовать интересамъ дѣла суда, чѣмъ окружные суды, относящіеся безразлично къ интересамъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ.

XV.

Вліяніе сторонъ на судѣ проявляется въ двухъ моментахъ процесса — въ судебномъ слѣдствіи и въ заключительныхъ преніяхъ. Во время судебнаго слѣдствія дѣятельность сторонъ проявляется въ способѣ разработки доказательствъ, что въ свою очередь обусловливается—знаніемъ дѣла суда вообще, житейскимъ опытомъ, вѣрной оцѣнкой бытовой стороной дѣла, пониманіемъ требованій присяжныхъ засѣдателей, которыя они могутъ предъявить къ разсматриваемому дѣлу и проч. Все это совершенно понятно и приводитъ къ тому заключенію, что та изъ сторонъ окажетъ болѣе вліянія на присяжныхъ, которая удовлетворяетъ этимъ требованіямъ.

Судебное слѣдствіе представляетъ главный матеріалъ присяжнымъ засѣдателямъ для составленія ими убѣжденія по дѣлу. Если съ фактической стороны оно не вызываетъ сомнѣній въ виновности подсудимаго и если съ бытовой стороны не возникаетъ никакихъ сомнительнымъ вопросовъ, то, разумѣется, виновность подсудимаго присяжными засѣдателями опредѣляется окончательно по судебному слѣдствію. Въ такихъ случаяхъ вліяніе сторонъ на рѣшеніе присяжныхъ, вторымъ моментомъ изъ дѣятельности—рѣчами, сводится къ нулю. Подобныя дѣла встрѣчаются относительно рѣдко. Чаще встрѣчается другой разрядъ дѣлъ, которыя также повидимому не вызываютъ никакихъ сомнѣній ни съ фактической, ни съ бытовой сторонъ, тѣмъ не менѣе по нимъ иногда присяжные выносятъ совершенно неожиданно *непонятныя*, оправдательныя или обвинительныя рѣшенія. При разъясненіи себѣ причинъ, вызвавшихъ такія рѣшенія, оказывается, что присяжные засѣдатели или непоняли какого нибудь обстоятельства, или поняли его своеобразно. Вотъ этимъ и разрѣшается съ практической стороны вопросъ о томъ, что при-

сяжные засѣдатели не всегда могутъ установить правильное убѣжденіе на основаніи одного только судебнаго слѣдствія, т. е. вопросъ о необходимости рѣчей сторонъ, а также и другой практическій вопросъ большой важности—какія рѣчи сторонъ могутъ оказывать вліяніе на убѣжденіе присяжныхъ засѣдателей.

Очевидно, что та рѣчь произведетъ большое впечатлѣніе на присяжныхъ засѣдателей, которая разъясняетъ сомнительныя *для нихъ* обстоятельства, освѣщая ихъ съ должныхъ сторонъ, т. е. затрогиваетъ самую суть дѣла и говорится по-*нятнымъ для нихъ языкомъ*, и что та рѣчь, которая неудовлетворяетъ этимъ условіямъ, какъ бы она ни была эфектна и изящна по своей формѣ, не произведетъ никакого впечатлѣнія, или, лучше сказать, не окажетъ вліянія на рѣшеніе дѣла.

Казалось бы, что эти правила азбучны и должны были быть понятны и усвоены обвинителями и защитниками съ самаго открытія судовъ. А между тѣмъ, не смотря на очевидность ихъ, они выработывались и усвоялись всѣми мало по малу, и до настоящаго времени далеко не всѣми усвоены. Первые обвинители и защитники, непривычные къ публичной дѣятельности, не знали—какой характеръ должны носить ихъ рѣчи, чему они должны удовлетворять, и въ этомъ отношеніи ходили въ потемкахъ, а условія дѣятельности обвинителей и защитниковъ таковы, что они до нѣкоторой степени мѣшали трезвому взгляду на характеръ рѣчей. Вотъ почему, эти азбучныя правила трудно усвоивались.

Обвиненіе и защита на судѣ—казовая сторона дѣятельности прокурора и адвоката; по ней преимущественно общество составляетъ убѣжденіе объ обвинителѣ и защитникѣ. Весьма натурально, что и тотъ и другой старались построить свои рѣчи такъ, чтобы ими выставить себя, т. е. свои способности, знаніе и краснорѣчіе въ лучшемъ свѣтѣ.

Требовалось выказать себя ораторомъ—поэтому рѣчи были длинны и украшенны цвѣтами краснорѣчія и фигуральными сопоставленіями; требовалось показать свое образованіе

и эрудидію—поэтому въ рѣчахъ стороны пускались въ области философскую, психопатическую, литературную, соціальную, безъ всякой къ этому надобности; требовалось, наконецъ, показать свое сочувствіе къ дѣлу или къ общественнымъ интересамъ—поэтому безъ всякой надобности рѣчи заканчивались патетическими воззваніями къ сердцу и чувству „представителей общественной совѣсти". Въ погонѣ закраснорѣчіемъ и эфектами совершенно забывалось, что не всѣ присяжные засѣдатели способны оцѣнить цвѣты краснорѣчія и что они подневольные люди, обязанные выслушивать все, въ какой бы длинной и утомительной формѣ оно не произносилось. Въ результатѣ оказывалось, что эти длинныя публичныя лекціи по общественнымъ вопросамъ, не смотря на талантливую и изящную форму ихъ, не производили должнаго впечатлѣнія на присяжныхъ и что ихъ вниманіемъ и убѣжденіемъ завладѣвалъ тотъ, кто умѣлъ, такъ сказать, задѣть ихъ за живое понятною рѣчью, хотя бы и лишенною цвѣтовъ краснорѣчія. Такой обвинитель и защитникъ, попросту говоря, „*вырывалъ*" у присяжныхъ засѣдателей желаемое ему рѣшеніе, часто не соотвѣтствовавшее ни фактической, ни бытовой сторонамъ дѣла.

Общество удивлялось рѣшенію, —сперва называло его непонятнымъ, такъ какъ краснорѣчивый ораторъ какъ дважды—два четыре доказалъ свое положеніе, а затѣмъ находило ему объясненіе: одни усматривали въ немъ признаки какой то особой народной мудрости,—другіе винили слѣдственную власть въ недостаточномъ разслѣдованіи дѣла. А между тѣмъ, *непонятное рѣшеніе* объяснялось просто: одностороннимъ вліяніемъ на присяжныхъ засѣдателей обвинителя и защитника. Присяжные не поняли цвѣтовъ краснорѣчія стороны и рѣшили дѣло такъ, какъ оно представилось имъ—или по судебному слѣдствію, или по отрывочному, безсвязному, впечатлѣнію рѣчей сторонъ, или по впечатлѣнію рѣчи одной стороны, въ то время, когда другая рѣчь, можетъ быть болѣе изящная, не была ими понята. Въ особенности часто приходилось наблюдать „вырываніе" рѣшеній въ тѣхъ случаяхъ,

когда присяжные засѣдатели состояли изъ лицъ неинтелигентныхъ, для которыхъ цвѣтистыя фразы и рѣчь, построенная по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства, были совершено непонятны. Сколько разъ приходилось наблюдать, что присяжные дѣлаютъ надъ собою усиліе, чтобы понять прекрасную, плавную, логичную рѣчь обвинителя, или защитника, видить ясно, что они, изрѣдка неудоумѣвающе взглядывая на оратора, ничего не понимая въ ней, и затѣмъ видѣть какъ они оживляются, внимательно прислушиваясь къ каждому слову другаго оратора, не спуская съ него глазъ, какъ скоро онъ заговоритъ съ ними простымъ, понятнымъ языкомъ, доступнымъ ихъ пониманію.

Чтобы вполнѣ выяснить причину нѣкоторыхъ непонятныхъ рѣшеній присяжныхъ, представимъ себѣ четыре случая разсмотрѣнія дѣлъ на судѣ: въ присутствіи и въ отсутствіи сторонъ, или одной изъ нихъ. Разсматривая эти случаи, мы должны имѣть въ виду только что доказанное нами положеніе, что непонятная присяжнымъ засѣдателямъ рѣчь, какъ бы она краснорѣчива ни была, не оказываетъ на ихъ убѣжденіе никакого вліянія, и что *только тѣ рѣчи вліяютъ на рѣшеніе дѣла, которыя убѣдительны по своей понятности.*

Когда на судѣ присутствуютъ прокуроръ и защитникъ, которыхъ присяжные понимаютъ, то рѣшеніе ихъ будетъ основано на всестороннемъ обсужденіи дѣла и, болѣе или менѣе, удовлетворятъ требованіямъ правосудія.

Когда сторонъ на судѣ нѣтъ и дѣло рѣшается на основаніи судебнаго слѣдствія и объясненій обвиняемаго, то присяжные разрѣшаютъ дѣло такъ, какъ оно представится имъ, безъ критической оцѣнки уликъ и сопоставленія ихъ между собою и всегда будутъ склоняться къ интересамъ подсудимаго, котораго послѣднее слово они выслушиваютъ непосредственно предъ рѣшеніемъ дѣла; въ особенности склонность къ оправданію подсудимаго будетъ наблюдаться часто въ дѣлахъ, основанныхъ на косвенныхъ уликахъ, для освѣщенія и сцѣпленія которыхъ требуется умѣнье и опытность;—этотъ случай можно сравнить съ тѣмъ случаемъ, когда присяжные

прокурора и защитника не понимаютъ и рѣшаютъ дѣло на основаніи одного судебнаго слѣдствія.

Когда на судѣ нѣтъ прокурора, а подсудимый имѣетъ защитника, то шансы подсудимаго еще болѣе увеличиваются; этотъ случай можно сравнить, съ тѣмъ случаемъ, когда прокуроръ не понятъ присяжными, а защитникъ завладѣлъ ихъ вниманіемъ.

Когда на судѣ у подсудимаго нѣтъ защитника, то очевидно дѣло представится присяжнымъ односторонне, съ точки зрѣнія прокурора; этомъ случай равносиленъ тому, когда присяжные защитника не понимаютъ и руководятся разъясненіями одного прокурора.

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго выше и сопоставленія этихъ четырехъ случаевъ, слѣдуетъ вывести заключеніе: что такъ какъ непонятная рѣчь стороны тождественна отсутствію ея на судѣ и такъ какъ отсутствіе на судѣ обѣихъ сторонъ или одной изъ нихъ ведетъ къ одностороннему рѣшенію дѣла, то присяжные засѣдатели неминуемо должны взглянуть на дѣло односторонне (согласно указаннымъ выше примѣрамъ), разъ имъ непонятна рѣчь обвинителя или защитника, причемъ болѣе благопріятные шансы, всегда будутъ на сторонѣ подсудимаго.

Изъ этого видно, какъ трудна обязанность и роль прокурора на судѣ и какъ онъ долженъ быть остороженъ, ибо „отсутствіе“ на судѣ защитника не ведетъ въ такой степени къ одностороннему взгляду на дѣло, какъ отсутствіе его, прокурора.

Къ сожалѣнію „отсутствіе“ сторонъ на судѣ проявляется до сихъ поръ и чаще всего по громкимъ и сложнымъ дѣламъ, по коимъ разъясненіе доказательствъ и уликъ представляется настоятельно необходимымъ и по которымъ общество составляетъ убѣжденіе о дѣятельности судовъ. По дѣламъ не громкимъ, стороны больше заботятся о дѣлѣ, чѣмъ о красотахъ своихъ рѣчей, и вѣрнѣе достигаютъ желаемыхъ результатовъ.

Сказать хорошую рѣчь, т. е. производящую сильное впе-

чатлѣніе, можетъ почти всякій человѣкъ, не обладающій даже даромъ слова, если онъ отрѣшится отъ мысли быть краснорѣчивымъ, а пожелаетъ быть только убѣдительнымъ. Сказать рѣчь краснорѣчиво, изящно и убѣдительно, т. е. понятно, можетъ не всякій—это удѣлъ избранныхъ лицъ, талантовъ. Еще труднѣе сказать понятно изящную рѣчь съ оттѣнкомъ соціальнымъ, философскимъ, психологическимъ. Помимо того, что усвоить такую рѣчь могутъ только интелегентные присяжные засѣдатели, нужно, чтобы ораторъ, кромѣ таланта, обладалъ серьезнымъ образованіемъ и большою эрудиціею, ибо иначе рѣчь его, несмотря на все свое изящество, будетъ безцѣльна и только сконфузитъ своего автора: одинъ насмѣшливый намекъ рушитъ всю рѣчь, все произведенное ею впечатлѣніе. Между тѣмъ, приходится наблюдать, что именно по громкимъ дѣламъ обвинители и защитники, щеголяя предъ публикой своимъ краснорѣчіемъ, пускаются въ область психологіи, философіи, соціологіи и литературы и теряютъ подъ собою почву, такъ что образованный противникъ, который является по громкому дѣлу, однимъ словомъ уничтожаетъ впечатлѣніе такой рѣчи. Намъ помнится—какъ однажды послѣ длинной философской рѣчи прокурора, защитникъ началъ свою рѣчь: „Я не такъ смѣлъ, чтобы на утлой ладьѣ своихъ знаній пуститься по бурному морю философіи. Пусть такая отвага будетъ удѣломъ смѣлыхъ, а я буду говорить вамъ о дѣлѣ, ибо меня теперь интересуетъ судьба подсудимаго, а не соціальные вопросы“. Ясный намекъ вызвалъ у всѣхъ улыбку и разомъ уничтожилъ впечатлѣніе очень хорошей рѣчи обвинителя. Въ концѣ концовъ, защитникъ „вырвалъ“ нужное ему рѣшеніе, ибо своею сжатой, короткой и понятной рѣчью, умѣлъ повліять на присяжныхъ, тогда какъ обвинитель своею длинной рѣчью не достигъ этого, будучи непонятымъ присяжными. „Во многоглаголаніи нѣсть спасенія!“

Мы сказали, что блестящія, но безцѣльныя рѣчи практикуются до сихъ поръ только по нѣкоторымъ болѣе или менѣе громкимъ дѣламъ,—это вѣрно. Всѣмъ извѣстно, что ха-

рактеръ рѣчей сторонъ значительно измѣнился къ лучшему, какъ благодаря примѣрамъ и ежедневно наблюдавшимся явленіямъ изъ жизни судовъ, такъ и условіямъ дѣятельности судовъ.

Всѣмъ памятно, какое впечатлѣніе производили на все общество и на прокуроровъ въ особенности, рѣчи нашихъ наиболѣе талантливыхъ и извѣстныхъ обвинителей. Образцовыя рѣчи ихъ, несомнѣнно много помогли отрезвленію взгляда прокуроровъ на ихъ обвинительныя рѣчи. Хотя, разумѣется, каждый прокуроръ и не могъ не сознавать, что онъ не можетъ облечь свою рѣчь въ такую изящную форму, но онъ также не могъ не сознавать и того, что сила этихъ рѣчей заключалась не въ изяществѣ ихъ внѣшней формы, а въ неотразимой логикѣ, высказанной всѣмъ понятнымъ языкомъ.

Условія дѣятельности прокуроровъ на сессіяхъ, какъ мы видѣли, неблагопріятны, но „нѣтъ худа безъ добра“: эти неблагопріятныя условія въ значительной степени содѣйствовали выработкѣ обвинителей и отчасти защитниковъ. Занятые спѣшной работой съ утра до вечера, прокуроры поневолѣ должны были обращать болѣе вниманія на сущность дѣла и предпочитать ее цвѣтамъ краснорѣчія. Благодаря всему этому въ провинціи уже вырабатывается типъ особыхъ обвинителей, по нашему мнѣнію самый желательный: обвинителей уважаемыхъ, серьезныхъ, убѣжденныхъ, говорящихъ логично, послѣдовательно, *простымъ* понятнымъ языкомъ, безъ всякихъ эфектовъ и цвѣтовъ краснорѣчія. Смѣемъ думать, что такіе обвинители могли бы принести большую пользу и въ столицахъ; въ провинціи же они составляютъ истинное пріобрѣтеніе для прокурорскаго надзора, такъ какъ нѣтъ дѣла, съ которымъ они не справились бы, и нѣтъ противника, предъ которымъ они ударили бы себя лицомъ въ грязь, своею понятною, безъискуственною, логичною рѣчью.

И такъ, мы видимъ, что въ ряду другихъ условій (нѣкоторыя изъ нихъ уже указаны нами), неблагопріятно вліяющихъ на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, указанная нами

причина должна играть немаловажную роль и точно также вызываетъ „непонятныя рѣшенія“.

XVI.

Когда вопросъ о виновности подсудимаго разрѣшается не коронными судьями, а присяжными засѣдателями, судъ опредѣляетъ только послѣдствія рѣшеній присяжныхъ. Для того, чтобы присяжные засѣдатели могли болѣе или менѣе правильно разрѣшить вопросъ о виновности подсудимаго, необходимо предоставить имъ возможность всесторонне изучить дѣло и получить о немъ болѣе или менѣе цѣлостное, а не искаженное, одностороннее убѣжденіе, что достигается цѣлесообразнымъ способомъ разсмотрѣнія дѣла. Цѣлесообразность способа разсмотрѣнія дѣла опредѣляется—условіями, при коихъ должно быть и можетъ быть разсмотрѣно оно, и самымъ порядкомъ разсмотрѣнія его, т. е. управленіемъ ходомъ судебнаго засѣданія.

При единоличномъ судѣ опредѣленіе условій производства дѣла и управленіе ходомъ засѣданія сосредоточиваются въ одномъ лицѣ — судьи. При коллегіальномъ составѣ суда — опредѣленіе условій производства дѣла, т. е. разрѣшеніе всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, въ большей или меньшей степени, относится къ вѣдѣнію суда, а управленіе ходомъ судебнаго засѣданія возлагается на предсѣдателя, ибо судебное засѣданіе, какъ и вообще всякое собраніе, по весьма понятнымъ причинамъ, можетъ вестись только однимъ лицомъ, а не коллегіей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предѣлы власти, и обязанности предсѣдателя, очевидно, должны быть точно опредѣлены.

Разсмотрѣніе дѣла возможно только при соблюденіи извѣстнаго порядка въ засѣданіи, почему на предсѣдателѣ лежитъ охрана его и ему предоставляется власть подавлять всякое покушеніе на нарушенія его. У насъ предсѣдателю предоставлены такія права (154—159 ст. учрежд. суд. установленій), которыя вполнѣ гарантируютъ порядокъ въ су-

дебномъ засѣданіи, и практика судовъ въ этомъ отношеніи не возбудила никакихъ вопросовъ.

Всестороннее разъясненіе обстоятельствъ дѣла, главнымъ образомъ, обусловливается дѣятельностью на судѣ сторонъ, стремящихся освѣтить дѣло „съ точекъ зрѣнія ихъ взглядовъ". Въ этомъ отношеніи на судѣ лежитъ только обязанность опредѣлить равномѣрность условій борьбы сторонъ, а на предсѣдателѣ лежитъ обязанность опредѣлить порядокъ самаго разсмотрѣнія дѣла, въ указанныхъ закономъ и опредѣленіи суда предѣлахъ; но помимо того на судѣ и предсѣдателѣ лежитъ еще болѣе широкая задача: регулировать борьбу сторонъ и давать нужныя объясненія присяжнымъ засѣдателямъ. Стороны своими объясненіями, обращенными къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и своими доводами и рѣчами могутъ умышленно исказить обстоятельства дѣла и кромѣ того толковать предъ присяжными законъ съ своей точки зрѣнія. Въ этихъ случаяхъ предсѣдатель возстановляетъ предъ присяжными засѣдателями истинныя обстоятельства дѣла и разъясняетъ имъ дѣйствительный смыслъ закона.

Затѣмъ объясненіе тѣхъ или другихъ вопросовъ, возникающихъ при разсмотрѣніи дѣла, которые не могутъ быть объяснены сторонами, и объясненіе присяжнымъ ихъ правъ и обязанностей, лежитъ также на обязанности предсѣдателя.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что предсѣдателю вообще не можетъ не быть предоставлено, до нѣкоторой степени, руководство присяжными засѣдателями. Предѣлы и характеръ руководства, очевидно, могутъ быть опредѣлены сообразно характеру и условіямъ самаго процесса, въ связи съ условіями общественной жизни, народнымъ образованіемъ и умственнымъ и имущественнымъ цензами присяжныхъ засѣдателей, т. е. сословными различіями, образованіемъ и имущественной состоятельнностью и проч., и проч., населенія вообще и лицъ призываемыхъ въ судъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей въ частности. Чѣмъ болѣе развиты присяжные засѣдатели, тѣмъ менѣе они нуждаются въ руководствѣ, и напротивъ, чѣмъ менѣе развито населеніе, изъ коего

призываются присяжные засѣдатели, тѣмъ болѣе они нуждаются въ немъ; но предѣлы руководства предсѣдателемъ присяжныхъ опредѣляется не одними этими условіями. Нужно имѣть еще въ виду, что не только присяжные засѣдатели могутъ впасть въ ошибку, но и предсѣдатель суда не свободенъ отъ нея и потому возможныя ошибки предсѣдателей должны также имѣться въ виду. Чѣмъ болѣе высокъ уровень образованія населенія и цензы умственной и имущественный для присяжныхъ и чѣмъ потому они ровнѣе въ своемъ составѣ, тѣмъ менѣе можетъ сказаться ошибка предсѣдателя въ руководствѣ присяжными, ибо они будутъ болѣе способны относиться критически ко всѣмъ дѣйствіямъ его. Наоборотъ,—чѣмъ менѣе развито населеніе и чѣмъ ниже цензъ для присяжныхъ, тѣмъ легче всякая ошибка предсѣдателя можетъ вызвать ошибку и въ рѣшеніи присяжныхъ, немогущихъ относиться съ серьезной и умѣлой критикой къ дѣйствіямъ его. Ошибки предсѣдателей чаще могутъ встрѣчаться со стороны тѣхъ изъ нихъ, которые менѣе способны занимать эту должность. Если бы представить себѣ идеальнаго судью-предсѣдателя, по существу своему немогущаго никогда дѣлать ошибокъ, то разумѣется такому предсѣдателю могла бы быть ввѣрена большая власть и предоставлены большія права въ руководствѣ присяжными, какого бы образованія и положенія они ни были. Но такъ какъ такихъ идеальныхъ судей-предсѣдателей не можетъ быть и предсѣдатели только въ большей или меньшей степени удовлетворяютъ этимъ идеальнымъ требованіямъ, то и власть и обязанности предсѣдателей должны быть соображены съ обоими указанными нами условіями. *Изъ этого прямо вытекаетъ то положеніе, что предѣлы власти и обязанности предсѣдателя, должны находиться въ прямомъ соотвѣтствіи съ тѣми требованіями, которымъ долженъ удовлетворять предсѣдатель, какъ таковой и какъ судья, а слѣдовательно и съ условіями выбора предсѣдателя изъ числа судей.* Предѣлы власти и обязанности предсѣдателя въ силу всѣхъ этихъ условій могутъ быть различны до безконечности и иностранныя законодательства въ этомъ отношеніи представляютъ примѣры

подобнаго разнообразія; они могутъ ограничиваться не только законными опредѣленіями, но и вмѣшательствомъ суда. Насколько такое вмѣшательство суда можетъ ограничивать и дѣйствительно ограничиваетъ власть предсѣдателя въ нашемъ процессѣ, мы увидимъ впослѣдствіи, а теперь разсмотримъ права и обязанности предсѣдателя, какъ они опредѣлены судебными уставами.

Предсѣдатель суда управляетъ ходомъ судебнаго засѣданія. Направляя ходъ дѣла къ тому порядку, который наиболѣе способствуетъ раскрытію истины, предсѣдатель долженъ предоставить подсудимому всевозможныя средства къ оправданію, обращая вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на то, чтобы присяжные засѣдатели могли вполнѣ обстоятельно разсмотрѣть дѣло. Въ этихъ видахъ предсѣдатель долженъ опредѣлить порядокъ производства судебнаго слѣдствія и затѣмъ наблюдать за объясненіями, возраженіями и замѣчаніями сторонъ и подсудимыхъ, устраняя въ преніяхъ все то, что не имѣетъ прямаго отношенія къ дѣлу, и не допуская оскорбительныхъ для кого бы то ни было отзывовъ и нарушенія должнаго уваженія къ религіи, закону и установленнымъ властямъ. По окончаніи судебнаго слѣдствія предсѣдатель, вручая присяжнымъ засѣдателямъ вопросный листъ, объясняетъ имъ порядокъ ихъ совѣщанія, законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго дѣянія; общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ, не въ смыслѣ непреложныхъ положеній, но лишь въ смыслѣ предостереженія отъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго, *существенныя обстоятельства дѣла, отнюдь не обнаруживая собственнаго своего мнѣнія*, о винѣ или невинности подсудимаго; онъ возстановляетъ, въ случаѣ надобности, обстоятельства дѣла, неправильно изложенныя сторонами, или истинный разумъ закона, неточно ими истолкованнаго.

Изъ законныхъ опредѣленій существа власти и обязанности предсѣдателя мы видимъ, что у насъ предсѣдателю представлены весьма широкія права и что судъ можетъ высказываться только при опредѣленіи условій производства

дѣла, при постановкѣ вопросовъ и при постановленіи приговора. Такъ какъ въ судебныхъ уставахъ нѣтъ никакихъ указаній на то, въ какихъ случаяхъ судъ можетъ вмѣшаться въ распоряженія предсѣдателя, то изъ этого слѣдуетъ заключить, что дѣйствія его по управленію ходомъ судебнаго засѣданія и по даваемымъ имъ присяжнымъ засѣдателямъ объясненіямъ не подлежатъ контролю суда и судъ не имѣетъ законнаго основанія вмѣшиваться въ обязанности предсѣдателя и обязывать его къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ или объясненіямъ. Такія громадныя права предоставлены предсѣдателю судебными уставами, на томъ основаніи, „что объясненія предсѣдателя должны имѣть на рѣшеніе присяжныхъ большое и весьма полезное вліяніе, особенно при недостаточной подготовкѣ нашихъ присяжныхъ, къ исполненію ими этихъ важныхъ обязанностей“.

Сознавая, что лица, призываемыя въ судъ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, недостаточно подготовлены къ исполненію этихъ важныхъ обязанностей и что, потому, они нуждаются въ должномъ руководствѣ, судебные уставы признали необходимымъ предоставить предсѣдателю широкое право руководить присяжными, какъ говоритъ объяснительная записка, „оказывать большое и полезное вліяніе на присяжныхъ“. Составители судебныхъ уставовъ, предоставляя такую обязанность предсѣдателямъ, очевидно, были увѣрены, что обязанность предсѣдателя будетъ возлагаема на тѣхъ судей, которые знаніемъ дѣла, опытностью и способностями доказали свое право на такое высокое положеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желая оградить присяжныхъ засѣдателей отъ личныхъ имѣній предсѣдателя, законъ обязалъ его — объяснять существенныя обстоятельства дѣла, *отнюдь не обнаруживая своего мнѣнія*, а общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ объяснять, *не въ смыслѣ непреложныхъ правилъ*, толкуемыхъ всѣми по своему, но лишь въ смыслѣ предостереженія отъ увлеченія.

Посмотримъ насколько эти благія пожеланія составителей судебныхъ уставовъ осуществимы въ дѣйствительности.

XVII.

Изъ перечня обязанностей предсѣдателя и только что указанныхъ нами соображеній видно, что законъ, съ одной стороны, желалъ руководства до нѣкоторой степени предсѣдателемъ присяжныхъ, предполагая видѣть въ немъ истинно безпристрастнаго судью, а съ другой стороны, стремился оградить присяжныхъ отъ личнаго мнѣнія предсѣдателя. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ—что требуетъ и чего могъ требовать законъ отъ предсѣдателя при такихъ условіяхъ, посмотримъ—какія качества должны быть присущи предсѣдателю, изображенному судебными уставами, и какъ предсѣдатель можетъ исполнять свои обязанности.

Предсѣдатель очевидно долженъ обладать превосходнымъ, сравнительно съ сторонами, юридическимъ образованіемъ; знаніемъ дѣла суда вообще; житейскимъ опытомъ; знаніемъ условій общественной жизни данной мѣстности; находчивостью; способностью къ долгому, непрерывному, напряженному вниманію; способностью объяснять простымъ и понятнымъ языкомъ сложные юридическіе вопросы и кромѣ того быть олицетвореннымъ безпристрастіемъ. Только тотъ человѣкъ, который вполнѣ обладаетъ *всѣми этими* качествами будетъ подходить къ типу предсѣдателя, установленному судебными уставами. А между тѣмъ очевидно, что это типъ недостижимый, ибо это типъ идеальнаго юриста—судьи, который не можетъ быть въ дѣйствительности, не можетъ олицетвориться въ живомъ человѣкѣ. Есть счастливые люди, обладающіе большинствомъ этихъ качествъ, но не всѣми ими, а громадное большинство юристовъ не можетъ и этимъ похвалиться. Мы всѣ, средніе люди-юристы, не обладаемъ и половиною этихъ качествъ, и по свойству человѣческой природы, не можемъ быть олицетвореннымъ безпристрастіемъ.

Кромѣ того, въ опредѣленіяхъ закона о порядкѣ дѣятельности предсѣдателя оказывается прямое противорѣчіе, которое и съ теоретической стороны прямо указываетъ на невозможность предсѣдателю исполнять свою обязанность такъ, какъ

она опредѣлена законодателемъ. Дѣйствительно, предсѣдатель долженъ направлять дѣло къ тому, „чтобы способствовать раскрытію *истины*“. Но развѣ истина въ дѣлѣ *всегда* извѣстна предсѣдателю? Ему могутъ быть извѣстны обстоятельства дѣла, какъ они представляются по актамъ предварительнаго слѣдствія и разъясняются на судебномъ слѣдствіи, но не истина. Поэтому, направлять дѣло къ раскрытію истины онъ не можетъ, а можетъ только направить производство ко всестороннему разъясненію дѣла. Въ этомъ лежитъ громадная разница и вотъ почему. Подъ понятіемъ „истины“ каждый предсѣдатель непремѣнно подразумѣваетъ свое убѣжденіе по дѣлу, осуществленіе котораго приговоромъ суда онъ невольно считаетъ осуществленіемъ истины. Иначе и быть не можетъ. Между тѣмъ, убѣжденіе по дѣлу предсѣдатель составляетъ заранѣе, по актамъ предварительнаго слѣдствія, и потому судебное слѣдствіе, прямо направляемое къ разъясненію убѣжденія предсѣдателя, разумѣется, весьма часто направляется не къ разъясненію истины.

Предсѣдатель въ резюме своемъ объясняетъ присяжнымъ законы, относящіеся къ опредѣленію разсматриваемаго преступнаго дѣянія, общія юридическія основанія къ сужденію о силѣ доказательствъ и существенныя обстоятельства дѣла. Разъясненіе предсѣдателемъ перваго положенія для присяжныхъ обязательно; разъясненіе втораго положенія, предсѣдатель долженъ давать не въ видѣ непреложныхъ положеній, а въ смыслѣ предостереженія отъ увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго; разъясняя третье положеніе, предсѣдатель *отнюдь* не долженъ обнаруживать собственнаго своего мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго.

Спрашивается, какъ это человѣкъ, разсказывая обстоятельства какого либо дѣла, можетъ такъ или иначе не высказать своего мнѣнія, или не придать всему своему разсказу извѣстнаго оттѣнка, соотвѣтствующаго его взгляду на дѣло? Очевидно — это невозможно, ибо характеръ разсказа обстоятельствъ дѣла опредѣляется прежде всего пониманіемъ ихъ со своей точки зрѣнія, своимъ міросозерцаніемъ, своимъ *я*, и

потому это *я*, иногда даже помимо желанія человѣка, невольно, будетъ сказываться и въ постановкѣ рѣчи, и въ фразировкѣ, и въ тонѣ ея.

И такъ мы видимъ,—что на судѣ предсѣдатель обязанъ направлять ходъ дѣла къ раскрытію истины, т. е. къ разъясненію *своего* убѣжденія, а въ резюме своемъ, напутствующемъ присяжныхъ въ ихъ рѣшеніи, долженъ изложить имъ *свое* убѣжденіе о дѣлѣ, скрывая при томъ отъ нихъ, что это его мнѣніе.

Въ публикѣ, присутствующей въ залѣ засѣданія и въ печати часто раздаются похвалы предсѣдательствующимъ за ихъ безпристрастіе. Казалось бы, что этимъ опровергается мнѣніе наше о томъ, что предсѣдатель не можетъ не высказать своего убѣжденія по дѣлу; но если внимательно, глубже изслѣдовать этотъ вопросъ, то окажется, что мы не ошибаемся. Понятіе о пристрастіи или безпристрастіи резюме—есть понятіе относительное и опредѣляется главнымъ образомъ большимъ или меньшимъ согласіемъ резюме съ нашимъ убѣжденіемъ по дѣлу. Если, напримѣръ, человѣкъ глубоко убѣжденъ въ виновности подсудимаго и возмущается его преступленіемъ, то мнѣніе предсѣдателя, явно склоняющееся въ пользу обвиненія не будетъ шокировать его настолько, насколько будетъ шокировать его тоже резюме при противномъ его убѣжденіи. Одно и тоже резюме талантливыхъ предсѣдателей очень часто возбуждаетъ споры, относительно характера ихъ, т. е. безпристрастія. Очень часто приходится слышать какъ одни горячатся, утверждая, что резюме невозможно, по своему пристрастію къ обвиненію или защитѣ, тогда какъ другіе, наоборотъ, удивляются такому мнѣнію.

Непремѣнное условіе безпристрастія резюме состоитъ въ томъ, чтобы повторить обстоятельства дѣла, обвиняющія и оправдывающія подсудимаго въ равной степени, т. е., чтобы *всѣ* улики и *всѣ* оправданія были повторены и освѣщены такъ, какъ они освѣщались сторонами. Очевидно, что привести всѣ обстоятельства дѣла въ резюме можно только по исключительно простымъ дѣламъ. По болѣе сложнымъ дѣламъ

предсѣдатель *долженъ* ограничиться краткимъ указаніемъ на обстоятельства дѣла, т. е. выбрать изъ нихъ *то, что кажется ему* болѣе существеннымъ. Иначе предсѣдателю пришлось бы говорить почти столько же, сколько говорили прокуроръ, защитники и подсудимый, что очевидно немыслимо. Вотъ въ выборѣ обстоятельствъ дѣла, кажущихся предсѣдателю существенными, и сказывается мнѣніе его. Сила и значеніе уликъ и доказательствъ опредѣляется каждымъ соотвѣтственно своему *я*. Отсюда ясно, что резюме, обусловливаемое міросозерцаніемъ предсѣдателя и его убѣжденіемъ по дѣлу, непремѣнно должно носить на себѣ извѣстный оттѣнокъ. Если на предсѣдателя сильнѣе подѣйствовала обвиняющая сторона дѣла и онъ не сочувствуетъ подсудимому, то въ резюме своемъ онъ невольно будетъ приводить болѣе доводовъ обвиненія, произведшихъ на него сильное впечатлѣніе, чѣмъ доводовъ защиты (въ обширномъ смыслѣ этого слова, а не защитника только), которая не произвела на него впечатлѣнія, и наоборотъ. Кромѣ того громадное значеніе имѣетъ группировка обстоятельствъ дѣла и извѣстная систематичность въ ихъ изложеніи. Одни и тѣ же обстоятельства дѣла можно представить въ совершенно другомъ свѣтѣ, сопоставляя ихъ различно между собою. Если въ математикѣ порядокъ изображенія не имѣетъ значенія и $A+B-C=A-C+B$, то въ дѣлѣ суда порядокъ изображенія дѣла, т. е. изложенія обстоятельствъ его, имѣетъ громадное значеніе. Оттѣняя различно одни обстоятельства предъ другими и умѣло группируя ихъ, можно представить одно и тоже дѣло съ совершенно другой стороны. Вотъ отсюда и является понятнымъ, что характеръ убѣжденія предсѣдателя *непремѣнно* долженъ сказаться въ резюме, хотя бы предсѣдатель и не высказывалъ прямо своего мнѣнія и даже не намекалъ на него. Опущеніе того или другаго обстоятельства, повтореніе его, порядокъ изложенія, группировка уликъ и оправданій, все это измѣняетъ характеръ резюме, а слѣдовательно и производимое имъ впечатлѣніе. Само собою разумѣется, что мы говоримъ о резюме тѣхъ предсѣдателей, которые *стремятся* быть безпристрастными и не склоняются явно на одну какую либо сторону.

Кому не одинъ разъ приходилось слышать резюме разныхъ предсѣдателей, по одному и тому же дѣлу (въ случаѣ кассаціи рѣшенія), тому должно быть памятно — какъ различны эти резюме въ своемъ характерѣ, не смотря на все кажущееся ихъ безпристрастіе. Одинъ предсѣдатель болѣе подчеркиваетъ въ своей рѣчи одни обстоятельства, тогда какъ другой проходитъ ихъ молчаніемъ и подчеркиваетъ другія обстоятельства. Отъ этихъ подчеркиваній и опущеній, съ внѣшней стороны неизмѣняющихъ кажущейся объективности рѣчи, совершенно мѣняется характеръ рѣчей, а слѣдовательно и производимое ими впечатлѣніе. Намъ пришлось выслушать одно дѣло, кассированное два раза. Три предсѣдателя, весьма даровитые, стремившіеся быть безпристрастными, сказали три резюме, настолько различныя по своему характеру, что видимо производили совершенно различное впечатлѣніе. Слышавшимъ всѣ три резюме тонъ, коимъ произносились отдѣльныя фразы, подборъ и групировка обстоятельствъ дѣла, прямо указывали на нѣкоторую разность взглядовъ предсѣдательствующихъ на дѣло, хотя, повторяемъ, всѣ три предсѣдателя старались быть безпристрастными.

Во всѣхъ судахъ, каждый день, по каждому дѣлу, или печать, или публика, или члены судебнаго вѣдомства, обсуждая резюме предсѣдателя, приходятъ къ убѣжденію, что оно было сказано въ пользу обвиненія или защиты и только по нѣкоторымъ дѣламъ отдѣльныя личности находятъ ихъ безпристрастными. Этимъ подтверждается наше мнѣніе, что предсѣдатели не могутъ сказать резюме, не склоняясь въ ту или другую сторону, и казалось бы устраняется необходимость доказывать то, что мы доказывали. Но дѣло въ томъ, что, не смотря на сознаніе громаднаго большинства общества того, что предсѣдатели всегда говорятъ не безпристрастныя резюме, до сихъ поръ ни печать, ни общество, ни члены судебнаго вѣдомства не анализировали причину такого явленія и по сей день приписываютъ такія резюме исключительно личностямъ предсѣдателей, ихъ желанію вліять на рѣшеніе дѣла.

Мы же утверждаемъ, что причина такихъ резюме лежитъ не въ желаніи предсѣдателей провести данное дѣло такъ или иначе (что также приходится наблюдать довольно часто), а въ самыхъ условіяхъ дѣятельности предсѣдателей, которые по свойству человѣческой природы не могутъ исполнять свои обязанности такъ, какъ они указаны закономъ, и могутъ только разъяснять дѣло исходя изъ своего убѣжденія, а не изъ пониманія истины въ дѣлѣ, неизвѣстной имъ, какъ и другимъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ. Вотъ почему мы и изслѣдовали подробно причину того или другаго характера предсѣдательскихъ резюме.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что постановленія закона, опредѣляющія обязанности и характеръ дѣятельности предсѣдателя, содержатъ въ себѣ непримиримое противорѣчіе, что предсѣдатель ни въ теоріи, ни на практикѣ не можетъ быть тѣмъ идеальнымъ судьею—предсѣдателемъ, котораго желалъ видѣть законодатель и которому предписалъ способствовать раскрытію истины, не зная въ чемъ она состоитъ, и что потому предсѣдатель поставленъ въ необходимость волею-неволею стремиться къ разъясненію дѣла сообразно своимъ взглядамъ на него, своимъ убѣжденіямъ, и въ резюме разъяснять присяжнымъ обстоятельства дѣла со стороны своего убѣжденія.

Много разъ, говоря о судебныхъ слѣдователяхъ, прокурорахъ и защитникахъ, мы указывали на то, что они по закону должны быть и въ дѣйствительности могутъ быть „безпристрастными судьями“; теперь же говоря о предсѣдателяхъ мы утверждаемъ, что они безпристрастными судьями быть не могутъ. Въ этомъ казалось бы заключается непримиримое противорѣчіе, но противорѣчіе это только кажущееся. Понятіе о безпристрастіи вообще и о судейскомъ безпристрастіи въ частности, есть понятіе относительное, а не обсолютное; если же къ этому добавить, что законодатель отъ предсѣдателя требуетъ совершенно особой безпристрастности, идеальной, то дѣлаемое нами различіе понятій въ томъ и другомъ случаяхъ становится понятнымъ и противорѣчіе само собою падаетъ.

И такъ мы видимъ, что предсѣдатель неминуемо и помимо своего желанія долженъ высказать свое мнѣніе по дѣлу, какъ установленнымъ имъ порядкомъ производства судебнаго слѣдствія, такъ и своими разъясненіями присяжнымъ засѣдателямъ. Спрашивается: въ чемъ же и какъ болѣе всего сказывается мнѣніе предсѣдателя на судѣ и что потому болѣе всего оказываетъ вліяніе на рѣшеніе присяжныхъ?

Извѣстно, что порядокъ разработки доказательствъ на судѣ прямо вліяетъ на убѣжденіе людей, изучающихъ дѣло, и потому въ большей или меньшей степени опредѣляетъ ихъ мнѣніе по дѣлу. Если напримѣръ производить судебное слѣдствіе безъ всякой системы, допрашивать свидѣтелей и прочитывать документы какъ попало, то въ итогѣ получится совсѣмъ не такое ясное, цѣлостное впечатлѣніе, какое получится, если судебное слѣдствіе будетъ производиться систематично. Иногда даже впечатлѣніе мѣняется—ослабляется или усиливается—только отъ того, что одни доказательства разработываются прежде или послѣ другихъ, ихъ отмѣняющихъ и тѣмъ дающихъ имъ извѣстное освѣщеніе. Поэтому порядокъ разсмотрѣнія доказательствъ на судѣ, т. е. управленіе ходомъ судебнаго слѣдствія, несомнѣнно можетъ оказывать вліяніе на силу, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и на характеръ впечатлѣнія доказательствъ. На практикѣ вліяніе предсѣдателей установленіемъ порядка разработки доказательствъ сводится почти что къ нулю. Въ практикѣ судовъ неизвѣстно ни одного случая, когда предсѣдательствующій стремился бы исказить обстоятельства дѣла, умышленно установляя такой порядокъ судебнаго слѣдствія, который далъ бы превратное понятіе о дѣлѣ: да это и немыслимо у насъ въ судахъ. Всѣ предсѣдатели, напротивъ, стремятся возможно болѣе разъяснить дѣло и потому всегда охотно исполняютъ просьбы сторонъ относительно порядка допроса того или другаго свидѣтеля или прочтенія документовъ. Если же въ силу своего убѣжденія предсѣдатель, желая разъяснить дѣло съ извѣстной стороны, производитъ судебное слѣдствіе не въ томъ порядкѣ, который, по мнѣнію стороны, представлялся бы

болѣе цѣлесообразнымъ, то сторона всегда имѣетъ возможность, посредствомъ передопроса свидѣтелей возстановить все, что находитъ нужнымъ. Вотъ почему, если и сказывается вліяніе предсѣдателя на присяжныхъ засѣдателей управленіемъ хода судебнаго слѣдствія, то сказывается въ весьма слабой степени и то только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ.

Весьма часто встрѣчаются дѣла, юридическая сторона коихъ представляется спорною и объясняется сторонами каждымъ по своему, со своей точки зрѣнія. Присяжные засѣдатели не юристы и даже въ несложныхъ юридическихъ вопросахъ легко могутъ запутаться, если имъ не будетъ дано руководящихъ объясненій законовъ. Такими объясненіями, очевидно, могутъ быть только толкованія предсѣдателя, съ своей точки зрѣнія, но не съ точки зрѣнія суда, по его уполномочію. Хотя толкованіе закона съ точки зрѣнія суда въ теоріи и представляется болѣе вѣрнымъ, но въ дѣйствительности толковать законъ не со стороны его пониманія, а со стороны навязаннаго другими мнѣнія о законѣ и нежелательно и невозможно. Поэтому, какъ бы сильно ни было вліяніе предсѣдателя на присяжныхъ разъясненіями законовъ, относящихся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступнаго дѣянія, разъясненія эти необходимы, чтобы дать присяжнымъ руководящую нить при рѣшеніи ими юридическихъ вопросовъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что неправильность толкованія законовъ, въ какой бы формѣ она ни была изложена, почти всегда можетъ быть уловлена и занесена въ протоколъ, чѣмъ въ значительной степени можетъ ослабляться вліяніе этихъ разъясненій на исходъ дѣла (въ смыслѣ кассаціи).

Объясненія предсѣдателемъ общихъ юридическихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ подсудимаго, если ихъ давать абстрактно, не могутъ имѣть никакого значенія для присяжныхъ. Доктрина о доказательствахъ имѣетъ громадное значеніе для общаго юридическаго образованія и представляется совер-

шенно излишнею для присяжныхъ засѣдателей въ отрывочномъ, безсистемномъ изложеніи. Если бы присяжные засѣдатели должны были руководиться въ своихъ рѣшеніяхъ какою либо теоріею доказательствъ, то такія объясненія имѣли бы для нихъ весьма существенное значеніе; но они призваны судить по разуму и чувству, и потому судить о винѣ или невинности подсудимаго съ точки зрѣнія доказательствъ, съ ихъ формальной стороны, они не могутъ и не должны. Такъ для чего же и давать такія объясненія? Да и какъ объяснить присяжнымъ засѣдателямъ ихъ обязанность подчинять свое убѣжденіе, сложившееся на основаніи раскрытой предъ ними картины происшествія, такимъ соображеніямъ, что показаніе потерпѣвшаго или подсудимаго, если они подтверждаются другими обстоятельствами, слѣдуетъ дать вѣру, въ противномъ случаѣ слѣдуетъ ихъ отвергнуть; что поличное составляетъ улику весьма сильную, если оно найдено вскорѣ послѣ совершенія преступленія; что при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній слѣдуетъ отдавать преимущество тѣмъ свидѣтелямъ, которые показывали подъ присягою, показанія коихъ согласны между собою и непротиворѣчатъ съ другими обстоятельствами и т. п.,—когда сплошь и рядомъ показанію одного потерпѣвшаго или одного обвиняемаго, опровергаемому цѣлымъ рядомъ свидѣтелей, невольно даешь полную вѣру; когда значеніе поличнаго извѣстно каждому ребенку; когда показаніямъ свидѣтелей, непринимавшимъ присяги и разногласящимъ между собою въ мелочахъ вѣрятъ больше, чѣмъ показаніямъ цѣлаго ряда свидѣтелей, присягавшихъ и говорящихъ согласно, слово въ слово, и т. д. Въ сущности, объясненіе присяжнымъ (не юристамъ) общихъ юридическихъ основаній къ сужденію о силѣ доказательствъ есть ничто иное, какъ толченіе воды въ ступѣ. Въ прежнее время предсѣдатели, считая своимъ долгомъ исчерпать все, что предписывается имъ 801 ст. устава, постоянно давали присяжнымъ такія объясненія и притомъ весьма подробно. Неумолимый опытъ указалъ на всю безцѣльность подобныхъ разъясненій, которыя потому болѣе и не практикуются опытными и хо-

рошими предсѣдателями и только или неопытные, или незнающіе что сказать по данному дѣлу, продолжаютъ давать ихъ.

Объясненіе предсѣдателемъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла, какъ мы видѣли, можетъ послѣдовать только съ его точки зрѣнія на дѣло и потому, хотя бы онъ и не высказывалъ своего мнѣнія въ положительной, категорической формѣ, все равно, его мнѣніе будетъ высказываться въ формѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, въ тонѣ рѣчи и вообще въ характерѣ ея.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ характеръ дѣятельности предсѣдателя на судѣ, мы имѣемъ право сказать, что предсѣдатель неминуемо долженъ оказывать вліяніе на весь ходъ процесса, какъ установленіемъ порядка засѣданія, такъ и своими разъясненіями, что мнѣніе предсѣдателя болѣе всего сказывается въ разъясненіяхъ законовъ и въ изложеніи обстоятельствъ дѣла, и въ особенности въ послѣднемъ. Посмотримъ—какъ объясненія предсѣдателя могутъ и должны вліять вообще на присяжныхъ засѣдателей.

Извѣстно, что люди расположены охотнѣе выслушивать тѣхъ, въ комъ они не видятъ возможности предубѣжденія, къ кому они относятся съ большимъ довѣріемъ. *Это довѣріе есть та почва, на которой скорѣе всего человѣкъ найдетъ сочувствіе своему убѣжденію и на которой борьба двухъ противниковъ, равносильныхъ по способностямъ, но неравныхъ по довѣрію, дѣлается неравною.* Поэтому понятно, что присяжные засѣдатели, смотря на большинство обвинителей и защитниковъ одинаково, какъ на лицъ заинтересованныхъ исходомъ дѣла, къ доводамъ ихъ относятся болѣе или менѣе недовѣрчиво и принимаютъ ихъ постольку, поскольку они убѣждаютъ ихъ или лучше сказать поскольку они (доводы) *заставляютъ* ихъ убѣдиться. Но все таки борьба между сторонами представляется болѣе или менѣе равномѣрною: нашъ процессъ ставитъ обвинителя и защитника въ одинаковыя условія и предоставляетъ имъ одинаковыя права, какъ въ разработкѣ доказательствъ, такъ и въ представленіи своихъ

доводовъ, и потому отъ самихъ обвинителей и защитниковъ зависитъ вызвать къ себѣ это довѣріе. Нашъ законъ имѣлъ въ виду именно такой порядокъ: борьбу двухъ равноправныхъ противниковъ, сдерживаемую въ извѣстныхъ границахъ предсѣдателемъ, котораго безстрастіе и безпристрастіе есть conditio sine qua non процесса. Дѣйствительно, какъ мы уже говорили выше, предсѣдатели *вообще должны* относиться къ дѣлу болѣе объективно, чѣмъ стороны, что невольно сознается всѣмъ обществомъ и что поддерживается закономъ, предписывающимъ предсѣдателямъ руководить засѣданіемъ къ открытію истины. Въ силу этого на судъ и предсѣдателя общество и присяжные засѣдатели смотрятъ какъ на людей прямо незаинтересованныхъ исходомъ дѣла, какъ на людей заслуживающихъ довѣрія по своей объективности. Поэтому естественно, *что предсѣдатель въ присяжныхъ имѣетъ слушателей, расположенныхъ слѣдовать его убѣжденіямъ и ему нѣтъ надобности заставлять ихъ убѣждаться въ своихъ доводахъ.* То, что стороны должны старательно доказывать или опровергать—доказывается и опровергается предсѣдателемъ предъ присяжными засѣдателями совершенно легко, ибо одно его заявленіе, одинъ намекъ его для присяжныхъ составляетъ доказательство. Вотъ почему всѣ объясненія предсѣдателя, для присяжныхъ должны имѣть вообще особо важное значеніе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ значеніе рѣшающее. Присяжные засѣдатели расположены смотрѣть на предсѣдателя, какъ на лицо не только знающее дѣло суда и законы лучше, чѣмъ стороны и опытнѣе ихъ, но и какъ на законнаго руководителя ихъ, объясняющаго имъ обстоятельства дѣла и законы такъ, какъ постигаетъ ихъ судъ; *они* естественно *смотрятъ на него не* какъ на лицо судебнаго вѣдомства, обладающее тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и всѣ, но *какъ на предсѣдателя суда, которому* (*суду*) *они обязаны довѣряться и который объясняется съ ними устами предсѣдателя.* Чтобы вполнѣ ясно понять значеніе объясненій предсѣдателя для присяжныхъ, кромѣ сказаннаго, нужно имѣть еще въ виду, что свое резюме предсѣдатель излагаетъ

послѣ заключительныхъ объясненій подсудимыхъ, вручая присяжнымъ засѣдателямъ вопросный листъ и напутствуя ихъ въ рѣшеніи дѣла. Очевидно, что рѣчь предсѣдателя, неподлежащая ни въ чемъ опроверженію, болѣе всего остается въ памяти присяжныхъ и потому должна оказывать весьма сильное вліяніе на ихъ убѣжденіе.

И такъ, мы видимъ, что для управленія ходомъ засѣданія предсѣдатель долженъ ознакомиться съ дѣломъ по актамъ предварительнаго слѣдствія; что такое знакомство вызываетъ у него убѣжденіе по дѣлу (о винѣ или невинности подсудимаго); что планъ веденія дѣла основывается на этомъ убѣжденіи; что по незнанію истины въ дѣлѣ предсѣдатель естественно можетъ только направлять засѣданіе къ всесторонпему разъясненію дѣла и главнымъ образомъ со стороны его взгляда на дѣло; что объясненія его присяжнымъ (резюме), вопреки требованію закона, не могутъ не вносить его взгляда на дѣло; что эти объясненія имѣютъ почти что главенствующее для присяжныхъ значеніе. Изъ этого видно, что присяжные засѣдатели рѣшаютъ дѣло не только на основаніи судебнаго слѣдствія, рѣчей сторонъ и объясненій подсудимаго, но еще и на основаніи взгляда на дѣло предсѣдателя, могущаго производить на нихъ впечатлѣніе болѣе сильное, чѣмъ стороны. Таково положеніе предсѣдателя на судѣ, характеръ его дѣятельности и сила его вліянія, почти во всѣхъ случаяхъ, когда предсѣдатель, какъ говорятъ, „безпристрастенъ“, т. е. искренно желаетъ быть безпристрастнымъ и не склоняется явно на какую либо сторону.

Если предсѣдатель стоитъ на высотѣ своего положенія и взглядъ его на дѣло соотвѣтствуетъ истинѣ въ дѣлѣ, то дѣло будетъ вестись имъ правильно и онъ принесетъ пользу дѣлу, помогая присяжнымъ правильно разобраться въ мѣссѣ доказательствъ и уликъ, и справедливо рѣшить дѣло. Чѣмъ болѣе убѣжденіе предсѣдателя будетъ уклоняться отъ истины, тѣмъ болѣе засѣданіе будетъ идти односторонне, что можетъ отозваться на рѣшеніи присяжныхъ. Если предсѣдатель неопытенъ и взглядъ его не соотвѣтствуетъ истинѣ, то онъ не

только не поможетъ присяжнымъ правильно рѣшить дѣло, а напротивъ, невольно можетъ вызвать неправильное рѣшеніе, которому могутъ даже удивляться. Сочетаніе этихъ условій въ предсѣдателѣ—способности, опытности и соотвѣтствія его убѣжденія истинѣ, разумѣется не всегда встрѣчается, и потому понятно, что далеко не всегда вліяніе предсѣдателей можетъ быть благотворно для дѣла. Изъ этого очевидно, что предсѣдатель на судѣ не есть тотъ предсѣдатель, какого желалъ видѣть у насъ законъ, а въ сущности есть третья сторона въ дѣлѣ, разъясняющая присяжнымъ засѣдателямъ дѣло со своей точки зрѣнія и притомъ сторона, облеченная правомъ въ послѣднемъ словѣ, послѣ объясненія подсудимаго, представлять свои соображенія по дѣлу, представлять ихъ, умышленно или невольно, въ какомъ угодно видѣ и тѣмъ производить весьма сильное впечатлѣніе на присяжныхъ, и склоняясь на сторону обвиненія или защиты, давать безусловный перевѣсъ своимъ мнѣніямъ, причемъ о равенствѣ сторонъ, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, мы видѣли, что положеніе и характеръ дѣятельности предсѣдателя на судѣ, несоотвѣтствуетъ идеѣ законодателя, что законъ въ своемъ опредѣленіи обязанностей предсѣдателя содержитъ прямое противорѣчіе, что, поставивъ предсѣдателя совершенно правильно въ главенствующее положеніе на судѣ и обязавъ его ограждать присяжныхъ засѣдателей отъ увлеченій, законъ помимо своего желанія придалъ ему значеніе руководителя присяжныхъ въ ихъ рѣшеніи вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, руководителя, мнѣніе котораго въ этомъ вопросѣ должно имѣть почти что обязательное для нихъ значеніе, т. е. увлекать. Если бы предсѣдатели были бы идеальными, то разумѣется вліяніе ихъ на дѣло было бы всегда благотворно, а если бы имъ была дана способность прозрѣвать истину въ дѣлѣ, то тогда институтъ присяжныхъ и вся сложная процедура суда, была бы излишнею. Но предсѣдатели тоже люди, вышедшіе въ предсѣдательствующіе изъ судебныхъ слѣдователей, прокуроровъ, секретарей и часто даже необладающіе

достаточною опытностью и знаніемъ дѣла. При такихъ условіяхъ неизбѣжное вліяніе предсѣдателей суда на рѣшеніе дѣла не всегда можетъ быть благотворно. Если бы законъ поставилъ предсѣдателей въ такое положеніе, при которомъ активное его вліяніе на рѣшеніе вопроса о виновности не было преобладающимъ, то борьба между сторонами была бы болѣе или менѣе равномѣрною и предсѣдатель могъ бы быть болѣе безпристрастнымъ судьею, регулирующимъ и примиряющимъ борьбу во всѣхъ случаяхъ, когда она касается невѣрнаго изложенія фактовъ; тогда и выборъ предсѣдательствующихъ могъ бы быть не такъ строгъ, ибо они прямаго непосредственнаго вліянія на рѣшеніе дѣла не имѣли бы. Но если предоставить предсѣдателю напутствовать присяжныхъ своею рѣчью и тѣмъ обязать его оказывать главенствующее вліяніе на рѣшеніе ихъ, то необходимо, чтобы всѣ предсѣдательствующіе были на высотѣ своего положенія и удовлетворяли въ высокой степени указаннымъ нами условіямъ. Такіе судьи, руководящіе рѣшеніемъ присяжныхъ, могутъ быть въ Англіи, въ силу особыхъ, всѣмъ извѣстныхъ условій, и не могутъ быть у насъ, почему пересаживать къ намъ, при совершенно другихъ условіяхъ общественной жизни и дѣятельности суда, англійскаго судью не приходилось бы. Въ этомъ заключается по нашему мнѣнію великая ошибка судебныхъ уставовъ.

При опредѣленіи характера и условій дѣятельности общественнаго дѣятеля, каждое дѣйствіе котораго оказываетъ серьезное вліяніе на ходъ дѣла, а слѣдовательно и на результаты его, необходимо имѣть въ виду не идеальнаго человѣка, а „средняго“, обладающаго способностями и недостатками, присущими большинству людей, такъ какъ если условія и порядокъ дѣятельности опредѣлять по идеальному человѣку, то очевидно, такая мѣрка не придется къ громадному большинству дѣятелей и на практикѣ неминуемо будетъ проявляться цѣлый рядъ ошибокъ. Это общее правило, всѣмъ извѣстное, но не всегда соблюдаемое, какъ будто бы позабыто составителями судебныхъ уставовъ при опредѣленіи

порядка дѣятельности предсѣдателей. Въ новомъ для всего общества дѣлѣ суда, при полномъ отсутствіи судебныхъ обычаевъ и традицій, законодатель, установляя права и обязанности предсѣдателя, долженъ бы брать за образецъ типъ средняго человѣка, со всѣми его недостатками, а не идеальнаго судью - предсѣдателя, и опредѣлять обязанности его, исходя изъ понятія о среднемъ человѣкѣ. Между тѣмъ, придавъ предсѣдателю то значеніе, которымъ онъ пользуется теперь, обязавъ его давать присяжнымъ разъясненія относящихся къ дѣлу законовъ и напутствовать ихъ своею рѣчью по существу дѣла, законодатель помимо своего желанія имѣлъ въ виду какъ бы идеальнаго судью. Отъ такаго несоотвѣтствія многихъ предсѣдателей установленному законодателемъ типу, точно также происходятъ иногда тѣ недоразумѣнія, которыя вызываютъ неправильныя „непонятныя“ рѣшенія присяжныхъ и нареканія на этотъ институтъ.

XVIII.

Хотя вопросъ о томъ—какія резюме произносятся предсѣдателями и насколько, и какимъ образомъ, они вліяютъ на присяжныхъ засѣдателей—представляетъ немалый интересъ, но до сихъ поръ онъ остался неизслѣдованнымъ. Между тѣмъ изслѣдованіе его необходимо, такъ какъ и въ обществѣ и въ печати существуютъ совершенно превратныя убѣжденія о томъ и другомъ.

Почему-то въ печати и въ обществѣ часто повторяется, что громадное большинство предсѣдателей суть тѣ же прокуроры и произносятъ они обвинительныя рѣчи вмѣсто безпристрастныхъ резюме. Точно также слышатся часто голоса возмущающихся тѣмъ, что предсѣдатели говорятъ защитительныя рѣчи и что этимъ путемъ нѣкоторые изъ такихъ предсѣдателей стараются пріобрѣсти себѣ дешевую популярность. Какъ доказательство того, что предсѣдатели вообще говорятъ обвинительныя рѣчи приводятъ, что большинство предсѣдающихъ въ судахъ предсѣдателей, товарищей предсѣдателя и членовъ суда, прошли черезъ прокурорскій надзоръ

и потому не могли не усвоить обвинительныхъ тенденцій. Въ силу условій дѣятельности прокурорскаго надзора, какъ мы видѣли, всѣ прокуроры вообще не могутъ усвоивать какихъ либо особыхъ характерныхъ чертъ и направленія, которыя оставляли бы на нихъ неизгладимый отпечатокъ на характерѣ всей послѣдующей дѣятельности ихъ. Поэтому такое объясненіе не имѣетъ за собою никакого основанія.

Въ дѣятельности русскихъ чиновниковъ, на всѣхъ ступеняхъ государственной и общественной службы, давно уже замѣчена одна черта—неустойчивость въ своихъ убѣжденіяхъ, даже коренныхъ, и быстрая перемѣна ихъ подъ вліяніемъ измѣнившихся обстоятельствъ или служебнаго и общественнаго положенія. Сегодня я служу по земству и браню администрацію, „тормозящую великое земское дѣло“,—завтра перехожу въ администрацію и сейчасъ начинаю бранить земскихъ дѣятелей, „приносящихъ государству только вредъ“; служа въ судебномъ вѣдомствѣ я браню администрацію, а завтра дѣлаюсь администраторомъ, браню во всю мочь судъ; сегодня, какъ администраторъ, я защищаю то, на что завтра, по выходѣ изъ администраціи, первый же буду указывать, и т. п. Нѣтъ надобности доискиваться причинъ такой нравственной неустойчивости и неподготовки къ общественной дѣятельности,— она, впрочемъ, и такъ ясна; достаточно намъ того, что такая черта въ чиновникахъ и вообще въ общественныхъ дѣятеляхъ замѣчается весьма часто Эта черта къ сожалѣнію и не безъ основанія замѣчается многими—и обществомъ, и судебными дѣятелями, среди лицъ судебнаго вѣдомства. То, что можетъ наблюдаться въ другихъ только при переходѣ изъ одного вѣдомства въ другое, или измѣненіи характера общественной дѣятельности, то наблюдается среди одного судебнаго вѣдомства при полученіи повышенія или вообще при перемѣнѣ должности. Вотъ почему, среди лицъ судебнаго вѣдомства такая черта ярче выражается, благодаря тому, что разность характера дѣятельности органовъ суда даетъ возможность наблюдать ее (эту черту) при перемѣнѣ должности въ одномъ и томъ же вѣдомствѣ. Иногда

такой переломъ въ убѣжденіяхъ и направленіи человѣка бываетъ до оригинальности быстръ и неожиданъ. На должности судебнаго слѣдователя человѣкъ *старается*, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, показать свою гуманность и судейскую самостоятельность и заводитъ совершенно неумѣстныя пререканія съ прокурорами; на должности товарища прокурора онъ страстно мечетъ громы и молніи, заводитъ такія же неумѣстныя пререканія съ судебными слѣдователями, доказывая, что слѣдователь обязанъ исполнять всѣ его предложенія, а на должности судьи, кстати и не кстати, онъ начинаетъ проповѣдывать, „что правда и милость должны господствовать въ судахъ и что прокуроры часто забываютъ эту великую заповѣдь“, а присяжнымъ засѣдателямъ объясняетъ: „вы не только должны судить человѣка по тому, что имъ совершено, но должны обратить вниманіе и на его семью. Убитаго своимъ рѣшеніемъ вы не воскресите, но лишите жизни подсудимаго нравственно, ибо помимо того наказанія, которое долженъ будетъ понести подсудимый, наказаніе понесетъ и семья его, которой онъ былъ единственнымъ кормильцемъ. Вотъ на эту сторону дѣла вы также должны обратить особое вниманіе и обсудить — справедливо-ли наказывать не только подсудимаго, но его жену и дѣтей и т. д.“. Объясняется-ли такая быстрая перемѣна въ убѣжденіяхъ и направленіи человѣка не вполнѣ яснымъ пониманіемъ обязанностей судебнаго слѣдователя, прокурора и судьи и потому желаніемъ показать, что на должности судьи— я буду только судьею, а на должности прокурора—только прокуроромъ, или, какъ объяснилъ намъ одинъ уважаемый членъ суда, — оскорбленнымъ самолюбіемъ, мы утверждать не беремся. Достаточно, что такая перемѣна направленія въ лицахъ судебнаго вѣдомства замѣчается. Но такъ какъ перемѣна направленія, при перемѣнѣ должности слѣдователя на должность товарища прокурора, обществомъ замѣчена быть не можетъ, а при назначеніи прокурора на должность судейскую она ярко бросается въ глаза, то рѣзкое выставленіе на показъ „своей гуманности“, иногда въ ущербъ

дѣлу, не можетъ остаться незамѣченнымъ и хотя бы оно наблюдалось даже въ единичныхъ случаяхъ, понятно, непремѣнно замѣчается обществомъ и объясняется каждымъ своеобразно. Одни объясняютъ это господствующими въ судахъ защитительными тенденціями, подъ давленіемъ которыхъ новый судья долженъ будто бы измѣнять свои убѣжденія и направленіе, а другія объясняютъ тѣмъ, что судебные дѣятели вообще, и предсѣдатели въ частности, этимъ путемъ добиваются дешевой популярности. Послѣднее подтверждается также тѣмъ, что русскому, власть имѣющему, вообще свойственно искать дешевой популярности, даже въ ущербъ своему дѣлу, и что лица судебнаго вѣдомства не свободны отъ этой черты. Хотя, дѣйствительно, такая черта и весьма замѣтна во многихъ русскихъ дѣятеляхъ, даже въ высшихъ степеняхъ общественной дѣятельности, но мы съ своей стороны утверждаемъ, что рѣже всего она наблюдается среди лицъ судебнаго вѣдомства вообще, а слѣдовательно и среди предсѣдательствующихъ въ частности. Если между предсѣдателями, къ сожалѣнію, и встрѣчаются такія личности,—этого намъ оспаривать нѣтъ надобности,—то во всякомъ случаѣ они составляютъ исключенія и по нимъ судить о характерѣ дѣятельности предсѣдателей не приходится.

Указанная нами разность мнѣній о характерѣ дѣятельности предсѣдателей, уже сама по себѣ говоритъ за то, что въ судахъ нѣтъ опредѣленной тенденціи—обвинительной или защитительной; но то, что опредѣленной тенденціи въ судахъ не можетъ существовать, доказывается еще и слѣдующимъ.

Управляетъ ходомъ судебнаго засѣданія не судъ, а предсѣдатель, и резюме онъ говоритъ отъ себя, а не отъ суда, который потому и не можетъ оказывать постояннаго давленія на него. А разъ дѣятельность предсѣдателя находится внѣ контроля и давленія суда, она должна носить на себѣ характеръ личности его. Отсюда понятно, что дѣятельность всѣхъ предсѣдателей не можетъ имѣть опредѣленнаго, одинаковаго характера. Это становится еще болѣе понятнымъ, если имѣть въ виду, что до сихъ поръ у насъ не выработались, да и не

могли выработаться судебные обычаи, если не считать одного правила, практикуемаго почти во всѣхъ судахъ, относиться возможно гуманнѣе къ подсудимымъ, правила исключающаго обвинительную тенденцію.

Такъ какъ характеръ вліянія предсѣдателей обусловливается не опредѣленной тенденціей, а личностью и взглядомъ его, то очевидно, что уловить общій характеръ всѣхъ резюме невозможно. Одинъ предсѣдатель строго относится къ преступленіямъ противъ собственности и снисходительно къ преступленіямъ противъ личности; другой, наоборотъ, строго относится къ послѣднимъ преступленіямъ и снисходительно къ первымъ; третій строго относится къ обоимъ родамъ преступленій и снисходительно ко всѣмъ преступленіямъ противъ благоустройства; четвертый раздѣляетъ взглядъ Канта на преступленіе и на наказаніе; пятый видитъ корень зла въ условіяхъ, наталкивающихъ человѣка на преступленіе, и т. д. до безконечности. Всѣ эти предсѣдатели, понятно, будутъ говорить резюме, соотвѣтствующія своему міросозерцанію и взгляду на дѣло. Первый, второй и третій предсѣдатели будутъ говорить или обвинительныя, или защитительныя резюме, смотря по роду и характеру преступленія, четвертый будетъ говоритъ по преимуществу обвинительныя резюме, пятый, напротивъ, защитительныя рѣчи и т. д. Если же имѣть еще въ виду, что кромѣ самаго рода преступленія на предсѣдателя вліяетъ характеръ дѣянія подсудимаго и личности его и потерпѣвшаго, словомъ вся обстановка дѣла и внутренняя сторона его, то станетъ понятнымъ, что одинъ и тотъ же предсѣдатель по одному дѣлу говоритъ защитительное резюме, а по другому обвинительное, и что не только опредѣлить, но даже уловить общій характеръ резюме *всѣхъ* предсѣдателей невозможно.

Вотъ почему совершенно неправильны, какъ одни, такъ и другія нареканія на предсѣдателей, и мы утверждаемъ, что опредѣленной тенденціи въ дѣятельности предсѣдателей до сихъ поръ не замѣчалось. Характеръ дѣятельности каждаго предсѣдателя опредѣляется не тенденціями, господствующими

въ судахъ, а личностью каждаго изъ нихъ и взглядомъ на характеръ дѣла во всей его совокупности.

Разсмотрѣвъ общее направленіе дѣятельности предсѣдателей и уяснивъ себѣ, чѣмъ именно болѣе всего можетъ вліять предсѣдатель на рѣшеніе присяжныхъ, мы можемъ уяснить себѣ, при какихъ условіяхъ и какіе именно предсѣдатели болѣе вліяютъ на присяжныхъ. Здѣсь мы опять сталкиваемся съ вопросомъ о вліяніи личности дѣятеля. Какъ мы видѣли, присяжные засѣдатели вообще расположены слушаться предсѣдателей, и тѣ предсѣдатели, которые умѣютъ поддержать это расположеніе, могутъ пользоваться почти безграничнымъ вліяніемъ. Для этого требуется только способность говорить простымъ, понятнымъ языкомъ и не быть вообще явно пристрастнымъ къ обвиненію или защитѣ, т. е. не обнаруживать того или другаго направленія всей своею дѣятельностью. Еще большимъ вліяніемъ пользуются тѣ предсѣдатели, которые умѣютъ говорить присяжнымъ, не намекая даже на свое мнѣніе, а осторожно сопоставляя обстоятельства дѣла въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ они представляются ему, или въ какомъ онъ желаетъ представить дѣло присяжнымъ. Въ этомъ случаѣ, какъ замѣчено всѣми, вліяніе предсѣдателей почти безгранично даже и надъ интелигентнымъ составомъ присяжныхъ. Человѣческой природѣ противно всякое пристрастіе и потому вообще на людей производятъ большее впечатлѣніе люди объективные; если же они будутъ увлечены и затѣмъ раскаются въ этомъ увлеченіи, то, очевидно, они не простятъ этого увлекшему ихъ и будутъ относиться къ нему недовѣрчиво; это общее правило какъ нельзя болѣе примѣнимо къ дѣятельности предсѣдателей. Присяжные засѣдатели слушаются предсѣдателя до тѣхъ поръ, пока онъ осторожно вліяетъ на нихъ; если же онъ увлекъ ихъ на такое рѣшеніе, о которомъ они потомъ сожалѣютъ, или если онъ постоянно относится враждебно къ защитѣ или обвиненію, они невольно перестаютъ довѣрять ему и относятся ко всѣмъ доводамъ его критически. Въ глазахъ присяжныхъ такой предсѣдатель перестаетъ быть „судомъ“, а дѣлается стороной. Все это не

есть наше единичное наблюденіе, а замѣчено всѣми судебными дѣятелями, которымъ не одинъ разъ приходилось выслушивать мнѣнія лицъ, бывшихъ присяжными, о предсѣдателяхъ. До какой степени бываютъ противоположны вліянія предсѣдателей, видно изъ того, что тѣ предсѣдатели, кои постоянно проводятъ извѣстное направленіе, обвинительное или защитительное, въ общей суммѣ дѣлъ достигаютъ противныхъ результатовъ. Въ одномъ судѣ были два члена суда, весьма способные, всегда предсѣдавшіе на сессіяхъ. Одинъ членъ суда, строгій послѣдователь Канта, говорилъ только обвинительныя резюме и всегда велъ дѣло къ обвиненію; другой человѣкъ мягкій, снисходительный, наоборотъ, всегда находилъ смягчающія вину обстоятельства и говоритъ чуть не защитительныя рѣчи. Черезъ нѣсколько лѣтъ совмѣстной ихъ дѣятельности, вслѣдствіе зашедшаго спора, были собраны свѣдѣнія о числѣ всѣхъ подсудимыхъ, сужденныхъ и осужденныхъ присяжными въ засѣданіяхъ подъ ихъ предсѣдательствованіемъ, и оказалось,—что первый членъ суда достигъ противоположныхъ результатовъ: у него на семь процентовъ было больше оправдательныхъ рѣшеній, чѣмъ у втораго. Если имѣть въ виду, что члены суда проявляли свою дѣятельность одновременно, въ одной мѣстности, при одинаковыхъ условіяхъ, съ однимъ и тѣмъ же составомъ прокуроровъ и защитниковъ, то причина такой большой разницы въ числѣ оправдательныхъ и обвинительныхъ рѣшеній станетъ совершенно понятною и какъ нельзя болѣе доказываетъ нашу мысль о вліяніи предсѣдателей на присяжныхъ засѣдателей.

Таково вліяніе предсѣдателей на присяжныхъ вообще, въ частности же это вліяніе и степень его разнообразны до безконечности и уловить общую черту или характеръ его невозможно. Единственно, что замѣчено судебными дѣятелями это то, что если предсѣдатель захочетъ провести свое мнѣніе, несогласное ни съ мнѣніемъ прокурора, ни съ мнѣніемъ защитника, то въ результатѣ весьма часто получается или несообразное рѣшеніе, или неожиданныя обвинительныя, а

чаще оправдательныя рѣшенія. Такое отношеніе предсѣдателя къ дѣлу приходится иногда наблюдать, и такой исходъ дѣла объясняется очень просто. Предсѣдатель не соглашается съ мнѣніемъ сторонъ о дѣлѣ и хочетъ провести свое, по его убѣжденію, болѣе соотвѣтствующее истинѣ въ дѣлѣ или справедливости. Присяжные засѣдатели видятъ предъ собою не два мнѣнія сторонъ, а еще третье, мнѣніе предсѣдателя. Весьма естественно, что и въ средѣ ихъ образуется не два, а нѣсколько мнѣній и большинство составляется или изъ тѣхъ мнѣній, которыя болѣе сходственны между собою, или, при несогласимости мнѣній, изъ стоящихъ за оправданіе, въ силу возникшихъ сомнѣній по дѣлу. Напримѣръ, Иванъ обвинялся въ умышленномъ убійствѣ; прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе; защитникъ доказываетъ, что убійство было нечаянное; предсѣдатель объясняетъ, что подсудимый можетъ обвиняться въ нанесеніи смертельной раны покойному: присяжные выносятъ оправдательное рѣшеніе. Другой примѣръ, врачъ опредѣлилъ, что смерть женщины послѣдовала отъ нервнаго истощенія, вызваннаго массою повторныхъ ударовъ по всему тѣлу, а слѣдствіемъ установлено, что удары нанесены намоченными въ водѣ веревками, въ теченіи двухъ часовъ, безъ особаго на то повода, мужемъ умершей, живущимъ съ другою женщиною; прокуроръ поддерживаетъ обвиненіе въ истязаніи жены, послѣдствіемъ котораго была смерть ея; защитникъ доказываетъ, что это были простые побои, часто наблюдаемые въ крестьянской средѣ, а не истязаніе; предсѣдатель, находя угрожащее наказаніе несоразмѣрно строгимъ, объясняетъ присяжнымъ, что истязаніе было несомнѣнно, но что недостаточно доказана причинная связь между ними и смертью, которая могла послѣдовать и отъ другой причины,—присяжные оправдываютъ подсудимаго. Третій примѣръ, обвиняется подсудимый въ поджогѣ изъ мести ночью обитаемаго дома, отчего сгорѣла половина деревни; огонь показался въ сараѣ, стоявшемъ рядомъ съ домомъ; прокуроръ отказался отъ обвиненія, находя улики недостаточными; предсѣдатель, до нѣкоторой степени убѣжденный въ виновности и, вмѣстѣ съ тѣмъ,

не желая подвергать подсудимаго строгому наказанію за поджогъ обитаемаго дома, объясняетъ, что подсудимый можетъ обвиняться въ поджогѣ нежилаго строенія, сарая, ибо онъ могъ не сообразить, что огонь перейдетъ и на жилые дворы, присяжные выносятъ безусловно обвинительное рѣшеніе по первому обвиненію.

Мы привели примѣры изъ практики судовъ, по коимъ присяжные впослѣдствіи объясняли свои рѣшенія именно разностью взглядовъ сторонъ и предсѣдателя. Такихъ примѣровъ можно было бы привести много, ибо они встрѣчались довольно часто, но и приведенныхъ вполнѣ достаточно, чтобы судить—насколько и какъ вліяютъ на присяжныхъ засѣдателей объясненія предсѣдателей, несогласныя съ доводами сторонъ. Чтобы вполнѣ исчерпать изслѣдуемый нами вопросъ, необходимо еще указать на то, что и предсѣдатели, какъ и прокуроры (на что нами указано) не чужды самолюбивому желанію провести свой взглядъ на дѣло, „поставитъ на своемъ“. Въ этихъ случаяхъ стремленіе провести свой взглядъ бываетъ такъ велико, что предсѣдатель прямо говоритъ обвинительныя или защитительныя рѣчи болѣе сильнаго характера, чѣмъ говорятъ ихъ стороны.

Хотя такія резюме предсѣдателей прямо противорѣчатъ понятію о роли предсѣдателя, и законъ для огражденія правильности рѣшенія и предоставилъ сторонамъ право требовать занесенія въ протоколъ судебнаго засѣданія резюме предсѣдателя, чтобы затѣмъ имѣть возможность просить о кассаціи рѣшенія присяжныхъ, но такое право въ громадномъ большинствѣ случаевъ сводится къ нулю, чѣмъ предсѣдатели и пользуются.

Прежде всего, весьма трудно, даже невозможно, обязать судъ точно занести въ протоколъ резюме предсѣдателя. Стенографически резюме не записывается, а судьи въ большинствѣ случаевъ особенно внимательно за нимъ не слѣдятъ. Поэтому исполненіе требованія о занесеніи въ протоколъ сводится или къ приказанію предсѣдавшаго секретарю занести въ протоколъ то, что онъ продиктуетъ, или къ разрѣ-

шенію судомъ спора между предсѣдавшимъ и стороною, т. е. въ сущности къ признанію судомъ домогательства стороны неправильною. Почему въ судѣ могутъ встрѣчаться такія явленія, мы увидимъ, когда будемъ разсматривать степень участія членовъ суда въ производствѣ дѣла.

Точно также и сенатъ, сознавая вѣроятно, что судья не можетъ быть тѣмъ предсѣдателемъ, какимъ хотѣлъ его видѣть законъ, долженъ былъ поступиться закономъ и цѣлымъ рядомъ рѣшеній почти что узаконилъ право предсѣдателей говорить обвинительныя или защитительныя рѣчи, лишь бы съ формальной стороны они не нарушали какого либо процессуальнаго закона. Благодаря такому направленію кассаціонной практики, теперь иные предсѣдатели нисколько не стѣсняются въ изложеніи резюме, но стремятся поставить себя въ оложеніе руководящихъ рѣшеніемъ присяжныхъ, результатомъ чего теперь нерѣдко можно услышать или „руководящія мнѣнія“ такого рѣзко обвинительнаго характера, которыя ни въ какомъ случаѣ не должны бы были раздаваться въ стѣнахъ суда, или какія нибудь неслыханные „коренные законы, на коихъ зиждется судъ присяжныхъ“, напримѣръ: „и если въ комъ либо изъ васъ возникаетъ сомнѣніе въ виновности подсудимаго, то это сомнѣніе вы сообщите своимъ товарищамъ при вашемъ совѣщаніи, дабы въ этомъ случаѣ не было вынесено обвинительное рѣшеніе, такъ какъ коренной законъ, на коемъ зиждется судъ присяжныхъ, состоитъ въ томъ, что всякое сомнѣніе должно толковаться въ пользу подсудимаго и вы должны помнить съ высоты престола преподанное вамъ правило—лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ обвинить одного невинно“. Образцовъ подобныхъ резюме, и даже болѣе сильнаго характера, можно было бы привести много и противъ нихъ стороны ничего не могутъ подѣлать, благодаря направленію сенатской практики.

Такимъ-то образомъ вліяютъ на присяжныхъ предсѣдатели, которые умѣютъ и могутъ быть предсѣдателями; но ни для кого не секретъ, что не всѣ предсѣдательствующіе удовлетворяютъ даже невзыскательнымъ требованіямъ, которыя слѣ-

дуетъ предъявить къ нимъ какъ предсѣдателямъ, и не только не могутъ объяснять хорошо обстоятельствъ дѣла, но и законовъ, толкуемыхъ ими вкривь и вкось. Вполнѣ уяснить какъ ведутся дѣла по засѣданіямъ столичныхъ судовъ и по громкимъ процессамъ невозможно, для этого нужно, выслушать массу ихъ въ разныхъ судахъ и собрать массу свѣдѣній о нихъ изъ разныхъ уголковъ; эти послѣднія свѣдѣнія, хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ въ частности и не были вѣрны, позволятъ вывести извѣстное заключеніе, дополняющее собственныя наблюденія. Мы считаемъ себя вправѣ сказать, что иногда въ резюме предсѣдателей не только нѣтъ правильнаго изложенія обстоятельствъ дѣла, но и толкованіе закона бываетъ такое, что судьи, сидящіе рядомъ съ предсѣдателемъ, только пожимаютъ плечами. Не говоря уже о спорныхъ вопросахъ, но и самые простые вопросы иногда толкуются Богъ знаетъ какъ. Напримѣръ, обвиняется подсудимый въ грабежѣ и объясняетъ, что онъ ничего не помнитъ, ибо былъ пьянъ, а предсѣдатель докторально разъясняетъ присяжнымъ: „если вы признаете объясненія эти правдоподобными, то должны признать, что подсудимый совершилъ не грабежъ, открытое похищеніе, а кражу, тайное похищеніе“. Предсѣдатель слышалъ, что обобраніе пьянаго до безсознательности не можетъ признаваться за грабежъ и понятіе безсознательности отъ пьянства перенесъ съ потерпѣвшаго на подсудимаго.

Изъ всего сказаннаго нами можно вывести заключеніе — насколько въ иныхъ случаяхъ бываетъ благотворно вліяніе предсѣдателей на присяжныхъ. Особенно это вліяніе сказывалось въ первое время по открытіи судовъ, когда присяжные не знали ни своихъ правъ и обязанностей, ни правъ и обязанностей предсѣдателя и сторонъ. Иногда бывали такіе странные факты, которые изумляли всѣхъ и, разумѣется порождали массу нареканій. Такъ напримѣръ: обвинялась въ совершеніи нѣсколькихъ кражъ шайка конокрадовъ, державшая въ страхѣ все мѣстное населеніе. Предсѣдатель сказалъ обвинительное резюме, по окончаніи котораго защитникъ просилъ предсѣдателя занести его въ протоколъ, такъ какъ это

было не законное резюме, а вторая обвинительная рѣчь Предсѣдатель, приказавъ занести свою рѣчь въ протоколъ, вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ своимъ долгомъ объяснить присяжнымъ: „все, что вы отъ меня слышали для васъ нисколько не обязательно. Несмотря на указанныя обвинителемъ и мною улики противъ подсудимыхъ вы все таки имѣете право отвѣтить по всѣмъ вопросамъ—нѣтъ невиновенъ“! Присяжные такъ и поступили и на всѣ вопросы отвѣтили отрицательно. Послѣ того присяжные (большинство ихъ было неграмотно) горько упрекали себя въ томъ, что они оправдали подсудимыхъ и говорили, что они это сдѣлали скрѣпя сердце, полагая, что судъ черезъ предсѣдателя приказываетъ имъ дать такой отвѣтъ.

Изъ нашего замѣчанія, что иные предсѣдательствующіе не отвѣчаютъ даже невзыскательнымъ требованіямъ, которыя слѣдовало бы предъявить къ предсѣдателю, невольно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ, могутъ такія лица предсѣдательствовать въ засѣданіяхъ, когда на это имѣютъ право только предсѣдатели, ихъ товарищи и старшіе члены суда, слѣдовательно болѣе опытные изъ нихъ?

Объясняется это очень просто. Всѣмъ извѣстно, что на должности судей, т. е. предсѣдателей, ихъ товарищей и членовъ суда до сихъ поръ назначались лица не по способностямъ ихъ быть судьями, а часто по совершенно посторонними соображеніямъ, и не для кого не составляетъ секрета, что далеко не всѣмъ судьямъ слѣдовало бы быть судьями. Поэтому понятно, что не всѣ судьи обладаютъ способностями и качествами, которыя желалъ видѣть въ судьѣ законодатель. Между тѣмъ, такіе судьи, благодаря существующимъ условіямъ, являются предсѣдательствующими наравнѣ съ другими, а въ нѣкоторыхъ судахъ исключительными предсѣдательствующими.

Предсѣдатели судовъ присутствуютъ въ засѣданіяхъ только въ мѣстахъ нахожденія судовъ (они вообще выѣзжаютъ на сессіи исключительно рѣдко) и то неособенно часто; товарищи предсѣдателя хотя и выѣзжаютъ на уѣздныя сессіи, но

не на всѣ, что имъ и физически невозможно. Поэтому большинство сессій ведется подъ предсѣдательствованіемъ членовъ суда. До 1885 года, въ тѣхъ случаяхъ, когда въ составѣ суда нѣтъ предсѣдателя или его товарища, предсѣдательствовалъ въ засѣданіи старшій по времени назначенія членъ суда (ст. 144 учрежд. суд. установленій). Только въ нѣкоторыхъ судахъ установился обычай предсѣдательствованія всѣхъ членовъ суда по очереди или по дѣламъ, производившимся въ ихъ отдѣленіяхъ и столахъ. Такъ какъ продолжительность службы въ одной должности (старшинство) не всегда обусловливаетъ опытность и знаніе дѣла, а иногда, наоборотъ, является результатомъ неопытности, то понятно, что старшинство не всегда даетъ нравственное право на первенство среди равныхъ, т. е. на предсѣдательство. Въ нѣкоторыхъ судахъ есть члены, которые, по общему мнѣнію всѣхъ судей, не могутъ и не должны предсѣдательствовать, съ которыми даже весьма неохотно засѣдаютъ въ качествѣ вторыхъ членовъ ихъ товарищи, все таки они постоянно предсѣдательствуютъ и творятъ свой судъ. Мы говоримъ „творятъ свой судъ“, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что „присутствіе“ на судѣ инаго предсѣдателя гораздо вреднѣе для дѣла „отсутствія“, (о которомъ мы говорили) одной изъ сторонъ.

Такой анормальный порядокъ, въ связи съ тѣмъ громаднымъ вліяніемъ, которое по закону и на практикѣ имѣетъ предсѣдатель на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей, побудилъ министерство юстиціи выработать особыя правила (законъ 20 мая 1885 г.), въ силу коихъ предсѣдательствованіе въ засѣданіяхъ возлагается не на старшихъ по назначенію членовъ суда, а только на тѣхъ, на предсѣдательствованіе которыхъ изъявитъ свое согласіе старшій предсѣдатель судебной палаты, для чего заранѣе ему сообщается предсѣдателемъ суда списокъ предположенныхъ сессій, съ указаніемъ предполагаемыхъ предсѣдателей. Этотъ законъ, насколько намъ извѣстно, не особенно помогъ дѣлу, да врядъ ли въ скоромъ времени и можетъ помочь ему. Во всѣхъ судебныхъ округахъ старшіе предсѣдатели не знаютъ и не могутъ знать всѣхъ членовъ,

ибо лично хорошо ознакомиться съ составомъ судовъ имъ, старшимъ предсѣдателямъ, весьма и весьма трудно. Вотъ почему волею—неволею они должны руководиться рекомендаціями и аттестаціями предсѣдателей судовъ—кто изъ членовъ суда по ихъ мнѣнію способенъ къ предсѣдательствованію. Весьма естественно, что по мнѣнію предсѣдателя всѣ члены суда окажутся *одинаково* способными въ силу знанія или „опытности". Рекомендація, не лестная для всѣхъ членовъ суда, но отвѣтъ понятный, ибо предсѣдателямъ прямо невыгодно аттестовать съ противной стороны члена суда, когда это можетъ повести къ замедленію разсмотрѣнія дѣлъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ сущности законъ 20 мая 1885 года не измѣнилъ порядка назначенія предсѣдательствующихъ въ засѣданіяхъ и въ скоромъ времени измѣнить его не можетъ и что только въ исключительныхъ случаяхъ, когда предсѣдательствованіе иного члена суда станетъ „притчею въ языцѣхъ", старшій предсѣдатель можетъ узнать о такомъ членѣ суда и положить предѣлъ дальнѣйшему предсѣдательствованію его.

XIX.

Мы видѣли, что предсѣдатели на присяжныхъ засѣдателей вліяютъ весьма сильно и что мнѣніе предсѣдателя о дѣлѣ, высказываемое имъ въ своемъ резюме, слагается изъ суммы всѣхъ впечатлѣній, получаемыхъ имъ изъ знакомства съ предварительнымъ слѣдствіемъ, отъ судебнаго слѣдствія, характера преступленія и личности потерпѣвшаго и подсудимаго. Что на предсѣдателя, а слѣдовательно и на его мнѣніе о дѣлѣ, вліяютъ еще въ значительнѣйшей степени стороны, своею личностью, исходя изъ оцѣнки коей предсѣдатель оцѣниваетъ въ своемъ резюме и доводы сторонъ—это весьма понятно. Если предсѣдатель относится симпатично къ одной изъ сторонъ и несимпатично къ другой, то къ требованіямъ и доводамъ первой, иной предсѣдатель, въ силу своей субъективности, будетъ относиться нѣсколько иначе, чѣмъ къ требованіямъ и доводамъ второй. Извѣстно, что отношенія пред-

сѣдателя и сторонъ на судѣ не разъ обострялись настолько, что переходили прямо въ форму пререканій. Пререканія не могли не оставлять нѣкотораго впечатлѣнія на пререкавшихся, которое въ иныхъ случаяхъ и сказывалось въ той или другой формѣ, и скорѣе всего въ резюме предсѣдателя. Вотъ почему, чтобы уяснить себѣ причину и характеръ взаимныхъ отношеній предсѣдателей и сторонъ на судѣ, и степень вліянія этихъ отношеній на рѣшеніе присяжныхъ, мы должны, хотя слегка, коснуться этого вопроса.

Тому, кто слѣдилъ за дѣятельностью судовъ со времени ихъ открытія, извѣстно, какъ часто, въ особенности въ прежнее время, наблюдались пререканія и недоразумѣнія между предсѣдателями съ одной стороны и прокуратурой и защитниками—съ другой. Въ прежнее время рѣдкій день не приносилъ газетной вѣсти о какомъ-нибудь столкновеніи въ судахъ; теперь эти вѣсти приходятъ рѣдко. Подобныя столкновенія не всегда были достояніемъ газетъ: въ нихъ появлялись описанія болѣе рѣзкихъ случаевъ и, понятно, что въ дѣйствительности они проявлялись чаще, чѣмъ это казалось. Кругъ дѣятельности суда, предсѣдателя, прокурора и защитника очерченъ закономъ совершенно опредѣленно, а потому, казалось бы, что подобнымъ пререканіямъ не должно быть мѣста въ судахъ. Чѣмъ же объясняется проявленіе ихъ на судѣ? Объясняется это прежде всего и главнѣе всего личностями пререкающихся. Мы не будемъ разсматривать причинъ, породившихъ ненормальныя условія взаимныхъ отношеній суда и его органовъ, ибо это въ данномъ случаѣ вывело бы насъ за предѣлы нашего очерка, но исходя изъ того, что ненормальныя условія существовали, разсмотримъ только, какъ и въ чемъ проявлялись и проявляются на судѣ неумѣстныя столкновенія и насколько они могутъ вліять на ходъ дѣла суда [1]).

[1]) Взаимныя отношенія судебной администраціи, судовъ, прокуратуры и администраціи, и вліяніе ихъ на ходъ всего дѣла суда, представляютъ весьма интересный и сложный вопросъ. Въ близкомъ будущемъ мы предполагаемъ разсмотрѣть этотъ вопросъ подробно въ другомъ очеркѣ.

Нѣкоторые исповѣдуютъ то убѣжденіе, что въ силу самаго порядка вещей, созданнаго судебными уставами, между судами и прокуратурой не можетъ не быть антагонизма, и что несмотря, повидимому, на хорошія отношенія нѣкоторыхъ судовъ и прокуроровъ, искренности въ этихъ отношеніяхъ не бываетъ. Мы, въ силу многолѣтней нашей практики, нашихъ наблюденій и имѣющихся у насъ свѣдѣній, утверждаемъ, что такое мнѣніе ошибочно въ своемъ корнѣ. Въ самый разгаръ борьбы судовъ и прокуратуры (въ началѣ семидесятыхъ годовъ), когда страсти были сильно возбуждены, во многихъ судахъ взаимныя отношенія судовъ и прокуратуры были вполнѣ искренни и даже въ тѣхъ судахъ, гдѣ борьба была въ полной силѣ, меньшинство, а иногда и большинство членовъ суда и прокуратуры, сохраняло искреннія между собою отношенія и только въ качествѣ зрителей наблюдало за борьбой прокурора, предсѣдателя и ихъ партій въ судѣ. Да иначе и быть не можетъ. Отношенія людей обусловливаются главнымъ образомъ ихъ личностями и потому этотъ могучій факторъ не могъ не оказывать вліянія и на дѣловыя отношенія людей. Отсюда является понятнымъ, что всѣ пререканія на судѣ между предсѣдателями и прокурорами являлись, главнымъ образомъ, результатомъ взаимныхъ отношеній ихъ, какъ людей, и что искуственно вызванныя, ненормальныя условія отношеній судовъ и прокуратуры были только причиною, способствующею проявленію этихъ отношеній. Если два человѣка не симпатизируютъ, не уважаютъ и не довѣряютъ другъ другу, то нужно обоимъ обладать большимъ тактомъ, характеромъ, воспитанностью и чувствомъ мѣры, чтобы при столкновеніи на поприщѣ общественной дѣятельности, отношенія ихъ не проявлялись болѣе или менѣе ярко. Достаточно одному изъ нихъ быть недостаточно сдержаннымъ, чтобы другой, сдержанный, позволилъ бы себѣ что-либо отвѣтить. Въ дѣлѣ суда непріязненныя отношенія должны были проявляться рѣзче, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ дѣлѣ, ибо малѣйшее уклоненіе отъ нормальныхъ отношеній, даже тонъ рѣчи или обращенія, дѣлалось замѣтнымъ для всѣхъ и производило впечатлѣніе. Между тѣмъ въ дѣлѣ суда для такихъ

проявленій иногда существовала готовая почва. Дѣло суда для всѣхъ было дѣломъ новымъ и у судебнаго вѣдомства не было никакихъ обычаевъ и традицій. Свое положеніе на судѣ, свою власть, свое вліяніе и силу своихъ требованій, всякій понималъ по своему. Несмѣняемость нѣкоторыми понималась какъ безотвѣтственность и она выставлялась на показъ, чтобы затѣмъ похвастаться искренностью и независимостью своихъ убѣжденій; съ другой стороны иные прокуроры, принимая такой намекъ на ихъ смѣняемость, а слѣдовательно на ихъ неискренность, за оскорбленіе своего достоинства, желая показать, что они, радѣя объ общественномъ благѣ, что-нибудь да значутъ и что требованіе ихъ должно имѣть особое для предсѣдателя значеніе, тоже позволяли себѣ подчеркивать тонъ и характеръ своихъ отношеній къ предсѣдателю. Немудрено, что при такомъ положеніи малѣйшаго повода было достаточно, чтобы характеръ взаимныхъ отношеній выразился рѣзко или со стороны предсѣдателя, или со стороны прокурора. На этой-то почвѣ ненормальныхъ отношеній и возникъ совершенно праздный и неумѣстный вопросъ „о стояніи или сидѣніи“ прокуратуры. Вопросъ этотъ, странный теперь, отойдя къ области минувшихъ дней, былъ жгучъ тогда, когда въ вставаніи и сидѣніи прокуратуры нѣкоторые суды и прокуроры видѣли оскорбленіе своего достоинства, которое почему-то именно въ этомъ, а не въ чемъ-либо болѣе серьезномъ, они старались всѣми силами оберегать. Мы не погрѣшимъ противъ истины, утверждая, что вопросъ о вставаніи прокурора возбуждался только въ тѣхъ судахъ, гдѣ отношенія судовъ и прокуроровъ были натянуты и то только среди тѣхъ лицъ, кои не долюбливали лицъ прокурорскаго надзора, что этотъ вопросъ имѣлъ болѣе личный характеръ, чѣмъ принципіальный, и только прикрывался послѣднимъ. Можно было даже наблюдать, что въ самую жгучую пору этого вопроса, въ однихъ судахъ всѣ лица прокурорскаго надзора обращались къ суду и предсѣдателю вставая, а въ другихъ судахъ, къ нѣкоторымъ предсѣдателямъ, которые требовали этого, подчеркивая обязательность подчиненія прокурора на судѣ ему, предсѣдателю, обращались сидя, что дѣлалось, на

сколько намъ извѣстно, безъ всякаго предварительнаго соглашенія. Намъ, напр., извѣстенъ такой случай. Въ одномъ судѣ прокуратура съ судомъ жила весьма дружно. Всѣ прокуроры, обращались къ суду и предсѣдателю непремѣнно стоя, но къ одному предсѣдательствующему нѣкоторые прокуроры обращались всегда сидя, такъ какъ онъ всегда старался выказать, что онъ-де первое лицо и прокуроръ ему подчиненъ; это „сидѣнье“ безконечно сердило предсѣдательствующаго и, въ свою очередь, было причиною подсмѣиванья надъ нимъ сослуживцевъ. И вотъ однажды предсѣдательствующій не выдержалъ и замѣтилъ прокурору: „вы обращаетесь къ суду сидя, что должно быть признано мною крайне неприличнымъ. Предлагаю вамъ встать и стоя дѣлать свои заявленія“. На это прокуроръ сидя отвѣчалъ: „я, какъ и всѣ, отношусь къ суду съ такимъ глубокимъ уваженіемъ, что никогда не позволю себѣ не встать, обращаясь къ суду; но въ данномъ случаѣ я обращался не къ суду, а къ вамъ, г. предсѣдатель“. Тонъ этого отвѣта соотвѣтствовалъ сущности его, что все вмѣстѣ произвело большое впечатлѣніе.

Нѣтъ надобности доискиваться, кто болѣе виноватъ въ этихъ пререканіяхъ—предсѣдатель или прокуроръ? И между прокурорами были заносчивые люди и между предсѣдательствующими были невозможные предсѣдатели. Дѣльному и серьезному предсѣдателю не трудно обойтись безъ пререканій, а дѣльный и серьезный прокуроръ всегда съумѣетъ обойти ихъ и оградить свое достоинство, не упуская при этомъ изъ виду пользы дѣла. Вѣрнѣе всего, что въ подобныхъ пререканіяхъ одинаково виноваты какъ тѣ, такъ и другіе. Но какъ бы то ни было, а результатомъ подобныхъ пререканій прокуроры похвалиться не могутъ, ибо послѣдствіемъ ихъ было раздраженіе противъ нихъ предсѣдателей, а раздраженіе, въ свою очередь, *иногда* сказывалось вольно или невольно въ характерѣ резюме. Иной предсѣдатель, находясь подъ впечатлѣніемъ пререканія, оцѣнивая въ резюме приводимые прокуроромъ доводы со своей точки зрѣнія, представлялъ эти доводы не въ должномъ свѣтѣ или опускалъ ихъ, что иногда могло вліять на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Мы гово-

римъ *иногда*, ибо не на всѣхъ предсѣдателяхъ оно сказывалось въ такой сильной степени и не всѣ предсѣдатели, какъ мы видѣли, обладаютъ способностью заставлять присяжныхъ засѣдателей руководиться ихъ совѣтами.

Не подлежитъ сомнѣнію, что такія отношенія между предсѣдателями и прокурорами болѣе чѣмъ неудобны. Но спрашивается: можно ли строго винить судебныхъ дѣятелей за проявленіе ихъ? Чтобы быть справедливымъ необходимо помнить, что самолюбіе людей такой факторъ, который умныхъ людей заставляетъ дѣлать крупныя глупости, который людей съ государственнымъ умомъ заставляетъ дѣлать непоправимыя государственныя ошибки, который иногда рѣшалъ характеръ политики даже конституціонныхъ государствъ, который даже былъ причиною міровыхъ событій. На всѣхъ ступеняхъ государственной и общественной жизни, не только у насъ, но и во всемъ мірѣ, между дѣятелями часто происходитъ страшная борьба изъ за оскорбленнаго самолюбія, когда дѣло отодвигается на второй планъ и служитъ только орудіемъ борьбы или прикрытіемъ истинной причины ея. Вѣдь это всѣмъ извѣстно. Такъ за что же бросать камень въ тѣхъ, кто также оберегалъ свое самолюбіе и можетъ быть своеобразно, поддерживалъ свое достоинство тѣмъ, что хотя и могло отдаленно вредить дѣлу, но прямого, явнаго вреда не причиняло? Но нужно также при этомъ имѣть въ виду, что среди самихъ судебныхъ дѣятелей вскорѣ явилось сознаніе безцѣльности этой борьбы, а главное—ея неумѣстности.

Сознаніе это на столько окрѣпло, что теперь подобныя пререканія являются исключительно рѣдкими. Пожалуй замѣтятъ,—что теперь, благодаря измѣнившемуся взгляду судебной администраціи и извѣстному рѣшенію сената, подобныя пререканія невозможны. Такое замѣчаніе невѣрно: и теперь, какъ и прежде, возможны пререканія между предсѣдателемъ и прокуроромъ, лишь стало бы на то охоты. Отсутствіе пререканій между предсѣдателями и прокурорами слѣдуетъ отнести *исключительно* только къ сознанію судебныхъ дѣятелей о неумѣстности ихъ;—*это сознаніе служитъ луч-*

шимъ доказательствомъ того, что громадное большинство людей, служащихъ дѣлу суда, правильно понимаютъ его, интересуются имъ и дорожатъ имъ.

То, что мы говорили о пререканіяхъ предсѣдателя съ прокуроромъ, точно также относится и къ наблюдаемымъ пререканіямъ между предсѣдателемъ и защитникомъ, только, разумѣется, причины ихъ иныя. Къ сожалѣнію слѣдуетъ замѣтить, что до настоящаго времени пререканія эти не прекращаются. Это даетъ намъ право заключить, что они зависятъ исключительно отъ личности нѣкоторыхъ защитниковъ и слабости предсѣдателей, допускающихъ пререканія. Характеръ пререканій мы указали выше.

Слѣдуетъ также отмѣтить тотъ фактъ, что суды внѣшнимъ образомъ не всегда одинаково относятся ко всѣмъ защитникамъ. Съ иными „маленькими“ адвокатами суды иногда обращаются безцеремонно, тогда какъ къ иному защитнику „изъ извѣстныхъ“ они обращаются съ такою предупредительностью, которая бросается въ глаза. Иногда она доводится до комизма и напоминаетъ извѣстный комическій разсказъ: „Le célèbre avocat de Paris, qui vient plaider le procés devant le tribunal de X“ Отчасти и эта неодинаковость отношеній судовъ ко всѣмъ адвокатамъ служитъ поводомъ къ пререканіямъ.

XX.

Выше мы указывали, что присяжные засѣдатели смотрятъ на предсѣдателя какъ на представителя суда, которому (суду) они обязаны довѣряться и который объясняется съ ними устами его, что для нихъ предсѣдатель является „судомъ“ и что благодаря этому предсѣдатель оказываетъ на нихъ громадное вліяніе. Присяжные засѣдатели, какъ и общество, смотрятъ на дѣйствія и распоряженія предсѣдателя какъ на выраженіе дѣйствій суда и придаютъ имъ особое значеніе, какого, разумѣется, не придавали бы, если бы были убѣждены, что дѣйствія предсѣдателя есть выраженіе его личности, а не постановленія суда. Точно также мы указывали на то, что вліяніе предсѣдателей на рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей далеко не всегда бываетъ благотворнымъ. Рядомъ съ предсѣ-

дателемъ въ засѣданіи сидятъ два члена суда, между которыми онъ только primus inter pares и которые казалось бы могутъ и обязаны остановить его увлеченіе и тѣмъ предотвратить неблаготворное по ихъ мнѣнію вліяніе его на присяжныхъ. Между тѣмъ всѣмъ, близко стоящимъ къ суду, постоянно приходится наблюдать, что несмотря на явное пристрастіе или увлеченіе предсѣдателя въ ту или другую сторону, судьи, не раздѣляя этого пристрастія, тѣмъ не менѣе не оказываютъ должнаго вліянія на предсѣдателя. Это обязываетъ насъ выяснить—насколько дѣйствія предсѣдателя, въ силу различныхъ условій, находятся подъ контролемъ засѣдающихъ съ нимъ судей и санкціонируются судомъ и насколько контроль суда можетъ служить гарантіей ихъ правильности и справедливости.

На предсѣдателѣ лежитъ только обязанность руководить ходомъ судебнаго засѣданія и давать присяжнымъ объясненія, предписанныя 801—804 ст. устава; опредѣленіе же условій производства дѣла въ судебномъ засѣданіи и разрѣшеніе всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, возникающихъ при производствѣ его, относится къ компетенціи суда. По каждому обыкновенному дѣлу на судѣ всегда возникаютъ разные вопросы, разрѣшаемые судомъ; вопросы эти разнообразны до безконечности. Одни изъ нихъ имѣютъ серьезное вліяніе на ходъ дѣла, другіе никакого вліянія на него не оказываютъ и возбуждаются или для соблюденія необходимыхъ формальностей, или по пустякамъ; одни изъ нихъ разрѣшаются судомъ, другіе же разрѣшаются предсѣдателемъ. Предсѣдатель разрѣшаетъ иные процессуальные вопросы потому, что провести точную грань между ними и вопросами по управленію ходомъ судебнаго засѣданія невозможно. Всѣ процессуальные вопросы, возбуждаемые на судѣ, какъ бы они ни были по существу своему разнообразны, можно раздѣлить по слѣдующимъ категоріямъ: 1) о неявкѣ свидѣтелей и зависящихъ отъ сего послѣдствіяхъ—отсрочки или продолженія судебнаго засѣданія (ст. 626 и 640 устава); 2) о закрытіи дверей суда для публики (ст. 622);

3) объ избраніи состава присяжныхъ засѣдателей; 4) о приводѣ свидѣтелей къ присягѣ (ст. 705—708); 5) о прочтеніи показаній свидѣтелей вслѣдствіе разнорѣчія ихъ (ст. 627); 6) о прочтеніи писемъ, актовъ и документовъ (ст. 629 и 687); 7) о производствѣ новыхъ осмотровъ и освидѣтельствованій (ст. 688—689); 8) о возвращеніи дѣла къ дослѣдованію вслѣдствіе выясненія новыхъ обстоятельствъ (ст. 734); 9) о предоставленіи права сторонамъ предъявлять новыя доказательства (ст. 734 и 753), и 10) о постановкѣ вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей.

Между этими вопросами мы видимъ два, разрѣшеніе коихъ въ ту или другую сторону, обусловливая иногда тотъ или другой исходъ процесса, вмѣстѣ съ тѣмъ иногда представляется сложнымъ и труднымъ—это продолженіе судебнаго засѣданія не смотря на неявку свидѣтелей и постановка вопросовъ для присяжныхъ засѣдателей. Всѣ остальные вопросы разрѣшаются безъ всякаго затрудненія, въ силу простой обыденной логики и вполнѣ яснаго закона, и только въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ какой нибудь казусъ можетъ быть предметомъ обсужденій. Поэтому, при обсужденіи послѣднихъ вопросовъ, вліяніе судей на предсѣдателя сводится къ нулю, ибо каждый членъ суда, въ отдѣльности, разрѣшилъ бы ихъ, при данныхъ условіяхъ, совершенно одинаково и совѣщаніе по нимъ есть ничто иное какъ формальность.

Такимъ образомъ мы не ошибемся, утверждая, что засѣдающіе съ предсѣдателемъ судьи могутъ оказывать вліяніе на ходъ дѣла только при разрѣшеніи продолженія слѣдствія въ случаѣ неявки свидѣтелей и при постановкѣ вопросовъ для присяжныхъ засѣдателей. Но для правильной оцѣнки силы этого вліянія необходимо имѣть въ виду условія, при коихъ оно можетъ сказаться. Судьи только тогда могутъ оказать вліяніе на ходъ дѣла, когда оба они одного мнѣнія и оппонируютъ имъ предсѣдателю, такъ какъ при разности мнѣнія ихъ и согласіи одного мнѣнія съ мнѣніемъ предсѣдателя, вопросъ будетъ разрѣшенъ согласно съ мнѣніемъ послѣдняго. Если въ засѣданіи присутствуютъ три члена суда,

то достаточно одному изъ нихъ быть согласнымъ съ предсѣдателемъ, чтобы вопросъ былъ разрѣшенъ такъ, какъ желательно ему, предсѣдателю. Затѣмъ, внѣ этихъ процессуальныхъ вопросовъ, вліяніе судей на предсѣдателя ни въ чемъ проявиться не можетъ, ибо судьи не имѣютъ права требовать отъ предсѣдателя производства судебнаго слѣдствія въ извѣстномъ порядкѣ, навязывать ему свои мнѣнія и обязывать давать присяжнымъ засѣдателямъ тѣ или другія объясненія или говорить резюме въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи. Между тѣмъ вліяніе предсѣдателя, какъ мы видѣли, сказывается именно въ управленіи ходомъ судебнаго засѣданія и главнымъ образомъ въ его резюме.

Очевидно, что въ силу самаго порядка, установленнаго закономъ, и характера всѣхъ возбуждающихся на судѣ вопросовъ, вліяніе судей на предсѣдателя можетъ сказаться въ весьма слабой степени, да и то не всегда.

Поэтому мы не ошибемся, сказавъ, что вообще судьи, засѣдающіе съ предсѣдателемъ, не составляютъ коллегіальнаго суда, а приданы предсѣдателю въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ присутствія, безъ права рѣшающаго голоса, и что вся власть какъ въ управленіи ходомъ судебнаго засѣданія, такъ и въ рѣшеніи всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, заключается въ предсѣдателѣ, независимо его опытности и знанія дѣла, только въ силу существующаго порядка вещей.

Такъ представляется вопросъ о вліяніи суда на предсѣдателя, со стороны внѣшней и закона; съ внутренней же стороны, со стороны установленнаго практикой порядка, вліяніе это мало того, что сказывается въ ничтожной степени, но оно такъ ничтожно, что сводится къ нулю, и практика доказала, что судьи, сидящіе по обѣ стороны предсѣдателя, есть совершенно ненужные совѣтники, приданные предсѣдателю развѣ только для усиленія торжественности засѣданія. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ это, стоитъ прослѣдить при какихъ условіяхъ вообще слушаются дѣла въ судахъ.

При разрѣшеніи почти всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ во время судебнаго слѣдствія, судьи хотя и

руководствуются извѣстными правилами, закономъ, но должны главнымъ образомъ сообразоваться съ степенью соотношенія возбужденныхъ вопросовъ къ дѣлу и существенности ихъ для дѣла. Для того же, чтобы имѣть право судить на сколько извѣстное обстоятельсгво существенно или несущественно для дѣла и можетъ быть опущено безъ вреда для него, необходимо знать всѣ обстоятельства дѣла по актамъ предварительнаго слѣдствія. Въ этомъ случаѣ знакомство съ дѣломъ по обвинительному акту недостаточно, такъ какъ въ обвинительный актъ вводятся не всѣ обстоятельства дѣла и многое изъ существеннаго въ немъ опущено. Поэтому, чтобы имѣть право обсуждать *всѣ* процессуальные вопросы, возбуждаемые во время судебнаго слѣдствія, необходимо всѣмъ судьямъ до засѣданія познакомиться съ дѣломъ по актамъ предварительнаго слѣдствія, что невозможно, ибо на это не хватило бы времени. Между тѣмъ для того, чтобы болѣе или менѣе цѣлесообразно вести судебное засѣданіе по какому нибудь дѣлу, необходимо ознакомиться съ нимъ по предварительному слѣдствію; не зная дѣла—вести судебное засѣданіе невозможно. А такъ какъ управляетъ ходомъ засѣданія предсѣдатель и всѣ судьи читать дѣло не имѣютъ времени, то изучаетъ дѣло только тотъ, кому приходится вести засѣданіе, т. е. предсѣдательствующій. Поэтому понятно,—что судьи, сами не зная—насколько извѣстное обстоятельство существенно или несущественно для дѣла и какое оно можетъ имѣть вліяніе на исходъ дѣла, должны обсуждать вопросъ съ точки зрѣнія предсѣдателя, знакомящаго ихъ съ существомъ дѣла, и невольно руководиться мнѣніемъ предсѣдателя. Такимъ образомъ предсѣдатель, какъ единственно изъ состава суда знакомый съ существомъ дѣла, имѣетъ рѣшающій голосъ при обсужденіи всѣхъ процессуальныхъ вопросовъ, касающихся существа дѣла и засѣдающіе вмѣстѣ съ нимъ судьи серьезнаго вліянія на рѣшеніе этихъ вопросовъ имѣть не могутъ.

Но кромѣ того члены суда не могутъ оказывать вліянія на предсѣдателя еще и вотъ почему.

Если въ засѣданіи присутствуетъ предсѣдатель суда или товарищъ предсѣдателя, то они и являются единственными вершителями всѣхъ возникающихъ на судѣ вопросовъ, подчиняясь мнѣнію судей, поскольку это мнѣніе согласно съ ихъ мнѣніемъ, или поскольку они захотятъ согласиться съ ними, такъ какъ противъ нихъ члены суда не пойдутъ, „не желая ссориться съ ними изъ за пустяковъ“.

Если присутствіе составляется изъ трехъ членовъ суда (безъ предсѣдателя или товарища предсѣдателя), то вопросы, касающіеся юридической стороны дѣла, а не существа его, иногда могутъ разрѣшаться сообща. Но присутствіе изъ трехъ членовъ составляется очень рѣдко и то только въ столицахъ, да и иногда (далеко не всегда) въ мѣстахъ нахожденія судовъ; громадное же большинство дѣлъ разсматривается судомъ на сессіяхъ, куда три члена суда никогда не выѣзжаютъ и куда въ засѣданія приглашаются или судебный слѣдователь, или почетный мировой судья, или оба вмѣстѣ. Если въ засѣданіи присутствуютъ два члена суда и судебный слѣдователь или мировой судья, то другой членъ суда только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ оказать вліяніе на рѣшеніе вопросовъ, такъ какъ и судебный слѣдователь и почетный мировой судья всегда согласятся съ предсѣдателемъ, разсуждая, что предсѣдатель долженъ быть отвѣтственъ за правильный исходъ дѣла, а не они, члены суда, и что они не могутъ и не должны мѣшать ему и принимать отвѣтственность за исходъ дѣла на себя.

Если присутствіе суда составляется изъ предсѣдательствующаго—члена суда и судей – судебнаго слѣдователя и почетнаго мироваго судьи, то очевидно, что послѣдніе никогда не пойдутъ противъ перваго и всегда будутъ соглашаться съ нимъ, такъ какъ они не могутъ имѣть своего самостоятельнаго мнѣнія.

Пожалуй, можно спросить: почему же судебный слѣдователь, считающійся членомъ суда, и почетный мировой судья, очевидно личность въ обществѣ уважаемая, не могутъ имѣть своего мнѣнія по дѣлу и вообще не оказывать вліянія на

ходъ дѣла, противопоставляя свое мнѣніе мнѣнію предсѣдателя, разъ они находятъ его неправильнымъ? Отвѣтъ весьма ясенъ. Хотя судебный слѣдователь и считается членомъ суда, но въ дѣйствительности онъ, занятый своимъ спеціальнымъ дѣломъ, не слѣдитъ за развитіемъ практики по дѣлу суда и кромѣ того, нужно чувствовать за собою особую нравственную силу, чтобы оппонировать членамъ суда: это можетъ повести къ столкновеніямъ, на которыя наталкиваться по чуждому для нихъ дѣлу у многихъ нѣтъ охоты. Затѣмъ, почетный мировой судья смотритъ на дѣло суда какъ на дѣло совершенно ему постороннее, а главное, не имѣя никакого о немъ понятія, не можетъ давать какихъ либо совѣтовъ. Ничего не зная, ничего не понимая въ процессуальныхъ вопросахъ, они не могутъ высказывать целесообразныхъ совѣтовъ по этимъ вопросамъ, и присутствуютъ въ засѣданіи, какъ справедливо говоритъ законъ, „для пополненія присутствія суда“, т. е. для украшенія его, для усиленія торжественности засѣданія. Кромѣ того, всѣмъ извѣстно, что выборъ въ почетные мировые судьи не всегда обусловливается уваженіемъ общества къ избираемымъ, а иногда обусловливается совершенно посторонними соображеніями [1]).

Мы разсмотрѣли условія проявленія дѣятельности судей въ засѣданіи суда по закону и въ дѣйствительности, на практикѣ, и смѣло можемъ утверждать, что нарисованная нами картина этой дѣятельности безусловно вѣрна, въ чемъ каждый можетъ убѣдиться, посмотрѣвъ только на то, что дѣлаютъ судьи во время засѣданія. Каждый день приходится видѣть слѣдующую картину:

Предсѣдатель болѣе или менѣе внимательно слѣдитъ за ходомъ дѣла; почетный мировой судья или рисуетъ лошадокъ

---

[1]) Намъ, напримѣръ, извѣстны нѣсколько случаевъ (ихъ разумѣется, встрѣчалось гораздо болѣе), когда почетные мировые судьи преважно засѣдали въ качествѣ третьихъ членовъ въ засѣданіяхъ суда въ теченіи долгаго времени, а затѣмъ въ томъ же судѣ занимали мѣсто помощниковъ секретарей и судебныхъ приставовъ. По нашему мнѣнію это такая профанація идеи о коллегіальномъ судѣ, коментаріи которой излишни.

и портретики, или свертываетъ изъ бумаги пѣтушковъ и лодочки, а члены суда, очевидно, не слушая дѣла, пишутъ себѣ опредѣленія или приговоры по предшествовавшимъ засѣданіямъ, торопясь окончить ихъ, чтобы не сидѣть надъ ними вечеромъ, или подписываютъ бумаги, кипы которыхъ время отъ времени приносятъ на столъ помощники секретаря. Въ рѣдкихъ случаяхъ иной членъ суда изъ молодыхъ, интересующійся еще дѣломъ, начнетъ сначала слѣдить за ходомъ его, но подъ конецъ засѣданія не выдержитъ и примется за свои приговоры и опредѣленія.

И такой судъ признается за судъ коллегіальный! Онъ коллегіальный только по названію, а не въ дѣйствительности, ибо повторяемъ весь судъ сосредоточивается въ одномъ лицѣ— предсѣдателѣ, который и управляетъ ходомъ судебнаго засѣданія и разрѣшаетъ всѣ процессуальные вопросы. Всякій справедливый и знающій дѣло суда признаетъ, что по дѣламъ, разсматриваемымъ судами съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, въ дѣйствительности у насъ существуетъ судъ единоличный, для усиленія торжественности котораго (и какъ будто только для этого), законъ установилъ еще присутствіе двухъ членовъ суда.

Все, что было сказано наши относительно разрѣшенія судомъ процессуальныхъ вопросовъ во время судебнаго слѣдствія, относится точно также и къ постановкѣ вопросовъ, предлагаемыхъ судомъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей.

Практикой уже установлено, что въ обвинительномъ актѣ излагается существо обвиненія въ той формѣ, которая обнимаетъ инкриминируемое дѣяніе и должно быть предложено на разрѣшеніе присяжныхъ. По громадному большинству случаевъ судъ предлагаетъ присяжнымъ одни вопросы по обвинительному акту и потому по этимъ дѣламъ вопросы у суда готовы и обсуждать ихъ не приходится. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда на судебномъ слѣдствіи характеръ обвиненія измѣнится или защита потребуетъ постановки дополнительныхъ вопросовъ, суду предстоитъ обсудить степень осно-

вательности домогательства сторонъ и редакцію предлагаемыхъ впросовъ. Въ такихъ случаяхъ, составляющихъ меньшинство всѣхъ дѣлъ, не смотря на относительную ихъ сложность, рѣшающее значеніе имѣетъ все таки предсѣдательствующій, въ силу тѣхъ же указанныхъ нами причинъ и всѣмъ извѣстно, что засѣдающіе судьи оказываютъ вліяніе на постановку вопросовъ весьма рѣдко,—при большомъ числѣ вопросовъ и по сложнымъ дѣламъ и только тогда, когда между ними нѣтъ ни судебнаго слѣдователя, ни почетнаго мироваго судьи.

Такимъ образомъ оказывается: 1) что на порядокъ и характеръ дѣйствій предсѣдателя, какъ бы онъ пристрастенъ ни былъ, судъ вообще оказать вліянія не можетъ, какъ не можетъ отмѣнить дѣйствія предсѣдателя и обязать его измѣнить ихъ характеръ; 2) что предсѣдатель не только по управленію ходомъ судебнаго засѣданія, но и по разрѣшенію процессуальныхъ вопросовъ свободенъ отъ вліянія суда, и 3) что это вліяніе можетъ сказаться въ весьма слабой степени только при обсужденіи вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ на разрѣшеніе и то не всегда, а по нѣкоторымъ исключительнымъ дѣламъ и при исключительныхъ обстоятельствахъ.

Это положеніе до такой степени вѣрно и до такой степени усвоено всѣми, соприкасающимися съ судомъ, что одно имя предсѣдательствующаго по данному дѣлу служитъ ручательствомъ, что все засѣданіе будетъ ведено въ извѣстномъ направленіи—обвинительномъ или защитительномъ, причемъ никогда и никто *не поинтересуется узнать—кто будетъ пополнять присутствіе суда*, такъ какъ всѣми сознается, что судьи на предсѣдательствующаго оказать вліянія не могутъ.

Вотъ почему невольно возникаетъ вопросъ: для какой цѣли по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, установленъ коллегіальный судъ? Составители судебныхъ уставовъ не могли придавать серьезнаго значенія участію въ судѣ почетнаго мироваго судьи, котораго низкій образовательный цензъ и полное незнакомство съ дѣломъ

суда прямо и очевидно доказываютъ непригодность его для пополненія присутствія суда. Допуская, хотя бы въ видѣ исключенія, приглашеніе почетнаго мироваго судьи въ засѣданіе, законъ тѣмъ самымъ установилъ коллегіальный судъ не какъ коллегію серьезныхъ, знающихъ дѣло судей для разрѣшенія всѣхъ возникающихъ на судѣ вопросовъ, а какъ простую процессуальную формальность, которой по существу какъ будто и не придавалъ особо серьезнаго значенія. Въ дѣйствительности оно такъ и оказалось.

А между тѣмъ такой порядокъ ведетъ только къ тому, что члены суда, засѣдая въ судѣ вдвоемъ или втроемъ, теряютъ напрасно свои силы, время, трудъ и казенныя деньги, не принося дѣлу пользы, тогда какъ они, свободные отъ этой скучной и непроизводительной обязанности, могли бы вести лишнія сессіи и серьезнѣе подготовиться къ дѣламъ.

Пожалуй возразятъ:—что если судьи вообще не оказываютъ вліянія на веденіе дѣлъ въ засѣданіи, то все таки хотя изрѣдка, но это вліяніе сказывается и при томъ вліяніе это можетъ сказаться путемъ нравственнаго осужденія дѣйствій предсѣдательствовавшаго товарищами, которымъ сообщитъ все происходившее членъ суда, и что боясь такого осужденія пресѣдательствующій не позволитъ себѣ ничего рѣзкаго, выходящаго изъ ряда, и компрометирующаго себя. Но такое возраженіе, если бы оно было предъявлено, невѣрно. Вліяніе судей на предсѣдательствующаго такъ рѣдко сказывается, что изъ за рѣдкаго проявленія его не стоитъ тратить столько лишняго труда, силъ и денегъ. Да притомъ, если это вліяніе иногда сказывается благотворно, то въ массѣ другихъ случаевъ оно не сказываясь ничѣмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по нашему мнѣнію (какъ увидимъ ниже), приноситъ вредъ, а не пользу. Затѣмъ, косвенно судьи никакого вліянія на предсѣдательствующихъ не имѣютъ, ибо на дѣльнаго и порядочнаго предсѣдателя нечего вліять съ этой стороны, а на иного предсѣдательствующаго ничѣмъ не повліяешь, хотя все, что творится въ судебныхъ засѣданіяхъ, дѣлается извѣстнымъ

всѣмъ и каждому и иногда служитъ предметомъ разговоровъ и даже насмѣшекъ.

Напротивъ, коллегіальный составъ суда по дѣламъ, разсматривающимся съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, скорѣе приноситъ вредъ дѣлу суда, чѣмъ пользу. Въ настоящее время масса ошибокъ предсѣдательствующихъ покрывается судомъ, такъ какъ ошибки эти могутъ повлечь за собою непріятности для засѣдавшихъ вмѣстѣ съ нимъ судей. Кому неизвѣстны подобные случаи? Много наблюдается казусовъ, гдѣ говорится объ ошибкахъ или неправильныхъ опредѣленіяхъ „суда“. Тѣмъ, кто знаетъ внутреннюю сторону этихъ ошибокъ, такъ сказать закулисную сторону ихъ, тѣмъ извѣстно, что судъ тутъ ни при чемъ, а виноватъ только одинъ предсѣдательствующій. Но предсѣдательствующій, какъ таковой, можетъ подлежать отвѣту или, по крайней мѣрѣ, строгому осужденію, а судъ?—Въ крайнемъ случаѣ можетъ подвергнуться замѣчанію со стороны сената.

Мало ли приходится слышать, что съ инымъ предсѣдательствующимъ члены суда не хотятъ засѣдать въ судѣ и идутъ въ засѣданіе только въ силу крайней необходимости, скрѣпя сердце. Послѣ такихъ засѣданій члены суда со скорбью и насмѣшкой разсказываютъ различные анекдоты изъ дѣйствій предсѣдательствующаго, а въ результатѣ—въ обществѣ складывается убѣжденіе, что виноватъ во всемъ этомъ судъ, а не предсѣдательствовавшій. Такъ происходитъ теперь; при единичномъ же судѣ дѣйствія и качества предсѣдателя никѣмъ и ничѣмъ не будутъ маскироваться,—онъ не будетъ скрываться за судомъ и ошибки его не будутъ прикрываться опредѣленіями суда, а *будутъ явными ошибками его одного*. Очевидно, что это *заставитъ* многихъ предсѣдательствующихъ относиться къ дѣлу совсѣмъ иначе, чѣмъ они относятся теперь, и они не позволяетъ себѣ того, что позволяютъ себѣ теперь.

Въ тоже время изъ числа всѣхъ членовъ судовъ выборъ судей, имѣющихъ право вести засѣданіе, можетъ быть дѣлаемъ и будетъ дѣланъ съ большою осмотрительностью. Пред-

сѣдатели судовъ волею неволею должны будутъ осторожнѣе рекомендовать старшимъ предсѣдателямъ судебныхъ палатъ судей (т. е. членовъ суда, которые могли бы вести засѣданіе), такъ какъ постоянныя ошибки иного судьи, доказывающія его неспособность къ веденію дѣла, подорвутъ довѣріе къ предсѣдателю суда, а слѣдовательно и дискредитируютъ его значеніе,—чего ни одинъ предсѣдатель суда, разумѣется не хочетъ.

Вотъ почему давно пришла пора сознать, что коллегіальный судъ для разсмотрѣнія дѣлъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей не только не приноситъ дѣлу суда пользы, а скорѣе приноситъ ему вредъ.

Но, устанавливая единоличный судъ по этого рода дѣламъ, слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы судья не былъ исключительнымъ рѣшителемъ всѣхъ дѣлъ подъ видомъ рѣшенія ихъ присяжными засѣдателями, чтобы дѣла рѣшались присяжными болѣе или менѣе самостоятельно, а не въ силу навязаннаго имъ мнѣнія о дѣлѣ судьею. Такъ какъ судья болѣе всего можетъ вліять на присяжныхъ своимъ резюме, то необходимо ограничить его право касаться обстоятельствъ дѣла только тѣми случаями, когда стороны извратятъ ихъ въ своихъ доводахъ. Тогда судья будетъ болѣе объективенъ и, потому, болѣе подойдетъ къ типу судьи, установленному судебными уставами.

То, что хорошо въ Англіи, гдѣ судьи избираются изъ среды лучшихъ и извѣстныхъ юристовъ, то не можетъ быть и не должно быть у насъ, по весьма понятнымъ причинамъ.

XXI.

Внимательное изученіе кассаціонныхъ рѣшеній даетъ не только драгоцѣнныя указанія юристу—практику, но кромѣ того еще даетъ матеріалъ для сужденія какъ о характерѣ дѣятельности судовъ и судебныхъ дѣятелей, такъ и о соотвѣтствіи народной жизни того или другаго процессуальнаго порядка.

Дѣйствительно—если мы, напримѣръ, видимъ цѣлый рядъ ошибокъ судебныхъ дѣятелей, указывающихъ на незнаніе

ими дѣла,—то имѣемъ основаніе заключить о недостаточной подготовкѣ многихъ изъ нихъ къ избранному ими дѣлу; если мы часто встрѣчаемся съ проявленіями стремленій склонять судъ въ одну какую либо сторону, то имѣемъ право заключить о господствѣ среди чиновъ судебнаго вѣдомства извѣстной тенденціи; наконецъ,—если мы встрѣчаемъ массу кассацій приговоровъ и рѣшеній присяжныхъ по одному какому либо процессуальному вопросу,—то имѣемъ полное основаніе заключить о неправильной постановкѣ его вообще или о несоотвѣтствіи его условіямъ общественной жизни, въ обширномъ смыслѣ этого понятія.

Разумѣется,—такія заключенія можно вывести только при *систематическомъ* изученіи кассаціонныхъ рѣшеній со времени учрежденія у насъ кассаціоннаго суда, такъ какъ громадная масса рѣшеній, въ особенности за первые двѣнадцать лѣтъ, когда печатались всѣ рѣшенія, даетъ увѣренность въ томъ, что выводы могутъ быть безошибочны [1]).

Прослѣдивъ такимъ образомъ кассаціонныя рѣшенія, мы увидимъ какая масса приговоровъ суда и рѣшеній присяжныхъ отмѣняется сенатомъ по неправильному толкованію судами отвѣтовъ присяжныхъ, неправильной постановкѣ вопросовъ и неправильному пониманію ихъ присяжными засѣдателями. Точно также мы увидимъ, что кассаціи по этимъ нарушеніямъ не прекращаются и изъ года въ годъ до послѣдняго времени повторяются въ безконечномъ разнообразіи. Все это какъ нельзя болѣе доказываетъ, что несмотря на долговременную практику, до сихъ поръ не могутъ избѣжать ошибокъ — суды при постановкѣ вопросовъ и при толкованіи рѣшеній присяжныхъ, а присяжные при толкованіи предложенныхъ имъ вопросовъ.

Если кассаціонныя рѣшенія по нарушеніямъ этого рода раздѣлить на группы, по характеру нарушеній, то увидимъ,

---

[1]) По этому основанію, вопреки мнѣнію противниковъ нашихъ судовъ мы имѣемъ право утверждать, что среди судебныхъ дѣятелей не существуетъ тенденціи. Кассаціонная практика подтверждаетъ высказанное нами выше мнѣніе.

что они образуютъ три группы, изъ коихъ одна (впрочемъ весьма рѣдко) указываетъ на неправильность постановки судомъ вопросовъ, по несоотвѣтствію ихъ съ внѣшними признаками инкриминируемаго дѣянія; другая группа—на непониманіе присяжными предложенныхъ имъ вопросовъ, а третья на несоотвѣтствіе вопросовъ тому характеру преступнаго дѣянія, о которомъ сложилось убѣжденіе или у предсѣдателя, или у судей, или у присяжныхъ.

Вообще принято всякое непонятное или повидимому неправильное рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей ставить въ вину имъ, какъ ихъ ошибку, не разбирая насколько дѣйствительно они, а не кто либо другой, повинны въ такомъ рѣшеніи. Мы находимъ, что такія заключенія, по меньшей мѣрѣ, неосторожны: для того, чтобы винить кого либо, надо изслѣдовать насколько можетъ быть основательно такое обвиненіе. Для насъ, какъ и для многихъ судебныхъ дѣятелей, не подлежитъ сомнѣнію, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ причины подобныхъ рѣшеній присяжныхъ коренятся въ ошибкахъ суда или предсѣдателя и обусловливаются ими.

Но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ошибки послѣднихъ не всегда проистекаютъ отъ незнанія ими дѣла, ибо часто мы видимъ, что непонятныя рѣшенія выносятъ при такомъ предсѣдателѣ, репутація котораго выше всякихъ сомнѣній, то и слѣдуетъ заключить, что источникъ ошибокъ суда присяжныхъ лежитъ также и въ условіяхъ постановки вопросовъ. Дѣйствительно, изучающимъ дѣло суда извѣстно, что ошибки суда присяжныхъ проявляются какъ отъ указанныхъ нами уже причинъ и вообще ошибокъ суда и его органовъ, такъ въ равной мѣрѣ и отъ несоотвѣтствія между собою мнѣній суда, (въ вопросахъ, когда судъ вліялъ на редакцію ихъ), предсѣдателя (въ характерѣ веденія дѣла и въ резюме) и присяжныхъ засѣдателей, несоотвѣтствія мнѣній, дающихъ себя знать въ одной изъ перечисленныхъ нами трехъ группъ нарушеній.

Кассаціонная практика во всемъ ея объемѣ извѣстна не всѣмъ судебнымъ дѣятелямъ, но тѣмъ не менѣе всѣ они знаютъ, какъ часто приговоры судовъ отмѣняются сенатомъ по

неправильной постановкѣ вопросовъ и неправильнымъ отвѣтамъ на нихъ присяжныхъ, а среди общества, незнакомаго съ судебными порядками, можно слышать критику редакціи вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ присяжныхъ.

Точно также лица, бывшія присяжными засѣдателями, разсказываютъ какъ трудно было имъ разрѣшать иные вопросы. Изъ такихъ разсказовъ оказывается,—что иные вопросы были непонятны присяжнымъ по своимъ выраженіямъ и вообще по ихъ внѣшней формѣ, другіе были непонятны по ихъ внутреннему содержанію, а третьи не соотвѣтствовали ихъ взгляду на дѣло и на характеръ дѣянія подсудимаго; что споры присяжныхъ по поводу такихъ вопросовъ вели къ требованію разъясненій предсѣдателя, а если объясненія не разрѣшали ихъ недоразумѣній, то кончались соглашеніемъ понять данный вопросъ, а слѣдовательно и отвѣтить на него, въ извѣстномъ смыслѣ, а при невозможности придти къ такому соглашенію—оправданіемъ подсудимаго, не смотря на убѣжденіе въ виновности его, и что *разъясненія* предсѣдателя *рѣдко* когда достигаютъ цѣли и убѣждаютъ присяжныхъ, ибо присяжные, обсуждая непонятные имъ вопросы такъ волнуются и наконецъ такъ разгорячатся, что разъясненія предсѣдателя каждый изъ нихъ понимаетъ по своему и, въ концѣ концовъ, скорѣе склоняется къ оправданію подсудимаго, чѣмъ къ требованію вторичныхъ разъясненій, которыя не приводятъ ихъ ни къ какому результату. Такъ передаютъ о своихъ совѣщаніяхъ бывшіе присяжными засѣдателями. Правдивость и вѣрность этихъ разсказовъ подтверждается какъ нельзя болѣе опытомъ, который убѣдилъ всѣхъ судебныхъ дѣятелей,—что если присяжные засѣдатели возвратились въ залу засѣданія, требуя разъясненій вопросовъ, то по всей вѣроятности они или отвѣтятъ на вопросы явно несообразно, или оправдаютъ подсудимаго, хотя бы для этого нужно было имъ уничтожить свой отвѣтъ, уже изложенный на вопросномъ листѣ. Все это доказываетъ, что, помимо трудности самаго разрѣшенія вопроса о виновности подсудимаго, условія и порядокъ постановки и разрѣшенія вопросовъ таковы, что не

облегчаютъ присяжнымъ ихъ обязанность, но усугубляютъ трудность ихъ задачи.

Посмотримъ, каковы условія, соблюденіе коихъ требуетъ законъ при постановкѣ и разрѣшеніи вопросовъ [1]).

Статья 751. Основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы.

Статья 755. За главнымъ вопросомъ: виновенъ ли подсудимый въ томъ преступномъ дѣяніи, которое составляетъ предметъ обвиненія, постановляются частные вопросы о такихъ обстоятельствахъ, которыя особо увеличиваютъ или уменьшаютъ степень виновности. Объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на опредѣленіе лишь мѣры наказанія въ предѣлахъ одной и той же степени, вопросы не предлагаются.

Статья 756. Не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ соединять такіе вопросы, изъ коихъ одинъ можетъ быть разрѣшенъ утвердительно, а другой отрицательно.

Статья 757. Если событіе преступленія не вполнѣ совершилось, то постановляется вопросъ о степени приведенія злаго умысла въ дѣйствіе.

Статья 758. Если въ преступленіи или проступкѣ участвовало нѣсколько лицъ, то о степени участія каждаго изъ нихъ постановляется отдѣльный вопросъ.

Статья 754. Вопросы о томъ: совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину, соединяются въ одинъ совокупный вопросъ о виновности подсудимаго, когда никѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что событіе преступленія дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, если признано будетъ его

---

[1]) Мы сочли нужнымъ сохранить послѣдующій текстъ, не измѣняя его согласно закону 15-го мая сего года, опубликованному уже послѣ доставленія статьи въ редакцію, для того, чтобы наглядно установить своевременность закона 15 мая, и вѣрность взглядовъ автора на дѣло суда вообще и по данному вопросу въ частности. *Ред.*

дѣяніемъ. Въ случаѣ какого либо сомнѣнія по которому либо изъ сихъ вопросовъ, они должны быть поставлены отдѣльно.

Статья 763. Судъ не можетъ отказать подсудимому въ постановленіи вопроса объ одной изъ причинъ, по коимъ или содѣянное не вмѣняется въ вину, или же наказаніе уменьшается или вовсе отмѣняется, если причина эта принадлежитъ къ числу указанныхъ въ законѣ.

Статья 760. Въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые имъ вопросы составляются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій.

Статья 805. Никакіе акты изъ письменнаго производства присяжнымъ засѣдателямъ не передаются, но предсѣдатель суда предувѣдомляетъ ихъ, что если они пожелаютъ выяснить какое либо обстоятельство въ дѣлѣ, то могутъ возвратиться для сего въ залу засѣданія.

Статья 808. Въ случаѣ возвращенія присяжныхъ засѣдателей въ залу засѣданія для объясненія по дѣлу, предсѣдатель суда даетъ имъ требуемыя объясненія не иначе, какъ при подсудимомъ.

Статья 811. Рѣшеніе каждаго вопроса должно состоять изъ утвердительнаго „да“ или отрицательнаго „нѣтъ“, съ присовокупленіемъ того слова, въ которомъ заключается сущность отвѣта. Такъ, на вопросы: совершилось ли преступленіе? Виновенъ ли въ немъ подсудимый? Съ предумышленіемъ ли онъ дѣйствовалъ? Утвердительные отвѣты должны быть: „Да, совершилось.—Да, виновенъ.—Да, съ предумышленіемъ“.

Статья 812. Когда присяжные засѣдатели признаютъ, что однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ невозможно съ точностію выразить ихъ мнѣнія, то они могутъ дать надлежащее значеніе отвѣту, прибавленіемъ къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ, напр. „Да, виновенъ, но безъ предумышленія“.

Статья 814. Если по возбужденному самими присяжными засѣдателями вопросу о томъ, заслуживаетъ ли подсудимый снисхожденія, окажется шесть голосовъ утвердительныхъ, то старшина присяжныхъ къ даннымъ отвѣтамъ присовокупляетъ: „подсудимый, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія“ [1]).

Казалось бы, что закономъ предусмотрѣно все, что только можно было предусмотрѣть для огражденія интересовъ правосудія и вмѣстѣ съ тѣмъ, для облегченія задачи присяжныхъ засѣдателей. Вопросы предлагаются въ такой формѣ, которая болѣе всего должна быть понятна присяжнымъ, юридическіе термины и опредѣленія не допускаются, присяжные могутъ требовать разъясненій и наконецъ отвѣты свои они должны давать въ такой краткой формѣ, которая не можетъ быть затруднительна. Почему же встрѣчаются такія крупныя ошибки, которыя обязываютъ сенатъ такъ часто кассировать рѣшенія присяжныхъ? Именно потому, что законодатель, въ стремленіи облегчить задачу присяжныхъ, установилъ такія обязательныя для нихъ и для суда формы, соблюденіе которыхъ бываетъ часто невозможно, и вмѣстѣ поставилъ ихъ въ совершенно пассивное положеніе зрителей, обязанныхъ высказать лаконически свое мнѣніе о дѣлѣ по вопросамъ людей, принимающихъ участіе въ веденіи дѣла и незнающихъ насколько вопросы имъ понятны и соотвѣтствуютъ ихъ мнѣнію. Постараемся выяснить нашу мысль.

„Вопросы присяжнымъ предлагаются въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, по существеннымъ признакамъ преступленія и виновности подсудимаго, а не въ видѣ принятыхъ въ законѣ опредѣленій“.

---

[1]) IX глава судебныхъ уставовъ „о порядкѣ постановленія приговоровъ“ во многомъ заимствована изъ закона 12 января 1844 года „объ учрежденіи суда присяжныхъ въ дѣлахъ уголовныхъ въ Женевскомъ Кантонѣ“, а нѣкоторыя статьи этого закона (52—56, 58, 59, 65 и др.) прямо внесены въ судебные уставы въ измѣненной редакціи. Въ свою очередь законъ 12 января 1844 года заимствованъ изъ французскаго законодательства.

Присяжные засѣдатели не юристы и потому очевидно не могутъ понимать всѣхъ юридическихъ терминовъ и законныхъ опредѣленій; но это еще не значитъ, чтобы всѣ термины и опредѣленія были непонятны массѣ. Напротивъ,—многіе изъ нихъ на столько понятны и общеупотребительны, что встрѣчаются въ разговорномъ языкѣ низшихъ классовъ населенія и притомъ въ настоящемъ, а не превратномъ смыслѣ, и весьма часто „общеупотребительныя“ выраженія менѣе понятны нежели юридическіе термины и законныя опредѣленія. Между тѣмъ прямой законъ не позволяетъ употребленія послѣднихъ въ вопросахъ и обязываетъ замѣнять ихъ общеупотребительными выраженіями, а сенатъ многочисленными рѣшеніями поддержалъ обязательность такого толкованія закона. Всѣ эти кассаціонныя рѣшенія составляютъ своеобразную форму юридической литературы, въ коей обсуждается—могутъ ли быть признаны понятными для присяжныхъ слова „насильно“, „оскорбительно“, повредилъ“ и не слѣдуетъ ли судамъ выраженіе „въ запальчивости и раздраженіи“ замѣнять болѣе понятнымъ (?) выраженіемъ „въ страстномъ порывѣ“ (это для крестьянъ-то!). Такое требованіе закона и направленіе кассаціонной практики привело къ тому, что многіе общепонятныя опредѣленія и термины изгнаны изъ практики судовъ и замѣнены выраженіями хотя и „общеупотребительными“, но не всѣмъ понятными. Напримѣръ: слова „кража“, „укралъ“, „изнасиловалъ“, „растлилъ“, и т. п. замѣнены выраженіями: „тайное похищеніе“, „тайно похитилъ“, „совокупился противъ ея воли, не смотря на сопротивленіе ея“, „лишилъ ея невинности“ или „нарушилъ цѣлость дѣвственной плевы“ и т. д. въ томъ же родѣ. Кромѣ того, формулировать обвиненіе и изложить его въ описательной формѣ, не упустивъ ни одного существеннаго признака преступленія и виновности, вообще не легко, а въ судебномъ засѣданіи, при постановленіи дополнительныхъ вопросовъ, еще труднѣе. Опущенное слово, перестановка фразъ, запятыя,—все имѣетъ значеніе и измѣняетъ иногда смыслъ вопроса, а слѣдовательно и отвѣта, почему редактированіе вопросовъ требуетъ особой

сосредоточенности, чего не всегда можно ожидать отъ всѣхъ, при данной обстановкѣ суда. Замѣна одного слова подходящимъ, болѣе понятнымъ словомъ, не всегда возможна, и тогда приходится замѣнять его цѣлой фразой. Все это привело къ тому, что вопросы лишены должной краткости и излагаются въ длинныхъ періодахъ, въ распространенной описательной формѣ, съ многими придаточными предложеніями, дополняющими одно другое и затемняющими смыслъ всего вопроса. Очевидно, что при такомъ способѣ изложенія вопросовъ сущность ихъ трудно усвояется необразованными людьми, а разъ вопросъ не будетъ хорошо усвоенъ присяжными, они не могутъ дать на него правильнаго отвѣта. Иной разъ присяжные, встрѣчая въ вопросѣ какое нибудь выраженіе, не имѣющее никакого значенія и обрисовывающее общій характеръ преступленія, становятся въ тупикъ и даютъ несообразный отвѣтъ.

Все это давно сознано всѣми судебными дѣятелями, а между тѣмъ сила привычки и практики таковы, что до сихъ поръ сенатъ и суды не могли измѣнить характера редакціи вопросовъ. Мы не знаемъ задавался ли кто мыслью сопоставить вопросы, предлагаемые судами, съ вопросами, которые слѣдовало бы предъявлять присяжнымъ по тѣмъ же дѣламъ. Для примѣра сдѣлаемъ такое сопоставленіе.

Слѣдовало бы постановить вопросы:	*Вопросы, предлагаемые судами:*
Виновенъ ли N N въ томъ, что тогда-то совершилъ кражу со взломомъ имущества изъ квартиры *B*?	Виновенъ ли N N въ томъ, что сломавъ замокъ на запертыхъ дверяхъ обитаемой квартиры *B*, проникнулъ внутрь ея и съ корыстною цѣлью тайно похитилъ находившееся тамъ имущество *B*?
Виновенъ ли N N въ томъ что тогда-то, въ раздраженіи, нанесъ *B* тяжкую рану?	Виновенъ ли N N въ томъ, что тогда-то, въ страстномъ порывѣ, вызванномъ ссорою его

	съ *B*, ударилъ *B* имѣвшимся у него ножемъ въ лѣвый бокъ и тѣмъ причинилъ ему раненіе грудной полости, признанное врачами тяжкимъ?
Виновенъ ли N N въ томъ, что тогда-то насильно растлилъ дѣвицу *B*, 12 лѣтъ?	Виновенъ ли N N въ томъ, что тогда-то, напавъ въ лѣсу на дѣвицу *B*, недостигшую четырнадцатилѣтняго возраста и, угрожая лишить ее жизни, если она будетъ кричать, повалилъ ее на землю, поднялъ платье и рубаху и противъ ея воли, не смотря на ея сопротивленіе, совокупился съ нею, причемъ лишилъ ее невинности?
Виновна ли N N въ томъ, что тогда-то покушалась отравить мужа своего, спасеннаго отъ смерти врачебной помощью?	Виновна ли N N въ томъ, что задумавъ лишить жизни мужа своего *B*, тогда то, подмѣшала сильный ядъ (сулему) въ похлебку, которую и дала *B*, но смерть ему не послѣдовала только отъ того, что домашніе его стали давать ему молоко, а прибывшій фельдшеръ давалъ ему противоядіе— яйца и рвотное.

Сопоставивъ между собою эти вопросы, (а такое сопоставленіе можно было бы сдѣлать по всѣмъ вопросамъ, постановляемымъ судами), мы видимъ какъ тяжела редакція ихъ и какъ сравнительно съ законными опредѣленіями общеупотребительныя выраженія трудно понимаются. Мы выбирали самые простые случаи и относительно самую понятную редакцію, а иногда встрѣчаются такіе, которые насилу проч-

тешь и насилу поймешь. А между тѣмъ даже и при разрѣшеніи такихъ, относительно понятныхъ вопросовъ, весьма часто встрѣчаются недоразумѣнія. Напримѣръ, при разрѣшеніи двухъ послѣднихъ дѣлъ, случилось слѣдующее:

По первому дѣлу присяжные весьма долго совѣщались и изъ комнаты раздавались голоса громко и горячо споривщихъ; это удивляло всѣхъ, такъ какъ преступленіе по характеру и обстановкѣ его было на столько возмутительно, что подсудимый разумѣется не могъ ожидать сочувствія къ себѣ. Наконецъ, послѣ долгаго совѣщанія, присяжные вышли въ залу, видимо смущенные и старшина взволнованнымъ голосомъ тихо прочиталъ: „нѣтъ, не виновенъ!“

Впослѣдствіи присяжные объяснили свой вердиктъ такъ: всѣ они единогласно признали подсудимаго виновнымъ и уже написали свой отвѣтъ, какъ одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что въ вопросѣ сказано: „угрожая лишить ее жизни“, а онъ не можетъ признать подсудимаго виновнымъ въ покушеніи на убійство; съ этимъ согласились пять присяжныхъ, которые предпочли лучше оправдать его, чѣмъ признать виновнымъ въ покушеніи на убійство, на что никакихъ доказательствъ не было, а остальные шесть присяжныхъ признавали его виновнымъ и въ послѣднемъ преступленіи, по возмутительности самаго преступленія. При равенствѣ голосовъ послѣдовало оправданіе подсудимаго и старшина зачеркнулъ свой первый отвѣтъ. По другому дѣлу на судебномъ слѣдствіи выяснилось, что когда мужъ послѣ похлебки сталъ кричать отъ боли въ желудкѣ, то больная мать его приказала подсудимой принести крынку молока и давать мужу; въ это время пришелъ фельдшеръ, далъ больному свѣжихъ яицъ и рвотнаго. Защитникъ настаивалъ что если было отравленіе, то отравленіе нечаянное, а не умышленное, такъ какъ жена сама отпаивала мужа молокомъ, желая его спасти. Присяжные, послѣ долгаго совѣщанія, вынесли слѣдующій отвѣтъ: „да, виновна; молока не давала, но снисхожденіе заслуживаетъ“. Потомъ оказалось, что присяжные долго совѣщались потому, что недоумѣвали какъ объяснить значеніе молока, когда оно значится въ вопросѣ.

Изъ этихъ двухъ примѣровъ можно уяснить себѣ какъ трудно бываетъ иногда разрѣшать присяжнымъ вопросы, предлагаемые судомъ въ формѣ общеупотребительныхъ выраженій? Немудрено, что они ошибаются въ отвѣтахъ.

Мы взяли четыре примѣра по преступленіямъ, точно формулированнымъ въ законѣ и неизмѣнившимъ своего характера на судѣ. Еще труднѣе при этихъ условіяхъ, благодаря нашему уложенію, правильно постановить и разрѣшить вопросы по преступленіямъ съ сложными дѣйствіями и при обстоятельствахъ, уменьшающихъ или увеличивающихъ степень виновности, если притомъ характеръ преступленія на судѣ измѣняется. Наше уложеніе 1866 года есть кодификаціонная перепечатка уложенія 1845 года и сохранило его казуистическій характеръ, неточность опредѣленій и путаницу въ нихъ. Давая регламентацію преступленій, при неясности и путанности опредѣленій ихъ, оно не даетъ возможности обнять всѣ случаи жизни и затрудняетъ во многихъ случаяхъ примѣненіе того или другаго закона и описаніе законнаго опредѣленія въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ. На сколько трудно подвести иное дѣяніе подъ тотъ или другой законъ—знаютъ всѣ юристы и доказываетъ кассаціонная практика. Лучшіе юристы и самъ сенатъ въ этомъ небезгрѣшны. Достаточно прочесть 262—275 и 1477—1496 статьи уложенія рядомъ съ сенатскими разъясненіями и почтенный трудъ Н. А. Неклюдова, въ которомъ, не смотря на его обширность и массу коментарій, не всегда можно подъискать подходящій случай, чтобы сознать—какъ трудно иной разъ формулировать обвиненіе и подвести его подъ законное опредѣленіе. Вотъ отъ этой-то трудности и проистекаютъ весьма часто ошибки судовъ при постановкѣ вопросовъ. Въ заботѣ формулировать сложное преступленіе въ общеупотребительныхъ выраженіяхъ, суды прибѣгаютъ къ пространному описанію преступленій, трудно понимаемому и, притомъ, опускаютъ иное слово, опущеніе котораго измѣняетъ характеръ обвиненія, непонимаемаго присяжными, что, въ свою очередь, вызываетъ отмѣну приговора, со всѣми неудобствами ея.

Затѣмъ существуетъ и еще одно обстоятельство, неблагопріятно вліяющее на отвѣты присяжныхъ.

„Основаніемъ вопросовъ по существу дѣла должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тѣ выводы", т. е. если судебное слѣдствіе ни въ чемъ не измѣнило первоначальнаго обвиненія, то вопросы предлагаются по обвинительному акту, въ противномъ случаѣ они могутъ быть дополнены новыми вопросами. Иниціатива измѣненія или дополненія вопросовъ принадлежитъ сторонамъ и суду, который обсуждаетъ степень уважительности домогательства сторонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ постановить новые вопросы независимо отъ просьбы сторонъ, если по его мнѣнію они вытекаютъ изъ существа дѣла.

Напримѣръ, подсудимый обвиняется въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія. Если стороны и судъ того убѣжденія, что къ подсудимому можетъ быть предъявлено только это обвиненіе, а не какое либо другое (независимо отъ степени доказанности его), то вопросы предлагаются по обвинительному акту, если же прокуроръ поддерживаетъ первоначальное обвиненіе, а защитникъ доказываетъ, что корыстная цѣль убійства не доказана и къ подсудимому можетъ быть предъявлено только обвиненіе въ убійствѣ въ запальчивости, то судъ, постановивъ эти два вопроса, въ свою очередь можетъ прибавить еще и третій, напримѣръ: объ умышленномъ убійствѣ или даже о нанесеніи въ запальчивости ранъ или поврежденій, послѣдствіемъ которыхъ была смерть, если находитъ, что именно это обвиненіе слѣдовало бы предъявить къ подсудимому.

Мнѣніе о необходимости постановки новыхъ вопросовъ обусловливается взглядомъ на дѣло во всей его совокупности, т. е. на существо дѣла, на степень доказанности обвиненія вообще и виновность подсудимаго въ томъ или въ другомъ дѣяніи въ частности. Но вопросы постановляются для кого— для присяжныхъ, которые должны разрѣшить ихъ. И если бы

стороны знали, что присяжные уже составили себѣ опредѣленное убѣжденіе, то, разумѣется, потребовали бы постановки вопроса, соотвѣтствующаго этому убѣжденію. Слѣдовательно, мнѣніе о необходимости постановки новыхъ вопросовъ исходитъ изъ предположенія, что присяжные засѣдатели взглянутъ на дѣло съ точки зрѣнія этихъ вопросовъ. Изъ этого очевидно, *что постановка новыхъ вопросовъ сводится*, такъ сказать, *къ предугадыванію мнѣнія присяжныхъ засѣдателей по дѣлу*. Мнѣніе присяжныхъ по дѣлу дѣлается извѣстнымъ только по отвѣтамъ ихъ на вопросы, да и то не всегда, а вопросъ о цѣлесообразности обвиненія въ томъ или другомъ дѣяніи, какъ понятіе, соотвѣтствующее убѣжденію каждаго человѣка въ отдѣльности, разрѣшается далеко не такъ просто, какъ это кажется, и далеко не всегда исчерпывается мнѣніемъ прокурора, защитника и судей. Если по иному простому и несложному дѣлу является три мнѣнія—сторонъ и суда, то мы должны допустить, что можетъ быть еще четвертое мнѣніе по дѣлу среди двѣнадцати человѣкъ присяжныхъ засѣдателей, смотрящихъ на дѣло (не такъ, какъ смотрятъ на него стороны и судьи) со стороны практической жизни, взглядомъ людей, неискусившихся въ разрѣшеніи юридической казуистики и болѣе чуткихъ къ впечатлѣніямъ, чѣмъ многіе изъ судебныхъ дѣятелей, привыкшихъ къ этимъ впечатлѣніямъ. Между тѣмъ у нихъ-то, у присяжныхъ засѣдателей, и не спрашиваютъ могутъ ли они разрѣшить дѣло при наличности предложенныхъ имъ вопросовъ? Соотвѣтствуютъ ли эти вопросы ихъ взгляду на дѣло или ихъ взглядъ разнится отъ существа вопросовъ? Какъ будто стороны и судъ напередъ знаютъ всѣ тѣ вопросы, которые могутъ возникнуть среди присяжныхъ, когда они удалятся въ совѣщательную комнату! И вотъ, присяжные, получивъ вопросный листъ, и не соглашаясь ни съ однимъ изъ предложенныхъ имъ на разрѣшеніе вопросовъ, все таки непремѣнно должны дать отвѣтъ на нихъ.

Ежедневный опытъ указываетъ намъ, что не всегда на обыденные вопросы можно отвѣтить короткимъ—„да“ или

„нѣтъ“, а большею частью приходится пояснять свой отвѣтъ, такъ какъ вопросъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ даваемому отвѣту. Если, напримѣръ, задать вопросъ: ходили ли вы по такой-то улицѣ? То въ отвѣтъ можно получить: „да, проходилъ по улицѣ; да переходилъ улицу; да проѣзжалъ по улицѣ; да переѣзжалъ улицу“, и только въ томъ случаѣ, когда отвѣчающій гулялъ по улицѣ или проходилъ ее нѣсколько разъ, можно отвѣтить просто: „да, ходилъ“. Изъ этого видно, что и на самые простые вопросы не всегда могутъ послѣдовать точные отвѣты—„да“ или „нѣтъ“, безъ поясненій. Но такой свободы въ отвѣтахъ присяжныхъ закономъ не допускается. Имъ даны вопросы и на нихъ они должны отвѣтить только—„да“ или „нѣтъ“. Правда,—имъ разрѣшается пояснять свою мысль, но пояснять только въ предѣлахъ вопроса, т. е. отвергнуть какой либо признакъ или обстоятельство, указанные въ вопросѣ; самостоятельно же изложить свой отвѣтъ имъ не разрѣшается. Результатъ такого порядка очевиденъ: присяжные или выносятъ непонятныя обвинительныя и оправдательныя рѣшенія, или, не зная какъ выйти изъ такого положенія, даютъ такіе отвѣты, которые вызываютъ кассацію ихъ рѣшенія.

Возьмемъ для примѣра слѣдующій случай. Подсудимый обвинялся въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія, а защитникъ доказывалъ, что убійство совершено въ запальчивости; по этимъ обвиненіямъ и были постановлены вопросы. Присяжные, отвергнутъ корыстную цѣль преступленія, единогласно пришли къ тому, что подсудимый, нанося удары потерпѣвшему, не желалъ его смерти, и потому, не зная какъ разрѣшить вопросъ, отвѣтили: „да, виновенъ, но безъ умысла“, а когда предсѣдатель далъ имъ разъясненіе и возвратилъ къ новому совѣщанію, то они вынести отвѣтъ: „нѣтъ, не виновенъ“. Кромѣ этого примѣра можно было бы привести ихъ много (нѣсколько подобныхъ примѣровъ приведено нами выше), но они на столько хорошо извѣстны всѣмъ, что останавливаться на нихъ мы считаемъ совершенно лишнимъ.

Вотъ отсюда и становится понятнымъ, что забота зако-

нодателя возможно упростить задачу и обязанности присяжныхъ засѣдателей привела къ тому, что тяжелая и трудная задача ихъ въ дѣйствительности еще болѣе затрудняется: вмѣсто простыхъ и ясныхъ вопросовъ имъ задаются туманные и длинные вопросы, въ коихъ казуистическія опредѣленія нашего уложенія замѣнены еще болѣе непонятными общеупотребительными выраженіями; вмѣсто отвѣта, вытекающаго изъ ихъ внутренняго убѣжденія по дѣлу, отъ нихъ требуется отвѣтъ на извѣстные вопросы—и только на нихъ. Такой порядокъ могъ бы еще оправдываться, если бы нашимъ законодательствомъ разрѣшалось вторичное обвиненіе подсудимаго (по нѣкоторымъ дѣламъ) въ дѣяніяхъ низшаго порядка, при оправданіи въ дѣяніи высшаго порядка, но такъ какъ слава Богу у насъ не допускаются такія вторичныя обвиненія, то для огражденія правосудія и интересовъ общественныхъ и частныхъ необходимо измѣнить его.

По нашему мнѣнію, слѣдовало бы измѣнить и дополнить 760 и 812 статьи устава въ томъ смыслѣ, что судъ обязанъ въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предлагаемые имъ вопросы составлять возможно кратко, по существеннымъ признакамъ преступленія о виновности подсудимаго, а присяжные засѣдатели въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ихъ мнѣнію, вопросъ не соотвѣтствуетъ или степени участія подсудимаго въ совершеніи преступленія, или степени приведенія въ исполненіе преступленія, или вообще характеру преступленія,—имѣютъ право или пояснять свой отвѣтъ, или просить судъ о постановкѣ новаго вопроса согласно ихъ взгляду на преступленіе и виновность подсудимаго.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что предоставленіе такого права присяжнымъ, въ связи съ измѣненіемъ характера предлагаемыхъ имъ нынѣ вопросовъ, принесетъ хорошіе результаты и болѣе обезпечитъ интересы правосудія. Опасаться того, что присяжные не будутъ понимать предлагаемыхъ имъ въ краткой формѣ вопросовъ—нечего, такъ какъ краткая форма вопросовъ, въ связи съ надлежащими объясненіями предсѣдателя, скорѣе будетъ понята присяжными, чѣмъ „общеупотре-

бительныя", но непонятныя выраженія, которыми излагаются вопросы въ настоящее время.

XXII.

Мы указали на главныя внѣшнія причины (всѣхъ причинъ, понятно, перечислить невозможно), вліяющія неблагопріятно на судъ присяжныхъ и въ совокупности или въ отдѣльности вызывающихъ „непонятныя", т. е. неправильныя рѣшенія присяжныхъ. Намъ остается указать еще на другія внутреннія причины, весьма сильно вліяющія на присяжныхъ засѣдателей и обусловливающихъ ихъ рѣшенія. Мы говоримъ о той внутренней сторонѣ дѣла, которая неотразимо и разнообразно до безконечности вліяетъ на всѣхъ людей вообще и, въ частности, еще болѣе сильно и еще болѣе различно на присяжныхъ засѣдателей, сообразно ихъ образованію, положенію и проч. Эта сторона дѣла большею частью остается незамѣченною поверхностными критиками рѣшеній присяжныхъ, *тогда какъ она объясняетъ характеръ суда присяжныхъ и даетъ основаніе для серьезной критики и оцѣнки дѣятельности его.*

Очень часто слышатся упреки въ томъ, что оправдательные вердикты суда присяжныхъ при сознаніи подсудимыхъ стали обычнымъ явленіемъ, что въ рѣшеніяхъ ихъ нѣтъ никакой послѣдовательности и что по совершенно однороднымъ дѣламъ выносятся оправдательныя и обвинительныя рѣшенія, своею рѣзкою противоположностью бросающіяся въ глаза и деморализующія общество. То, что въ рѣшеніяхъ присяжныхъ нѣтъ послѣдовательности—совершенно вѣрно, но чтобы правильно оцѣнить такое явленіе надо изслѣдовать причины ихъ.

Характеръ преступности дѣянія, какъ понятіе относительное, опредѣляется людьми не одинаково, каждымъ по своему, сообразно своему міросозерцанію, и не особенно много есть преступленій, которыми все общество, какъ одинъ человѣкъ, глубоко возмущается. Но и относительно этихъ послѣднихъ преступленій одинаковое мнѣніе среди общества слагается

только тогда, когда ихъ разсматриваютъ какъ факты, безъ соотношенія къ личностямъ преступника и потерпѣвшаго. Какъ только преступленіе обсуждается во всей его цѣлостности, т. е. въ соотношеніи съ личностями преступника и потерпѣвшаго, такъ сейчасъ же проявляется разность мнѣній степени преступности виновнаго, а слѣдовательно и разность взглядовъ на характеръ даннаго преступленія: къ одному преступнику, совершившему болѣе тяжкое преступленіе, относятся иногда болѣе сочувственно, чѣмъ къ другому, совершившему менѣе тяжкое преступленіе. Происходитъ это отъ того, что при такомъ обсужденіи дѣла, самый фактъ преступленія разсматривается какъ выраженіе дѣянія преступника и, потому, все сужденіе сводится къ сужденію о его личности, а фактъ преступленія какъ будто отодвигается на второй планъ. Чтобы вполнѣ уяснить эту мысль, приведемъ два случая изъ практики одного суда.

Молодой крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ съ цѣлью ограбленія кабатчика; онъ былъ вполнѣ уличенъ, сознался и на судѣ съ удивительнымъ хладнокровіемъ разсказалъ о своемъ приготовленіи къ убійству и о самомъ убійствѣ. На вопросъ присяжныхъ: для чего онъ набросилъ зипунъ на голову убитаго, предъ тѣмъ какъ нанести ему ударъ топоромъ, и сколько разъ онъ ударилъ?—подсудимый отвѣчалъ: „ударили мы только одинъ разъ, потому больше не нужно было. Мы по плотницкой части прежде были, такъ рука у насъ вѣрная. Зипунъ мы набросили для того, чтобы кровь на насъ не брызнула и никакихъ доказательствъ на насъ не было. Мы хотя люди и необразованные, добавилъ онъ, а свой разумъ при себѣ имѣемъ и на счетъ доказательствъ имѣемъ понятіе“. Разсказъ подсудимаго, образчикъ котораго мы привели, былъ до такой степени отвратителенъ по своему цинизму и хладнокровію, что произвелъ потрясающее на всѣхъ впечатлѣніе. Судъ приговорилъ его къ безсрочной каторгѣ, но публика и многіе присяжные громко говорили, что „такому звѣрю“ (хотя онъ первый разъ судился) мѣсто только на висѣлицѣ.

Другой молодой крестьянинъ обвинялся въ убійствѣ съ

цѣлью ограбленія мельника, его жены и маленькой дочки его; онъ упросился къ мельнику на ночлегъ и ночью, принесеннымъ съ собою топоромъ, такъ избилъ ихъ, что головы обратилъ въ безформенныя массы. Мельникъ за свою доброту ко всѣмъ нуждающимся былъ очень любимъ и, потому, убійство это страшно взволновало весь околодокъ. Убійца былъ обнаруженъ и сейчасъ же сознался. На судѣ подсудимый съ глухими рыданіями разсказалъ какъ онъ задумалъ совершить преступленіе, какъ боролся самъ съ собою, какъ совершилъ его и закончилъ просьбою на колѣняхъ присудить его построже, чтобы онъ „могъ самъ настрадаться“, а то теперь онъ не знаетъ покоя ночью, все ему грезится мельникъ и маленькая дочка, говорящая: „дядька не бей меня!“ „А я, разбойникъ, убилъ ее, маленькую, ангела небеснаго“, говорилъ онъ рыдая. На вопросъ присяжнаго: „зачѣмъ же онъ такъ ужасно изуродовалъ убитыхъ?“—подсудимый отвѣчалъ: „какъ только я ударилъ первый разъ, кровь брызнула мнѣ въ лицо, въ глазахъ помутилось и я билъ, билъ..... Мнѣ все казалось, что вотъ встанетъ мельникъ и скажетъ: ты не за то ли меня убилъ, что зимою я далъ тебѣ хлѣба? Только я и помню, объяснялъ подсудимый, что дѣвочка сказала: „дядька не бей меня!“ Смотритель тюрьмы, какъ свидѣтель, между прочимъ, показалъ, что подсудимый со дня поступленія въ тюрьму всѣ ночи на пролетъ тихо молится на колѣняхъ. Судебное слѣдствіе такъ измѣнило характеръ дѣла, что общее негодованіе противъ преступника замѣнилось общимъ сожалѣніемъ къ нему и у многихъ во время его расказа показывались на глазахъ слезы. Судъ приговорилъ подсудимаго къ десятилѣтней каторгѣ, но и это наказаніе многими признавалось очень тяжкимъ.

И такъ мы видимъ, что два однородныхъ и самыхъ тяжкихъ изъ всѣхъ преступленій, вызывающихъ чувство ужаса въ каждомъ человѣкѣ, при ближайшемъ ознакомленіи съ обстоятельствами совершенія ихъ и съ обстоятельствами послѣдующими, вызываютъ на столько различное убѣжденіе о степени преступности ихъ совершителей, что одинъ

подсудимый, убившій кабатчика, справедливо заслужилъ названіе висѣльника, другой, убившій трехъ человѣкъ и въ томъ числѣ своего благодѣтеля, вызвалъ общее о себѣ сожалѣніе. Не вправѣ ли мы, помимо всякихъ теоретическихъ соображеній, только изъ этихъ двухъ примѣровъ сдѣлать такой выводъ, что внутренняя сторона дѣла, т. е. обстановка преступленія, личность преступника и все то, что обрисовываетъ картину преступленія и преступника, съ его жизнью и паденіемъ, такъ сильно вліяетъ на людей, что подъ вліяніемъ ея мѣняется взглядъ на характеръ данныхъ преступленій (не на самыя преступленія)? Не вправѣ ли мы сдѣлать выводъ, что каждое преступленіе, кромѣ особенностей своихъ, въ силу этой своей внутренней стороны не можетъ походить на другія однородныя преступленія и носитъ на себѣ печать безконечнаго разнообразія, вызывающаго разнообразныя мнѣнія о характеръ преступленія (не о видѣ его) и о преступникѣ?

Но степень разнообразія мнѣній о характерѣ преступленія и преступникѣ зависитъ еще отъ способа или условія изученія дѣла и отъ личностей людей, изучающихъ его. Драматическая сторона каждаго дѣла не можетъ не производить впечатлѣнія на всѣхъ людей; но этому впечатлѣнію болѣе поддаются люди высшаго развитія и образованія и люди болѣе воспріимчивые по своему характеру. Къ тому же изученіе дѣла посредствомъ чтенія отчетовъ или самаго производства не дѣлаетъ такихъ сильныхъ впечатлѣній, какія получаются при изученіи дѣла путемъ непосредственнаго наблюденія (на судѣ). Разумѣется, всѣмъ приходилось наблюдать, что люди вполнѣ серьезные и развитые, читая какое нибудь произведеніе не могутъ оторваться отъ него; но вмѣстѣ съ тѣмъ не возбуждаются такъ, какъ возбуждаются въ театрѣ, гдѣ многіе изъ нихъ со слезами на глазахъ слѣдятъ за драматическимъ положеніемъ лица, изображаемаго актеромъ. Отсюда понятно, на столько сильно бываетъ возбужденіе у судей-зрителей, которые слѣдятъ за раскрытіемъ драмы настоящей, правдивой, и которые,

притомъ должны сказать свое послѣднее о ней слово, рѣшающее судьбу главныхъ, дѣйствующихъ на судѣ, лицъ. Насколько сильно бываетъ возбужденіе на судѣ можно заключить даже изъ того, всѣмъ извѣстнаго факта, что многіе жаждущіе сильныхъ ощущеній ходятъ въ судѣ слушать дѣла, какъ въ драматическій театръ, только ради возбуждающихъ нервы впечатлѣній. Но это еще не все.

Существуетъ масса преступленій, тяжко наказуемыхъ, на необходимость наказуемости которыхъ даже интелигентная часть общества смотритъ различно и большею частью оцѣниваетъ ихъ преступность по внутренней сторонѣ ихъ и по послѣдствіямъ дѣяній, а масса оцѣниваетъ ее (преступность) исключительно только по послѣдствіямъ дѣянія. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія закона, эти дѣянія тяжко преступны; съ точки же зрѣнія общества — одни только безнравственны, а другія безнравственны только тогда, когда наносятъ вредъ третьимъ лицемъ. Затѣмъ, извѣстно, что на характеръ преступленія смотрятъ различно люди образованные и необразованные и даже люди различныхъ сословій, благодаря воспитанію и наслѣдственнымъ условіямъ жизни. Такъ,—крестьяне строго смотрятъ на кражи, особенно на кражи скота, и легко относятся ко всѣмъ убійствамъ безъ обдуманнаго намѣренія; особенно обращаютъ вниманіе на послѣдствія дѣянія и по нимъ охотно судятъ о самомъ преступленіи; мѣщане и не интелигентные купцы ко всѣмъ преступленіямъ противъ собственности (кромѣ нѣкоторыхъ видовъ кражъ) и оскорбленіямъ чиновниковъ относятся весьма снисходительно и строго ко всякаго рода убійствамъ; люди интелигентные относятся строго ко всякому обдуманному преступленію и не судятъ о характерѣ преступленія по его послѣдствіямъ и тому подобное. Эти общія черты, разумѣется, не суть непреложныя правила, но лишь только замѣчанія практиковъ, въ большей или меньшей степени вѣроятныя. Отсюда понятно, что приговоры суда находятся въ прямой зависимости отъ состава присяжныхъ засѣдателей, взглядъ большинства которыхъ на данное дѣло иногда обусловливаетъ то или другое рѣшеніе его.

Такимъ образомъ все это приводитъ къ тѣмъ заключеніямъ:—что если внѣшняя сторона безусловно безнравственнаго преступленія можетъ вызывать различныя мнѣнія о степени безнравственности его, то внутренняя сторона дѣла можетъ вызывать еще болѣе различныя мнѣнія о немъ; что судьи и въ особенности присяжные засѣдатели (непривыкшіе какъ судьи къ потрясеніямъ на судѣ) не могутъ смотрѣть на дѣло такъ хладнокровно, какъ смотрятъ на него читающіе о немъ отчеты, и иногда переживаютъ тяжелыя минуты; что получаемыя присяжными впечатлѣнія, а слѣдовательно и составляемыя ими мнѣнія о дѣлахъ и о подсудимыхъ, благодаря самымъ разнообразнымъ причинамъ, должны быть разнообразны до безконечности; что мнѣнія знакомящихся съ дѣломъ по отчетамъ о правильности приговоровъ суда не всегда могутъ быть вѣрны; что потому, въ большинствѣ случаевъ, непослѣдовательность въ рѣшеніяхъ суда присяжныхъ только кажущаяся и объясняется безконечно разнообразной внутренней стороною дѣла и что разнообразные вердикты по однороднымъ дѣламъ обусловливаются также и взглядомъ общества на нѣкоторыя преступленія и отношеніемъ къ преступленіямъ различныхъ составовъ присяжныхъ засѣдателей.

Хотя разнообразные вердикты по однороднымъ дѣламъ сами по себѣ указываютъ на непослѣдовательность суда присяжныхъ, но для правильной оцѣнки этой непослѣдовательности, т. е. прямо говоря—недостатка суда присяжныхъ въ этомъ отношеніи, надо имѣть въ виду еще и то, что каждый коронный судья не можетъ не имѣть своеобразнаго взгляда на преступленія во всей его цѣлостности и на степень его наказуемости, сообразно своему міросозерцанію (на это мы указывали въ § XVIII, говоря о дѣятельности предсѣдателей) и что, потому, не можетъ быть человѣческаго суда, въ которомъ не проявлялось бы въ большей или меньшей степени эта непослѣдовательность, какъ результатъ различнаго взгляда разныхъ судей на различныя преступленія. На сколько вообще судъ присяжныхъ грѣшитъ въ этомъ отношеніи, сравнительно

съ судомъ короннымъ, мы отчасти будемъ видѣть впослѣдствіи.

Приговоръ суда только тогда удовлетворяетъ общество, когда наказаніе преступнику опредѣлено болѣе или менѣе соразмѣрно его винѣ и не переступаетъ въ ту или другую сторону извѣстныхъ границъ, соотвѣтствующихъ понятію общества о справедливомъ возмездіи. Какъ только преступникъ присужденъ къ наказанію не по мѣрѣ содѣяннаго,—приговоръ перестаетъ быть актомъ справедливости и является или пристрастіемъ къ преступнику, потворствомъ ему, или ничѣмъ неоправдываемою жестокостью, возбуждающею общество противъ судей и вызывающею сочувствіе къ осужденному.

Несоотвѣтствіе наказанія винѣ осужденнаго тѣмъ ярче бросается въ глаза, чѣмъ строже родъ и характеръ наказанія. Разница между арестомъ на недѣлю и на двѣнадцать недѣль не будетъ такъ рѣзка, какъ между тюрьмою на два мѣсяца и на полтора года, исправительными отдѣленіями на одинъ годъ и четыре года, каторгою на четыре года и на пятнадцать лѣтъ, или какъ разница между арестомъ и тюрьмою и тюрьмою и каторгою. Поэтому самый строгій приговоръ суда, опредѣлившій одно изъ слабѣйшихъ наказаній (за мелкіе проступки), не можетъ вызывать такихъ нареканій на суровость судей, какъ несоразмѣрно строгій приговоръ съ тяжкимъ наказаніемъ, хотя бы и за тяжкое преступленіе [1]).

Съ другой стороны, явно несоразмѣрно слабое наказаніе точно также не можетъ удовлетворять возбужденнаго преступленіемъ негодованія общества, которое въ этомъ видитъ или тенденцію или пристрастіе къ преступнику и которое скорѣе позабудетъ оправдательный приговоръ, чѣмъ потворство подсудимому; это является понятнымъ, если имѣть въ виду, что оправданіе подсудимаго предполагаетъ сомнѣніе въ виновности его [2]).

[1]) Эти соображенія имѣютъ особую силу и значеніе среди насъ, русскихъ, которымъ чуждо понятіе о необходимости жестокихъ наказаній и которые даже на тяжкихъ преступниковъ смотрятъ какъ на „несчастныхъ“.

[2]) На сколько памятны такіе приговоры можно судить изъ того, что не смотря на многіе годы, протекшіе со времени постановленія ихъ, о нѣкото-

Упрекъ въ пристрастіи въ дѣлѣ суда, какъ всѣмъ извѣстно, тяжелъ, но еще тяжелѣе для каждаго судьи упрекъ въ жестокости, безсердечіи. Не даромъ въ народѣ сложилось убѣжденіе объ идеальномъ судѣ, судѣ царскомъ, какъ о судѣ милостивомъ, снисходительномъ, а не суровомъ, драконовскомъ судѣ. Отсюда понятно, какъ остороженъ долженъ быть судъ при постановленіи приговора за преступленія, облагаемыя тяжкимъ наказаніемъ.

Наказаніе должно соотвѣтствовать винѣ преступника. Соотвѣтствіе это, очевидно, не можетъ быть опредѣлено для всѣхъ случаевъ мертвой буквой закона, перечисляющаго увеличивающія и уменьшающія вину обстоятельства, а опредѣляется многими условіями, которыя законъ предусмотрѣть не можетъ и сумма которыхъ слагаетъ живое убѣжденіе судьи и общества о степени виновности преступника. Судья—есть плоть отъ плоти, кровь отъ крови того же общества. Поэтому судья неминуемо носитъ въ себѣ въ большей или въ меньшей степени взгляды общества на общественную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ; а если бы онъ не раздѣлялъ этихъ взглядовъ, *то все таки онъ не можетъ не сообразоваться съ ними при разрѣшеніи дѣлъ*. Англійскій или испанскій судья, если бы его посадить въ нашъ судъ, былъ бы невозможенъ у насъ, не понимая нашей жизни и нашихъ взглядовъ на характеръ преступленій и наказаній, а нашъ лучшій судья былъ бы невозможенъ въ англійскомъ или испанскомъ судѣ. Но при постановленіи приговора, судья опредѣляетъ наказаніе преступнику, руководясь исключительно закономъ, предоставляющимъ ему извѣстную свободу въ выборѣ размѣра или даже и рода наказанія. Изъ этого очевидно, что чѣмъ болѣе свободы предоставлено судьѣ въ выборѣ размѣра наказанія, тѣмъ болѣе приговоръ его можетъ соотвѣтствовать требованіямъ справедливости, и наобо-

---

рыхъ изъ нихъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія какъ объ „ошибкахъ“ суда и имена „счастливцевъ“, избѣгнувшихъ строгаго наказанія, приводятся какъ упрекъ новымъ судамъ.

ротъ—чѣмъ болѣе власть судьи въ опредѣленіи наказанія будетъ ограничена, тѣмъ чаще приговоры его не будутъ удовлетворять требованіямъ справедливости: въ иныхъ случаяхъ приговоръ окажется несоразмѣрно слабымъ, въ другихъ—несоразмѣрно тяжкимъ, суровымъ. И тотъ и другой приговоры непремѣнно вызовутъ упреки суду, ибо общество (въ томъ числѣ и присяжные засѣдатели) не можетъ быть знакомо съ законами на столько, чтобы точно знать права суда въ опредѣленіи наказанія въ каждомъ случаѣ. Чувствуя только одно, что судъ обязанъ опредѣлять наказаніе правомѣрно и не видя этой правомѣрности общество естественно винитъ судъ или въ суровости, или въ потворствѣ, т. е. въ неправосудіи. Вотъ почему для предотвращенія подобныхъ нареканій на судъ необходимо предоставленіе суду достаточной свободы въ выборѣ наказанія и опредѣленіи его размѣра. Между тѣмъ наше уложеніе, установивъ крайне несоразмѣрныя наказанія за многія преступленія, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ стѣснило судъ въ опредѣленіи наказаній, что ему остается почти что только подвести опредѣленное наказаніе, безъ соображенія на сколько оно въ данномъ случаѣ справедливо. Укажемъ для примѣра нѣсколько случаевъ.

Родители и опекуны, жестокостью своего обращенія побудившіе ввѣренное ихъ попеченію лицо къ самоубійству, наказуются тюрьмою до одного года и четырехъ мѣсяцевъ (ст. 1476).

Такое тяжкое и ужасное преступленіе не можетъ покрываться такимъ слабымъ наказаніемъ и намъ извѣстенъ случай, когда послѣ произнесенія приговора суда, присудившаго подсудимаго къ высшему наказанію, въ залѣ раздалось шиканье, а мѣстное общество долго не могло забыть этого приговора.

Растрата или присвоеніе частнымъ лицомъ свыше 300 рублей, не смотря на сумму растраченнаго, наказуется исправительными отдѣленіями на полтора года или ссылкою на житье въ западную Сибирь, съ правомъ свободно проживать на присвоенныя деньги (1681 и 1666 ст.). Служебныя и бан-

ковыя растраты наказывались почти также и только въ 1884 г. установлено для особо важныхъ случаевъ ссылка на поселеніе [1]).

Кража въ третій разъ или кража со взломомъ, курицы и тысячъ, наказуется одинаково, тогда какъ очевидно похищающій тысячи долженъ обладать большею смѣлостью, ибо тысячи охраняются иначе, чѣмъ курицы въ курятникѣ.

Грабежъ съ насиліемъ наказуется каторгой до шести лѣтъ или ссылкою на поселеніе, а грабежъ безъ насилія—исправительными отдѣленіями, когда половина всѣхъ грабежей носитъ такой характеръ, что и заключеніе въ тюрьмѣ для нихъ представляется строгимъ наказаніемъ.

Изнасилованіе грозитъ каторгой отъ 4—8 лѣтъ, но судъ можетъ уменьшить наказаніе на двѣ степени и назначить ссылку на поселеніе; эти два наказанія опредѣляются безразлично и за изнасилованіе завѣдомо публичной женщины и завѣдомо почтенной женщины или дѣвушки.

Съ точки зрѣнія доктрины всѣ эти наказанія можетъ быть и правомѣрны, ибо—честь всякой женщины должна быть одинаково ограждена, кража при одинаковыхъ условіяхъ

---

[1]) Среди нѣкоторыхъ юристовъ существуетъ убѣжденіе, что у насъ исторически сложилось понятіе о растратѣ, какъ о такомъ преступленіи, которое не должно быть строго наказуемо. Мы убѣжденія этого не раздѣляемъ, ибо *на нькоторые* виды растраты и общество, и масса народа смотрятъ какъ на нарушеніе довѣрія и удивляется наказанію Рыкова, Юханцева и другихъ. Напротивъ, какъ прежде, такъ и теперь, въ обществѣ твердятъ, что назаканіе за растрату такъ ничтожно, что можетъ соблазнять многихъ слабохарактерныхъ къ совершенію преступленія, которое даетъ возможность жить хорошо, отбывъ легкое наказаніе или переселившись въ Сибирь. Дѣйствительно, въ Англіи, гдѣ растрата наказуется очень строго—тюрьмою съ тяжкими работами до 10 и болѣе лѣтъ,—тамъ не слыхать о такихъ милліонныхъ растратахъ, которыя у насъ стали обыденнымъ явленіемъ. Лѣтъ 8 тому въ одномъ изъ англійскихъ банковъ была совершена растрата на сумму около ста тысячъ фунтовъ. Судья приговорилъ директора къ десятилѣтнему заключенію съ тяжкими работами, а его товарищей—къ восьмилѣтнему. По этому поводу въ одной большой англійской газетѣ появилась статья, въ которой указывалось, что подобныя растраты должны наказываться очень строго, ибо они лишая сбереженій честныхъ труженниковъ, совершаютъ то же убійство и, не одного человѣка, а многихъ людей.

(взломѣ) обнаруживаетъ одинаковую степень злой воли и т. д.; но съ житейской точки зрѣнія наказанія эти для многихъ случаевъ прямо несправедливы или непомѣрно слабы, или непомѣрно суровы. Такимъ образомъ приведенные нами примѣры наглядно доказываютъ, что нашъ уголовный законъ иногда ставитъ судей въ такое положеніе, при которомъ имъ приходится только разводить руками, — недоумѣвая какой приговоръ постановить въ данномъ случаѣ?

Суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей подсудны дѣла менѣе сложныя, съ слабѣйшими наказаніями. Мы уже указывали, что въ примѣненіи этихъ послѣднихъ наказаній несправедливость менѣе рѣзка. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что эти наказанія такъ установлены, что при пониженіи ихъ на двѣ степени (что предоставлено суду) почти во всѣхъ случаяхъ возможенъ переходъ къ другому виду наказанія (отъ тюрьмы къ аресту, 38 и 39 ст.). Поэтому судъ, рѣшая дѣла безъ участія присяжныхъ засѣдателей, находится въ относительно довольно благопріятныхъ условіяхъ. Переходя къ другому наказанію и назначая его въ минимальномъ размѣрѣ, онъ легко можетъ избѣгнуть суроваго приговора.

Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится судъ по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, или, правильнѣе сказать, въ другомъ положеніи находятся сами присяжные засѣдатели. Наказанія, назначаемыя по дѣламъ съ ихъ участіемъ, почти всегда строги, а иногда суровы, насколько судъ не понижалъ бы ихъ. Поэтому присяжнымъ, знающимъ какое наказаніе грозитъ подсудимому, часто приходитсь выбирать между явною несправедливостью и оправданіемъ, къ чему они и склоняются, когда не видятъ особо вредныхъ послѣдствій дѣянія подсудимаго.

Могутъ возразить, что присяжные не знаютъ какое наказаніе грозитъ подсудимому и, потому, не могутъ задаваться вопросомъ объ оправданіи подсудимаго только въ виду строгаго, угрожающаго ему наказанія. Съ другой стороны судъ, находя опредѣляемое закономъ наказаніе не соотвѣтствующимъ винѣ, можетъ ходатайствовать о смягченіи его или, въ

крайнихъ случаяхъ, о совершенномъ помилованіи подсудимаго.

О такомъ правѣ суда присяжные засѣдатели не знаютъ и предсѣдатели никогда не говорятъ имъ о немъ, а суды рѣдко, очень рѣдко обращаются съ такими ходатайствами. Если бы суды обращались съ просьбами о помилованіи по всѣмъ дѣламъ, по коимъ наказанія по ихъ мнѣнію несоразмѣрно строги, то въ результатѣ оказалось бы ходатайство не въ силу особо уменьшающихъ вину обстоятельствъ (ст. 775 и 828 устава), а въ силу несоотвѣтствія опредѣленныхъ закономъ наказаній—преступленіямъ. Понятно, что на такія ходатайства суды, вопреки закону, никогда не пойдутъ.

Что же касается до перваго возраженія, то оно вѣрно только отчасти.

Послѣ перваго дѣла присяжные приблизительно знаютъ, какое наказаніе соотвѣтствуетъ извѣстному преступленію, а между присяжными почти всегда находится одинъ любознательный, который предварительно просмотритъ соотвѣтствующія части уложенія и познакомитъ своихъ товарищей съ наказаніями. Вотъ почему по большинству дѣлъ присяжные засѣдатели знаютъ напередъ приблизительно какое наказаніе грозитъ подсудимому и легко впадаютъ въ ошибку только по дѣламъ со сложными опредѣленіями участія въ преступленіи: по дѣламъ о покушеніяхъ на преступленія, по дѣламъ съ видовыми признаками, увеличивающими вину, и по дѣламъ о несовершеннолѣтнихъ.

Между тѣмъ эти обстоятельства самымъ неблагопріятнымъ образомъ вліяютъ на судъ присяжныхъ. Присяжные, находя несоразмѣрность опредѣленнаго наказанія признаннымъ ими виновными подсудимымъ и не видя ходатайства суда о смягченіи наказанія и даже не зная о такомъ правѣ суда, положительно недоумѣваютъ—неужели же слѣдуетъ изъ за сломаннаго замка или „нарушенія цѣлости соломенной крыши“ наказывать арестантскими ротами на нѣсколько лѣтъ, когда подсудимый намѣревался похитить не тысячи, а грошевую вещь? Неужели справедливо отправлять на каторгу молодаго

человѣка за то, что онъ насильно отнялъ у парня гармонику, чтобы поиграть на ней въ хороводѣ, которую потомъ вмѣстѣ съ другими и пропилъ? И разсудокъ и сердце громко говорятъ имъ, что такъ осудитъ человѣка жестоко и въ результатѣ являются оправдательные вердикты, которымъ глубоко сочувствуютъ и судьи, и прокуроръ, и противные которымъ вердикты поставили бы судъ въ самое тягостное положеніе.

Чтобы указать насколько и какъ несоразмѣрность наказаній вліяетъ на судъ присяжныхъ, остановимся на слѣдующихъ, извѣстныхъ намъ, случаяхъ изъ жизни судовъ.

Въ усадьбѣ одного помѣщика, ночью, загорѣлась одиноко стоявшая изба для рабочихъ въ то время, когда въ ней никого не было. Изба наполовину сгорѣла, но дальнѣйшее развитіе огня остановлено сбѣжавшимся народомъ, среди котораго былъ и крестьянинъ X, принимавшій дѣятельное участіе въ тушеніи пожара. Такъ какъ виновнаго въ поджогѣ не было обнаружено, да и самый фактъ поджога не былъ точно установленъ, то дѣло о поджогѣ избы было прекращено. Черезъ годъ послѣ того X. какъ то проговорился, что поджогъ совершилъ онъ. Возникло дѣло и X, благодаря своему сознанію, очутился на скамьѣ подсудимыхъ. На судѣ X. подтвердилъ свое сознаніе, присяжные признали его виновнымъ и судъ приговорилъ его къ наименьшему наказанію— шестилѣтней каторгѣ. Послѣ этого присяжные, находя такое наказаніе несоразмѣрно строгимъ, по другому дѣлу о поджогѣ, несомнѣнно доказанному, вынесли оправдательный вердиктъ.

Молодой крестьянинъ обвинялся въ изнасилованіи крестьянской дѣвушки, прошлое которой было весьма небезупречно. „Желая поучить маленько озарника“, присяжные признали его виновнымъ, а судъ приговорилъ его къ наименьшему наказанію, къ ссылкѣ на поселеніе. При провозглашеніи резолюціи, два присяжныхъ не выдержали и громко сказали „ого“! — такъ поразилъ ихъ этотъ суровый приговоръ. Въ ту же сессію разсматривалось одно возмутительное дѣло— обвинялся дядя опекунъ не безъ задней мысли такъ обращавшійся съ своею племянницей, что она повѣсилась. Судъ

приговорилъ подсудимаго къ высшему наказанію, на годъ и четыре мѣсяца въ тюрьму. Присяжные были такъ возмущены этимъ приговоромъ, что громко говорили, что это не судъ, а произволъ; одного—ни за что ссылаютъ въ Сибирь, а другаго, за убійство приговариваютъ въ тюрьму. Недовольство присяжныхъ судомъ выражалось настолько несдержанно, что дошло до членовъ суда и предсѣдатель счелъ нужнымъ объяснить имъ, что эти приговоры не есть произволъ суда. Объясненія предсѣдателя дѣлу не помогли; довѣріе къ суду со стороны присяжныхъ было утрачено и большинство остальныхъ дѣлъ прошло съ оправданіемъ даже такихъ подсудимыхъ, которые, разумѣется, не расчитывали выйти изъ суда свободными. Въ числѣ послѣдующихъ дѣлъ было дѣло объ изнасилованіи крестьянки.—Присяжные вынесли оправдательный вердиктъ, объясняя потомъ, что если по первому дѣлу судъ назначилъ такое строгое наказаніе, то къ чему же бы приговорилъ этого подсудимаго?

Мы привели нѣсколько примѣровъ изъ многихъ, извѣстныхъ намъ. Въ практикѣ судовъ ихъ встрѣчалось такъ много, что каждый судебный дѣятель можетъ провѣрить справедливость сказаннаго нами по собственному опыту.

Теперь спрашивается: можно ли всегда винить присяжныхъ засѣдателей за проявляющуюся въ ихъ рѣшеніяхъ непослѣдовательность и можно ли бросать имъ упрекъ за нѣкоторыя „непонятныя“ рѣшенія?

Въ числѣ этихъ послѣднихъ упрековъ видное мѣсто занимаютъ упреки въ оправданіи сознавшихся подсудимыхъ. Оправданіе таковыхъ вызываетъ громкіе толки въ печати и обществѣ и противъ этого прописывается много рецентовъ. Негодующіе, ссылаясь на примѣръ англійскаго судопроизводства, недоумѣваютъ—для чего еще нужно признаніе присяжными того обстоятельства, которое не отвергаетъ самъ подсудимый? Опровергать это мнѣніе не входитъ въ задачу нашихъ очерковъ, но мы не можемъ не высказать, что условія и порядокъ дѣятельности судей и присяжныхъ, нашихъ и англійскихъ, и взглядъ на преступленіе и на наказаніе нашего

общества и англійскаго, такъ различны, что сравнивать дѣятельность англійскаго суда съ нашимъ не приходится. Какъ мы видѣли, оправданіе виновныхъ подсудимыхъ довольно часто является прямымъ слѣдствіемъ недостатковъ нашего уголовнаго уложенія и несоотвѣтствіе многихъ уголовныхъ законовъ взглядамъ и понятіямъ общества на преступленія и наказанія. Къ этой причинѣ слѣдуетъ отнести большую часть оправданій сознающихся подсудимыхъ. По нашему глубокому убѣжденію, стоитъ только устранить эти условія и присяжные будутъ относиться къ сознающимся подсудимымъ совсѣмъ иначе. Теперь же, когда присяжнымъ приходится выбирать между явной несправедливостью, граничащей съ суровостью, и оправданіемъ, они очевидно выбираютъ послѣднее и упрека въ томъ имъ дѣлать не слѣдуетъ. Мы желали бы знать, кто изъ негодующихъ на оправданіе сознающихся, призналъ бы виновными подсудимыхъ по слѣдующимъ дѣламъ?

Разнощикъ съ лоткомъ пряниковъ шелъ по улицѣ; на встрѣчу ему шла толпа подгулявшихъ новобранцевъ. Новобранцы окружили разнощика, вырвали у него лотокъ и при немъ расхватали пряники, а вмѣстѣ съ ними и нѣсколько мѣдныхъ денегъ. Изъ всей толпы 14 человѣкъ созналось, что они расхватали пряники, а остальные виновными себя не признали и, разумѣется, были освобождены отъ суда.

По другому дѣлу восемь человѣкъ вольнонаемныхъ пожарныхъ, увидя проходившую мимо ихъ казармы публичную женщину, постоянно посѣщавшую ихъ, съ какимъ то парнемъ, потребовали, чтобы она оставила парня и шла къ нимъ, а когда она не согласилась, то сорвали съ нея платокъ, а съ кавалера ея свиту и шапку, и пропили все. По обоимъ дѣламъ подсудимые были преданы суду за грабежъ съ насиліемъ, а присяжные предъ этимъ разсматривали другія подобныя дѣла и подсудимые были приговорены къ каторгѣ. Могли ли присяжные рѣшиться отправить 22 человѣка на каторгу за такіе грабежи?

Въ храмовой праздникъ шелъ крестьянинъ по улицѣ; на него напали семь человѣкъ и въ видѣ шутки нѣсколько разъ ударили его. Крестьянинъ упалъ и

тутъ же умеръ, какъ оказалось отъ разрыва аорты. Восьмидесятилѣтній бѣднякъ, отставной чиновникъ, найдя въ городской управѣ на полу окладной листъ пошелъ съ нимъ къ домовладѣльцу и, назвавшись чиновникомъ управы, получилъ съ него 82 коп. Можетъ быть судебная палата и имѣла основаніе къ преданію суду этихъ подсудимыхъ, но спрашивается: какой судъ приговорилъ бы ихъ къ строгому тюремному заключенію? Разумѣется присяжные вынесли по всѣмъ дѣламъ оправдательные вердикты, которые вынесли бы и негодующіе на оправданіе сознающихся и которымъ одинаково сочувствовали общество, судьи и прокуроръ.

Пожалуй скажутъ, что приведенные нами примѣры таковы, что они выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣлъ. Совершенно справедливо. Но если только допустить справедливость вердиктовъ по этимъ дѣламъ, то кто же можетъ возражать въ принципѣ противъ оправдательныхъ вердиктовъ сознающимся подсудимымъ и кто можетъ провести точную границу между такими дѣлами съ сознаніемъ, по коимъ присяжные могутъ выносить оправдательные вердикты и по коимъ они выносить не могутъ и не должны? Вотъ почему мы считаемъ себя вправѣ сказать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, судъ присяжныхъ оправдывая сознающихся подсудимыхъ, т. е. признавая ихъ не подлежащими наказанію за совершенное ими дѣяніе, только удовлетворяютъ требованіямъ справедливости.

Но почему же наши прежніе суды удовлетворяли требованіямъ справедливости, хотя и не могли оправдывать сознающихся подсудимыхъ? Почему же военные суды, дѣйствующіе при такихъ же условіяхъ, удовлетворяютъ справедливости? Отвѣтъ ясенъ. Военные суды находятся въ исключительныхъ условіяхъ. Требованія военной дисциплины налагаютъ на судъ иныя обязанности и потому, на приговоры военнаго суда смотрятъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на приговоръ суда гражданскаго. Что же касается до судовъ прежняго времени, то дѣятельность ихъ приводить въ примѣръ нельзя, ибо она для общества неизвѣстна и что творили прежніе суды—про то

общество не вѣдало и не вѣдаетъ. Одно только извѣстно служившимъ въ прежнихъ судахъ, что въ тюрьмахъ и въ арестантскихъ ротахъ содержалась масса *дѣйствительно несчастныхъ*, которые, не чувствуя за собою особой вины, по простотѣ сердечной, сознались въ своемъ дѣлѣ *и за это* (за то, что сознались) отсиживали долгіе сроки, тогда какъ дѣйствительные преступники освобождались изъ тюрьмы „*въ сильномъ подозрѣніи*“ *по пяти убійствамъ съ цѣлью ограбленія, по 6 кражамъ изъ церкви, по двумъ разбоямъ, сопровождавшимся убійствомъ и поджогомъ селенія, и по множеству кражъ*, только потому, что опытный преступникъ твердилъ слѣдователямъ: „знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю“. Такой именно приговоръ уголовной палаты и много подобныхъ мы можемъ указать.

Кромѣ оправданія сознающихся подсудимыхъ, суду присяжныхъ ставится въ упрекъ еще то, что присяжные оправдываютъ по возмутительнымъ преступленіямъ, при полной доказанности виновности подсудимаго. Дѣйствительно, такіе вердикты не рѣдкость въ нашихъ судахъ; но чтобы оцѣнить степень правильности ихъ, недостаточно судить о доказанности виновности подсудимаго съ своей точки зрѣнія, или съ точки зрѣнія прокурора; необходимо понять условія, при коихъ присяжные постановляютъ рѣшенія, необходимо мысленно поставить себя въ ихъ положеніе.

Мы уже указывали на то, что степень доказанности виновности обусловливается не числомъ доказательствъ и уликъ, а главнымъ образомъ личностью судящаго о нихъ человѣка, его міросозерцаніемъ, ибо „улики и доказательства имѣютъ два конца“. Провести границу—когда можетъ кончаться сомнѣніе и когда должно начинаться убѣжданіе въ виновности, очевидно, невозможно, ибо при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ одинъ сомнѣвается въ томъ, въ чемъ другой глубоко убѣжденъ. Поэтому понятно, что опредѣлять степень доказанности виновности кого-либо своимъ собственнымъ убѣжденіемъ, равносильно требованію, чтобы весь міръ смотрѣлъ на данное дѣло извѣстнымъ взглядомъ, т. е. требованію, по меньшей мѣрѣ, неосновательному.

Затѣмъ, извѣстно, что на убѣжденіе судей, кромѣ характера уликъ и доказательствъ, весьма сильно вліяетъ еще и самый характеръ дѣла и что характеръ дѣла вліяетъ на судью тѣмъ сильнѣе, чѣмъ развитѣе судья, чѣмъ болѣе онъ привыкъ критически относиться къ самому себѣ и къ воспринимаемымъ имъ впечатлѣніямъ. Такъ называемыя „непосредственныя натуры“ скорѣе поддаются увлеченію перваго впечатлѣнія, чѣмъ люди съ зрѣлымъ умомъ, развитые, люди житейскаго опыта. Поэтому, развитые или опытные людй, судя о какомъ-либо фактѣ и его послѣдствіяхъ, не увлекаются сужденіемъ, а обращаютъ вниманіе на послѣдствія своего сужденія, и чѣмъ серьезнѣе послѣдствія, тѣмъ осторожнѣе они въ своихъ рѣшеніяхъ. Это мы наблюдаемъ ежедневно—и въ домашнемъ быту и въ общественной жизни. Точно тѣже требованія общество *обязано* предъявлять и къ судьямъ, которые въ силу этого *должны* особенно внимательно и осторожно рѣшать дѣла серьезныя, съ тяжкою отвѣтственностью подсудимыхъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что судьи (за малымъ исключеніемъ), при одинаковыхъ уликахъ и доказательствахъ скорѣе признаютъ виновнымъ въ какомъ-либо проступкѣ, чѣмъ въ тяжкомъ преступленіи, ибо строгость угрожающаго подсудимому наказанія невольно заставляетъ судью глубже критиковать всѣ доказательства, чтобы невиннаго не отправить на каторгу.

Убѣжденіе судьи подвергается такимъ впечатлѣніямъ, которое ближе всего назвать „*судейскимъ искушеніемъ*“. Иногда дѣло представляется яснымъ и убѣжденіе о виновности *какъ будто* полное, но *что-то* въ глубинѣ души говоритъ, что дѣло не такъ ясно, какъ кажется; это необъяснимое „*что-то*“ (всякій судья много разъ испыталъ его) невольно заставляетъ призадуматься передъ тѣмъ какъ произнести роковое „*да*“. Это „*что-то*“, мало по малу развиваясь, безпощадно ломаетъ сложившееся уже убѣжденіе и вызываетъ такое сомнѣніе, что судья останавливается въ недоумѣніи. Улики, доказательства, всѣ обстоятельства дѣла говорятъ за несомнѣнную виновность подсудимаго, а „*что-то*“ настойчиво твердитъ

свое. И сколько разъ это „что-то“ спасало людей отъ напрасной каторги! Если бы судья имѣлъ право отвѣтить вмѣсто: „да виновенъ“ или „нѣтъ, невиновенъ“ — „не доказано“, этимъ отвѣтомъ онъ высказалъ бы свою мысль, свое рѣшеніе; но отъ него требуютъ категорическаго отвѣта на вопросъ и, благодаря страху присудить невиннаго къ тяжкому наказанію, является оправдательный вердиктъ.

Кто бывалъ на судѣ въ качествѣ прокурора, тотъ много разъ испытывалъ, какъ иногда неожиданно колеблется глубокое убѣжденіе. Выходитъ прокуроръ на судъ, твердо убѣжденный въ виновности подсудимаго и въ неправильности объясненій его, опровергаемыхъ вполнѣ всѣми обстоятельствами дѣла, не понимая, чего ради подсудимый даетъ такія глупыя объясненія? На судѣ обстоятельства дѣла не измѣняютъ своего характера и убѣжденіе все глубже и неотразимѣе складывается противъ подсудимаго. И вдругъ какое нибудь, повидимому пустое, обстоятельство, даже незамѣченное другими, сильно колеблетъ убѣжденіе, и „что-то“ незамѣтно вкрадывается въ душу и вызываетъ сомнѣніе, недающее покоя и мучащее мозгъ постояннымъ вопросомъ: а что, если это дѣло не такъ просто, какъ кажется, если подкладка этого дѣла другая, если, наконецъ, онъ невиновенъ? Такое состояніе испытываетъ прокуроръ, составившій себѣ убѣжденіе въ виновности подсудимаго, заранѣе, такъ сказать, предубѣжденный противъ подсудимаго, и смотрящій на всѣ доказательства односторонне, сквозь призму своего взгляда. Понятно, что такое состояніе гораздо чаще испытываетъ каждый изъ непредубѣжденныхъ судей, то есть присяжныхъ засѣдателей, которыхъ мысль—„а что, если?“— заставляетъ чаще и сильнѣе призадумываться надъ утвердительнымъ отвѣтомъ о виновности подсудимаго. И вотъ, присяжные засѣдатели, сомнѣваясь въ виновности подсудимаго, отвѣчаютъ на вопросъ—„нѣтъ, не виновенъ“, а критики, небывшіе въ положеніи присяжныхъ и недавшіе себѣ труда вникнуть въ него, удивляются такому „непонятному“ рѣшенію.

Какъ иллюстрацію къ сказанному нами, приведемъ слѣ-

дующій случай. По одному дѣлу объ убійствѣ, съ весьма серьезными доказательствами, присяжные, послѣ долгаго совѣщанія, вынесли оправдательный вердиктъ, удивившій всѣхъ Составъ присяжныхъ былъ интелигентный, а старшиною былъ человѣкъ весьма уважаемый, котораго заподозрить въ легкомъ отношеніи къ дѣлу и въ слабости къ подсудимымъ никто не могъ. Можетъ быть, благодаря этому, оправдательный вердиктъ и былъ неожиданностью для всѣхъ, полагавшихъ, что этотъ составъ присяжныхъ, съ своимъ старшиною, не можетъ оправдать подсудимаго. Во время перерыва между присяжными и публикой завязался разговоръ о вердиктѣ и одинъ господинъ, обратясь къ старшинѣ, сказалъ: а у меня никакого сомнѣнія не возникало и я глубоко убѣжденъ, что это убійство дѣло рукъ его (подсудимаго). „Да, отвѣтилъ старшина, такого же убѣжденія были *всѣ мы*, присяжные. А когда я взялъ перо въ руки, чтобы написать отвѣтъ, то вдругъ *всѣмъ* намъ захотѣлось и сегодня ночью, и завтра, и послѣзавтра спать, а не мучиться тѣмъ, что мы отправили на каторгу невиннаго человѣка, и рука невольно опустилась". Этими словами поясняется смыслъ многихъ „непонятныхъ" рѣшеній присяжныхъ.

И такъ, разсмотрѣвъ внутреннія причины, вліяющія на присяжныхъ засѣдателей, мы имѣемъ право сказать, что оправдательные вердикты при сознаніи подсудимыхъ, и кажущаяся непослѣдовательность въ ихъ рѣшеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, обусловливаются такими побужденіями, которыя прямо указываютъ на серьезное и честное отношеніе присяжныхъ къ своимъ обязанностямъ и которыя не позволяютъ бросать камень въ судъ присяжныхъ. Пусть бросаютъ этотъ камень другіе: мы же, близко знающіе судъ присяжныхъ, не будемъ въ ихъ числѣ.

Чтобы оцѣнить правильно значеніе извѣстнаго рѣшенія, мало прочитать отчеты или выслушать вскользь дѣло, смотря на судебное слѣдствіе, какъ на драматическое представленіе. Надо самому испытать на судѣ много разныхъ впечатлѣній, перечувствовать многое, принимая активное участіе въ произ-

водствѣ дѣла, и тогда только, провѣривъ себя, проанализировавъ свое душевное состояніе, дѣлаешься способнымъ понять душевное состояніе людей, рѣшающихъ безповоротно участь другихъ, ломающихъ всю жизнь ихъ. Кто наблюдалъ часто душевныя страданія другихъ и научился понимать ихъ, тотъ осторожно относится къ нимъ. Вотъ съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на рѣшенія суда присяжныхъ и тогда многое непонятное въ немъ дѣлается намъ яснымъ, а многія неожиданныя рѣшенія окажутся желаемыми, справедливыми.

И по собственному опыту, и по опыту другихъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу суда и знающихъ его, мы смѣло можемъ сказать слѣдующее. Если въ первое время иной вердиктъ присяжныхъ покажется непослѣдовательнымъ или непонятнымъ, то потомъ, хладнокровно обсуждая дѣло, приходишь къ тому, что въ большинствѣ случаевъ такой вердиктъ болѣе справедливъ, чѣмъ другой, а только въ меньшинствѣ случаевъ мы находимъ причину его въ тѣхъ внѣшнихъ вліяніяхъ, на которыя мы указали. Въ концѣ концовъ приходишь къ убѣжденію, что не много выносится присяжными такихъ вердиктовъ, которые дѣйствительно „непонятны“.

XXIII.

Говоря, что непонятныя рѣшенія присяжныхъ объясняются условіями и порядкомъ производствъ дѣлъ и внутренней стороной ихъ, мы далеки отъ мысли, что вердикты присяжныхъ всегда правильны. Далеко нѣтъ! Между рѣшеніями присяжныхъ, хотя и рѣдко, но встрѣчаются такія, которыя ничѣмъ объяснены быть не могутъ [1]). Но спрашивается, есть ли человѣческій судъ, который удовлетворялъ бы сегда и вполнѣ требованіямъ правосудія? Судебныя ошибки были, есть и будутъ во всѣхъ судахъ, всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, и ихъ из-

[1]) Въ практикѣ судовъ наблюдались подкупы присяжныхъ. Такіе случаи настолько единичны, что говорить о нихъ, какъ о явленіяхъ серьезныхъ, не приходится. Нѣсколько дѣлъ о подкупахъ, извѣстныхъ на перечетъ, когда присяжными разрѣшены сотни тысячъ дѣлъ, не могутъ давать права говорить о нихъ.

бѣжать вполнѣ невозможно. Государственная власть и общество тогда только могутъ находить недостатки даннаго судоустройства (не судопроизводства) серьезными, когда организація суда допускаетъ или тенденціонные приговоры, носящіе въ себѣ зародышъ неправосудія, или неправильные приговоры вслѣдствіе неспособности судей къ своимъ обязанностямъ, ибо рѣшенія суда внѣ этого, очевидно, обусловливаются разумнымъ и честнымъ взглядамъ на дѣло, во всей его цѣлостности, взглядомъ, неисключающимъ возможности ошибокъ.

Не касаясь вопроса—на сколько вообще лица судебнаго вѣдомства удовлетворяютъ требованіямъ, которыя слѣдовало бы предъявить къ нимъ, такъ какъ не намъ судить ихъ, да имъ уже и дана должная оцѣнка обществомъ, мы смѣло можемъ утверждать, что самый строгій критикъ нашего суда не найдетъ ни въ дѣятельности судей, ни въ дѣятельности присяжныхъ, какой либо тенденціи (вредной). Единственно, что можетъ замѣтить каждый бывавшій въ судѣ—это неудовлетворительность состава присяжныхъ засѣдателей, попадающихъ въ судъ благодаря совершенно непригодному порядку и способу составленія общихъ и очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Главный недостатокъ существующаго порядка составленія списковъ присяжныхъ заключается въ томъ, что условія, дающія право быть присяжнымъ, опредѣлены нераціонально. Отрѣшая отъ этого права лицъ, болѣе всего желательныхъ въ средѣ присяжныхъ—землевладѣльцевъ средняго состоянія (имѣющихъ менѣе 100 десятинъ, т. е. владѣющихъ капиталомъ, отъ 5—25 тысячъ), они предоставляютъ его или людямъ крупнаго состоянія, которыхъ вообще немного, или бѣднякамъ, мелкимъ ремесленникамъ и торговцамъ, живущимъ изо дня въ день, и безземельнымъ крестьянамъ, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ подавляющее большинство въ провинціальныхъ спискахъ. Не говоря уже о томъ, что благодаря этимъ условіямъ, иногда въ списки попадали или всѣ неграмотные, такъ что не составлялись засѣданія суда, или такіе бѣдняки, которые послѣ засѣданія ходили просить работы или

Христа ради милостыни, одно присутствіе въ судѣ большаго числа мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ говоритъ само за себя. Непонимая часто дѣла, они не составляютъ коллегіи двѣнадцати судей и выносятъ „непонятныя“ рѣшенія, объясняемыя только составомъ присяжныхъ, ихъ поставившимъ. Отъ такихъ присяжныхъ законъ, разумѣется, напрасно ожидалъ „заботливости объ охраненіи общественной и частной безопасности и законнаго порядка“.

Мы затронули этотъ вопросъ потому, что онъ представляется весьма и весьма серьезнымъ. Во всѣхъ округахъ, кромѣ одесскаго, попадаются списки присяжныхъ, наполненные лицами, которые ни въ какомъ случаѣ не должны бы были находиться въ спискахъ; но такіе списки попадаются еще не особенно часто. Въ одесскомъ округѣ, напротивъ, существующій порядокъ составленія списковъ настолько ненормаленъ, что результаты дѣятельности судовъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, бросаются въ глаза.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы было обращено серьезное вниманіе на порядокъ и способъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, то списки значительно упорядочились бы въ своемъ составѣ, и вмѣсто лицъ, совершенно непригодныхъ къ исполненію судейской обязанности, мы видѣли бы лицъ вполнѣ достойныхъ нести эту трудную обязанность, которыя предоставили бы полныя гарантіи правосудію [1]).

[1]) Часто слышатся мнѣнія, что въ составленіи списковъ присяжныхъ виновны исключительно коммисіи, не обращающія на это никакого вниманія. Такое мнѣніе только до нѣкоторой степени справедливо, такъ какъ намъ извѣстно, что въ нѣкоторыхъ уѣздахъ коммисіи, при всемъ стараніи, не могли составить иныхъ списковъ. Закономъ 3 іюня 1884 года способъ составленія очередныхъ списковъ присяжныхъ засѣдателей нѣсколько измѣненъ, но общіе списки составляются на прежнемъ основаніи. Поэтому очередные списки упорядочились только до нѣкоторой степени и то не во всѣхъ мѣстностяхъ. Для того, чтобы вполнѣ упорядочить составъ присяжныхъ, необходимо измѣнить условія, дающія право быть присяжнымъ обративъ особое вниманіе на то— отъ кого болѣе можно ожидать „заботливости объ охраненіи общественной и частной безопасности и законнаго порядка“. Тогда коммисіи могутъ дѣлать должный выборъ лицъ при составленіи очередныхъ списковъ, что теперь для нихъ невозможно.

Только этотъ упрекъ и можно сдѣлать организаціи суда присяжныхъ, но и то сдѣлать условно, говоря, что при лучшемъ порядкѣ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, можно съ увѣренностью ожидать, что результаты суда присяжныхъ еще болѣе чѣмъ теперь будутъ удовлетворять требованіямъ государственной и общественной жизни.

Мы сказали: „еще болѣе будутъ удовлетворять требованіямъ государственной и общественной жизни“, и не отказываемся отъ своихъ словъ, такъ какъ надѣемся доказать точными цифрами, что судъ присяжныхъ и въ настоящемъ его видѣ долженъ быть признанъ судомъ, удовлетворяющимъ строгимъ требованіямъ, при условіи цѣлесообразнаго порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, и что въ этомъ отношеніи упрека суду присяжныхъ, *какъ таковому*, дѣлать не приходится. Дѣйствительно, если мы видимъ, что иной судья творитъ на судѣ Богъ знаетъ что, то мы имѣемъ право сказать только то, что такой судья не на своемъ мѣстѣ. Точно также если мы видимъ, что судъ присяжныхъ въ одной мѣстности даетъ хорошіе результаты, а въ другой, неудовлетворительные, то должны признать, что условія выбора лицъ въ присяжные засѣдатели въ послѣднемъ случаѣ неудовлетворительны и нецѣлесообразны. Съ этой стороны намъ совершенно непонятно, какъ это до сихъ поръ, въ теченіи 20 лѣтъ, судебная администрація не пришла къ заключенію о необходимости пересмотра правилъ о порядкѣ и условіяхъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, правилъ коренныхъ, служащихъ основаніемъ всего суда присяжныхъ, когда результаты суда въ одномъ судебномъ округѣ и постоянныя частныя извѣстія и свѣдѣнія, получаемыя отъ лицъ судебнаго вѣдомства, давно уже указывали на ненормальное положеніе вещей.

Одно изъ главныхъ основаній, приводимыхъ *вообще* противъ суда присяжныхъ, какъ у насъ, такъ и за границей, въ сущности, сводится къ тому, что присяжные засѣдатели, неотвѣтственные ни передъ кѣмъ, не особенно заботятся объ общественныхъ и государственныхъ интересахъ и къ тому же

сильно поддаются вліянію чувства, благодаря чему является масса оправдательныхъ рѣшеній, несоотвѣтствующихъ интересамъ правосудія, т. е. государственной жизни, въ обширномъ смыслѣ этого понятія. Въ доказательство приводится вообще то, что присяжные выносятъ оправдательныхъ рѣшеній вдвое болѣе, чѣмъ судьи коронные. Въ частности, противъ нашего суда присяжныхъ говорятъ, что если процентъ оправдательныхъ рѣшеній суда присяжныхъ во Франціи, гдѣ присяжные выносятъ отъ 20—30% оправданій, сравнительно съ результатами суда короннаго, отъ 8—15% оправданій, очень высокъ, то у насъ, гдѣ присяжные оправдываютъ отъ 32 - 50% всѣхъ подсудимыхъ, громадный процентъ оправданій несомнѣнно доказуетъ непригодность нашего суда присяжныхъ.

Дѣйствительно, не только 50%, но даже 35% оправдательныхъ рѣшеній доказываетъ на какую-то ненормальность въ дѣятельности суда; но спрашивается: слѣдуетъ ли ее искать въ характерѣ дѣятельности суда присяжныхъ или въ какихъ либо другихъ причинахъ?

Прежде всего нельзя не замѣтить, что сопоставленіе дѣятельности суда присяжныхъ у насъ и въ иностранныхъ государствахъ невозможно, потому что условія подсудности дѣлъ коронному суду и суду присяжныхъ, а равно условія и порядокъ преданія суду до такой степени различны, *что цифровые результаты дѣятельности судовъ не могутъ быть сопоставляемы.* Чтобы хотя отчасти пояснить нашу мысль, приведемъ слѣдующія соображенія.

Процентъ оправдательныхъ рѣшеній прямо зависитъ отъ степени основательности преданія суду, Чѣмъ безосновательнѣе будутъ предаваться суду, тѣмъ болѣе будетъ процентъ оправданій, хотя абсолютное число обвинительныхъ рѣшеній будетъ болѣе. Напримѣръ: если изъ 1000 оконченныхъ дѣлъ предать суду обвиняемыхъ по 400 дѣламъ, то присяжные вынесутъ оправдательныхъ рѣшеній, приблизительно, по 120 дѣламъ, а по 280 подсудимые будутъ обвинены; если изъ остальныхъ 600 дѣлъ выбрать еще триста дѣлъ и по нимъ предать суду обвиняемыхъ, то мо-

жетъ быть присяжные признаютъ виновными еще тридцать подсудимыхъ, а остальныхъ оправдаютъ, то есть изъ 700 дѣлъ оправдательныхъ рѣшеній послѣдуетъ 390, а обвинительныхъ 310; если же и по остальнымъ тремстамъ дѣламъ предать суду обвиняемыхъ, то, можетъ быть, присяжные обвинятъ подсудимыхъ еще по 10 дѣламъ, т. е. всего оправдаютъ 680, а обвинятъ 320 подсудимыхъ. Въ первомъ случаѣ будетъ оправдательныхъ рѣшеній 30%, во второмъ случаѣ—44%, а въ послѣднемъ—68%. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ различные результаты суда, выраженные цифрами, *сами по себѣ* ни въ какомъ случаѣ не могутъ доказывать годности или негодности суда присяжныхъ и могутъ служить тому доказательствомъ только, при соображеніи цифръ съ условіями и порядкомъ преданія суду. Поэтому, сопоставленіе результатовъ дѣятельности нашего суда и суда французскаго (мы беремъ французскій судъ—какъ болѣе сходный съ нашимъ) не можетъ дать вѣрныхъ выводовъ, если мы по опыту—и опыту серьезному—не будемъ знать: гдѣ и на сколько основательнѣе обвиняемые предаются суду—у насъ или во Франціи? Этотъ вопросъ болѣе или менѣе безошибочно можно разрѣшить только посредствомъ серьезнаго практическаго паралельнаго изученія дѣятельности судовъ у насъ и во Франціи; теоретическое же изслѣдованіе этого вопроса можетъ дать только поводъ къ поверхностнымъ выводамъ, которые не могутъ быть ни для кого убѣдительны. Вотъ почему мы остерегаемся высказавать свое мнѣніе по этому вопросу и замѣтимъ только, что намъ никогда не приходилось ни слышать, ни читать о такихъ дѣлахъ ассизныхъ судовъ во Франціи, которыя сплошь и рядомъ появляются въ нашихъ судахъ, и по коимъ на скамью подсудимыхъ садятъ людей совершенно непонятно для чего и почему, непонятно и для судовъ, и для присяжныхъ, и для общества и, наконецъ, для самихъ подсудимыхъ.

И такъ, число оправдательныхъ рѣшеній прямо и, главнымъ образомъ, обусловливается большею или меньшею степенью основательности обвиненія, т. е. взглядомъ обвинитель-

ной власти (у насъ обвинительныхъ камеръ) *на условія, при коихъ должно состояться преданіе суду.* Если обвинительныя камеры будутъ предавать суду при недостаточныхъ основаніяхъ, „ради рѣшенія дѣла судомъ по всестороннемъ его разсмотрѣнія“, то очевидно — абсолютное число обвинительныхъ приговоровъ будетъ немного больше, а относительное число оправдательныхъ приговоровъ будетъ значительно больше, т. е. опроцентъ правданій будетъ несоразмѣрно великъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что вообще процентъ оправданій можетъ служить доказательствомъ удовлетворительности суда не самъ по себѣ, а по сопоставленію его съ другими условіями. Въ частности, у насъ, при обсужденіи этого вопроса, необходимо имѣть въ виду: что судебныя палаты (какъ всѣмъ извѣстно) особенно склонны предавать суду не потому, что обвиняемый достаточно уличенъ въ совершеніи преступленія, а потому, что „является сомнѣніе въ невинности обвиняемаго, которое должно быть разъяснено всестороннимъ разслѣдованіемъ дѣла на судѣ“; что судебныя палаты относятся къ преданію суду болѣе чѣмъ формально,— образчики чего мы видѣли на приведенныхъ нами примѣрахъ, и что при такомъ направленіи дѣятельности обвинительныхъ камеръ *у насъ*, очевидно, *не можетъ не быть большой процентъ оправдательныхъ приговоровъ.*

На сколько правиленъ взглядъ обвинительныхъ камеръ— этого вопроса мы не будемъ касаться, ибо онъ самъ по себѣ ясенъ; но результаты такого направленія наглядны: оставляя въ сторонѣ обвинительныя камеры, они, всею своею невыгодною стороною, падаютъ на неповинный судъ присяжныхъ, непригодность котораго доказывается невѣрнымъ взглядомъ судебныхъ палатъ на условія преданія суду.

Но дѣло суда—дѣло сложное и результаты его, какъ мы видимъ ежеминутно, опредѣляются не однимъ преданіемъ суду, а массою различныхъ условій. Всѣхъ таковыхъ мы перечислять не будемъ, но укажемъ только на одно, весьма сильно вліяющее на судъ вообще и судъ присяжныхъ въ особенности.

Каждое мало-мальски серьезное преступленіе во Франціи вызываетъ оживленную дѣятельность всѣхъ органовъ власти и хорошо организованной полиціи, *стремящихся оказать* дѣйствительную помощь слѣдственному судьѣ. Слѣдственный судья такъ обставленъ въ своей дѣятельности, что можетъ немедленно приступить къ слѣдствію и затратить на него много средствъ, времени и труда, не опасаясь накопить у себя массу дѣлъ. Очевидно, что при такихъ порядкѣ и условіяхъ результаты слѣдствія будутъ иные, чѣмъ у насъ,—гдѣ судебные слѣдователи обременены массою дѣлъ, не пользуются никакою помощью полиціи, получаютъ свѣдѣнія о происшествіяхъ черезъ недѣлю и позднѣе, и обязаны скакать на телѣгахъ по своему участку, тянущемуся отъ 50 — 150 и болѣе верстъ. Вотъ почему, помимо того, что у насъ должно раскрываться менѣе преступленій, чѣмъ во Франціи, и что у насъ слѣдствіе необходимо должно тянуться долѣе, но и дѣламъ, съ болѣе или менѣе обнаруженными виновными, долженъ быть присущъ особый характеръ недостаточной разслѣдованности, чего не можетъ быть въ слѣдствіяхъ французскихъ судовъ. Благодаря этому у насъ на судѣ чаще, чѣмъ во Франціи, должны наблюдаться неожиданные обороты дѣлъ, вызывающіе оправданія [1]). Такимъ образомъ, если бы у насъ и во Франціи предавались суду съ одинаковою основательностью, то во всякомъ случаѣ, благодаря характеру слѣдствій, у насъ должно быть болѣе оправдательныхъ рѣшеній.

Вотъ почему для правильной оцѣнки дѣятельности нашего суда присяжныхъ нельзя брать голыя цифры и ими доказывать свое заранѣе составленное убѣжденіе, а необходимо, прежде всего, выяснить причины, порождающія тѣ или другіе результаты, или, вѣрнѣе сказать, числовые результаты суда обсуждать рядомъ съ условіями и порядкомъ дѣятельности всѣхъ судовъ и его органовъ, и потомъ уже дѣлать сопоставленія не съ цифровыми результатами иностранныхъ су-

[1]) Отъ неожиданныхъ оборотовъ на судѣ мы могли бы избавиться вполнѣ установленіемъ права обжалованія обвинительныхъ актовъ.

довъ, а съ такими данными, которыя болѣе или менѣе сопоставимы. Такими данными для насъ могутъ служить только результаты дѣятельности кородаго суда, дѣйствующаго рядомъ съ судомъ присяжныхъ, при довольно сходныхъ условіяхъ. Но и при такомъ сопоставленіи, чтобы не ошибаться въ заключеніяхъ, мы должны хорошо помнить высказанныя нами соображенія о положеніи судей при постановленіи приговоровъ и объ условіяхъ постановленія ихъ. Сказанное нами по этому поводу, очевидно, должно приводить къ слѣдующимъ заключеніямъ:

что судъ присяжныхъ, вѣдающій болѣе серьезныя дѣла, съ болѣе тяжкими наказаніями, неминуемо долженъ быть осторожнѣе въ своихъ заключеніяхъ и, потому, долженъ гораздо чаще, чѣмъ коронный судъ, выносить оправдательныя рѣшенія при одинаковой степени (если можно такъ выразиться) доказанности обвиненія;

что явная несоразмѣрность и даже несообразность наказаній, опредѣляемыхъ нашимъ уложеніемъ, должна сильнѣе вліять на судъ присяжныхъ, чѣмъ на коронныхъ судей, которые не назначаютъ строгихъ наказаній и, потому, почти всегда могутъ избѣжать несоразмѣрныхъ наказаній, и

что, потому, въ силу этихъ причинъ, in abstracto, слѣдуетъ заключить, что въ судѣ присяжныхъ долженъ быть большій процентъ оправдательныхъ рѣшеній, чѣмъ въ судѣ коронномъ, при болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ преданія суду и одинаковой серьезности отношеній судей и присяжныхъ засѣдателей въ своимъ обязанностямъ.

Съ 1878 г. у насъ учреждены особыя судилища, съ спеціальною цѣлью — изъять дѣла о сопротивленіи власти изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, недостаточно, будто бы, строгаго къ нимъ: это—судебныя палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Задача этихъ судилищъ — строгая репрессія къ лицамъ такъ или иначе неповинующимся власти—говоритъ сама за себя и очевидно не допускаетъ такого снисхожденія къ подсудимымъ, съ которымъ могли относиться къ нимъ не только судъ присяжныхъ, но и судьи коронные. И дѣйствительно,

судилище это организовано съ этой стороны вполнѣ цѣлесообразно; въ немъ участвуютъ: старшій предсѣдатель и четыре члена судебной палаты и такіе выборные представители, которые всѣ вмѣстѣ должны составлять самый консервативный (если можно такъ выразиться) элементъ. Такое судилище, очевидно, не можетъ и не должно бы выносить много оправдательныхъ приговоровъ, тѣмъ болѣе, что къ преданію суду подсудимыхъ по этимъ дѣламъ обвинительная власть вообще относится съ особою осторожностью.

Между тѣмъ оказывается, что эти судилища выносятъ массу оправдательныхъ рѣшеній, которая поражаетъ своимъ числомъ, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы [1]).

Оправданные и осужденные судебными палатами съ участіемъ сословныхъ представителей за 1878—1881 гг.

Округа.	Общее число подсудимыхъ	Осуждено.	Оправдано.	% отношеніе.
С.-Петербургскій	129	87	42	32,5%
Московскій	524	317	207	40%
Харьковскій	332	163	169	50%
Одесскій	260	156	104	40%
Казанскій	436	281	135	31%
Саратовскій	248	157	91	36,7%
Кіевскій	134	47	87	65%
Итого	2045	1208	835	40,8%

[1]) Эти и слѣдующія таблицы составлены по отчетамъ мини терства

Изъ этой таблицы оказывается, что процентъ оправданій въ различныхъ округахъ колеблется между 31 и 50 и что въ общей сложности изъ 2045 подсудимыхъ оправдано 835, то есть 40,8%.

Спрашивается, чѣмъ же объяснить громадный процентъ оправданій, въ полтора раза превышающій процентъ оправданій суда присяжныхъ во Франціи, противъ котораго такъ кричатъ, и не слѣдуетъ-ли на этомъ основаніи признать полную непригодность и этого судилища? Очевидно, что такой результатъ дѣятельности нарочито учрежденнаго судилища объясняется характеромъ общаго направленія обвинительной власти, предающей суду: или по слишкомъ формальнымъ основаніямъ, или только ради разъясненія дѣла на судебномъ слѣдствіи, и что, потому, большой процентъ оправданій самъ по себѣ не даетъ права придти къ заключенію о непригодности судилища и о неспособности членовъ ихъ (завѣдомо для всѣхъ способныхъ) къ своимъ обязанностямъ.

И такъ, ознакомившись съ характеромъ направленія обвинительной власти, мы не можемъ удивляться большому числу оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ и этимъ путемъ находить недостатки суда присяжныхъ; напротивъ, мы должны ожидать въ приговорахъ нашихъ судовъ, какъ съ участіемъ, такъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей, громадный процентъ оправданій, въ особенности сравнительно съ судами французскими.

Дѣйствительно, возьмемъ для примѣра итоги всѣхъ судившихся въ нашихъ судахъ за время 1874 — 1881 годовъ и мы увидимъ подтвержденіе нашего мнѣнія въ нижеслѣдующей таблицѣ.

юстиціи за 1874—1881 гг. о дѣятельности судебныхъ установленій, которыя представляя точныя цифры, даютъ общую картину направленія обвинительной власти и дѣятельности нашихъ судовъ.

Оправданные и осужденные за 1874—1881 годы.

Округа.	Съ участ. присяж. засѣд.			Безъ участ. присяж. засѣд.		
	Осуждено.	Оправдано.	% отношеніе оправданныхъ.	Осуждено.	Оправдано.	% отношеніе оправданныхъ.
С.-Петербургскій	11469	6761	37,0	4054	1387	25,5
Московскій . .	47399	25419	34,9	14502	4880	25
Харьковскій .	35085	18508	34,5	10097	5174	34,5
Одесскій . . .	16470	14846	47,4	7534	1858	20
Казанскій . .	26089	16073	37,8	10631	3149	23
Саратовскій .	15272	9520	38,4	4824	2289	32,2
Кіевскій . . .	3589	1739	32,6	1157	733	38,8
Итого . .	155373	92866	37,7	52799	19470	26,8

Изъ этой таблицы оказывается, что коронный судъ, которому подсудны дѣла со слабыми наказаніями, оправдываетъ отъ 20 до 38,8% всѣхъ подсудимыхъ, а въ общей сложности изъ 72269 подсудимыхъ оправдалъ 19479, т. е. 26,8%. Такой результатъ мы видимъ, если въ числѣ этихъ подсудимыхъ оставить бродягъ, которыхъ, какъ извѣстно, суды не могутъ оправдывать; если же число бродягъ (10385) вычесть, то окажется, что изъ 61884 подсудимыхъ судъ оправдалъ

19290, то есть 31,2 процента. Цифры говорятъ сами за себя. Если коронный судъ по преступленіямъ со слабыми наказаніями и по дѣламъ, большинство которыхъ совершенно просто и не сложно, выноситъ 31,2 процента оправданій, то какой же процентъ оправданій долженъ быть въ судѣ присяжныхъ по дѣламъ сложнымъ и со строгими наказаніями? Если бы взять за образецъ французскіе суды, гдѣ коронные судьи выносятъ вдвое меньшій процентъ оправданій, то у насъ присяжные должны были бы оправдывать, по крайней мѣрѣ, 60 подсудимыхъ изъ ста!

Такимъ образомъ, большое число оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ, повторяемъ, не только не можетъ удивлять насъ, но должно быть нами ожидаемо вслѣдствіе своеобразнаго взгляда обвинительной власти на условія преданія суду, результатомъ котораго даже въ нашихъ окружныхъ судахъ является 31,2% оправданій. Между тѣмъ, разсматривая ту же таблицу мы видимъ, что присяжные выносятъ оправданій: въ кіевскомъ округѣ—32,6, въ московскомъ и харьковскомъ—34,5 и 34,9, т. е. почти столько же, сколько и коронные суды петербургскій, казанскій и саратовскій—37,0, 37,8, 37,4, и только въ одесскомъ 47,4 оправданій, въ общей же сложности 37,7%.

Послѣдняя цифра оправданій въ одесскомъ округѣ рядомъ съ другими, превышая ихъ болѣе чѣмъ на четвертую часть, прямо указываетъ на ненормальность организаціи суда присяжныхъ *въ этомъ округѣ*, т. е. на нецѣлесообразность порядка и условій составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, о чемъ мы уже говорили и что ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на выводы и заключенія о дѣятельности суда присяжныхъ *вообще и въ другихъ округахъ въ частности*.

Противное мнѣніе было бы равносильно тому, если бы какой либо одинъ судъ, изъ всѣхъ коронныхъ судовъ, своею дѣятельностью доказывалъ неспособность судей, и изъ этого мы заключили-бы о неспособности и всѣхъ другихъ судей. Наоборотъ, надо измѣнить только составъ судей въ данномъ судѣ,

если завѣдомо для всѣхъ они избираются изъ среды, совсѣмъ не подходящей для дѣла суда. Вѣроятно каждый согласится, что если бы вмѣсто лицъ извѣстной среды, болѣе достаточной и, потому, болѣе развитой, въ число присяжныхъ завѣдомо и нарочно вносить „босыя команды“, то обвинительныхъ приговоровъ судъ присяжныхъ выносилъ бы очень мало. Между тѣмъ въ одесскомъ округѣ мы видимъ, отсутствіе въ спискахъ землевладѣльцевъ, а вмѣсто нихъ массу мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ, менѣе всего подготовленныхъ къ тому, чтобы судить другихъ и, потому, менѣе всего желательныхъ присяжныхъ. Понятно, что составъ присяжныхъ въ одесскомъ округѣ даетъ себя чувствовать въ результатахъ суда. Вотъ почему одесскій округъ не можетъ служить мѣриломъ для оцѣнки дѣятельности суда присяжныхъ вообще и въ послѣдующихъ соображеніяхъ, для правильности выводовъ, намъ только остается исключать результаты дѣятельности судовъ одесскаго округа.

Разсматривая далѣе таблицу № 2, мы видимъ, что въ то время, какъ въ петербургскомъ, московскомъ, казанскомъ и саратовскомъ округахъ процентъ оправданія коронными суда менѣе на 12, 10, 14 и 16%, въ кіевскомъ—коронный судъ выноситъ оправданій болѣе на 6,2%, а въ харьковскомъ одинаковое число; если же изъ числа подсудимыхъ харьковскаго округа вычесть бродягъ, то окажется, что изъ 100 подсудимыхъ присяжные оправдываютъ 34,5 подсудимыхъ, а коронные судьи—38. Который изъ двухъ судовъ репрессивнѣе—рѣшить не трудно. Въ особенности цифры эти представляются яркими, если имѣть въ виду, что по дѣламъ, подсуднымъ окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей, суду предаютъ прокуроры собственною властью и предаютъ вообще всегда съ большею осторожностью, чѣмъ судебныя палаты по остальнымъ дѣламъ, ибо въ прежнее время, до закона 3 мая 1883 года, окружные суды смотрѣли на прекращеніе дѣлъ менѣе формально, чѣмъ судебныя палаты, и, зная мѣстныя условія, прекращали дѣла съ недостаточными уликами, по

коимъ никогда не вынесли бы обвинительнаго приговора; законъ 3 мая 1883 года измѣнилъ этотъ порядокъ [1]).

Хотя цифры убѣдительно говорятъ сами за себя, но все-таки они позволяютъ дѣлать сопоставленія только относительныя, исходящія изъ того положенія, что судъ коронный, вѣдающій болѣе простыя, несложныя дѣла, со слабыми наказаніями, *долженъ* выносить оправдательныхъ приговоровъ менѣе, чѣмъ судъ присяжныхъ, вѣдающій болѣе серьезныя и сложныя дѣла, а между тѣмъ выноситъ ихъ болѣе.

Но мы имѣемъ возможность дѣлать сопоставленія суда присяжныхъ съ такимъ судомъ короннымъ, которому подсудны всѣ тѣ дѣла, кои подсудны и окружнымъ судамъ другихъ судовъ, съ участіемъ и безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Мы говоримъ о судахъ варшавскаго округа. Такія сопоставленія въ массѣ дѣлъ, разумѣется, должны дать совершенно точные выводы. Но и здѣсь мы должны имѣть въ виду слѣдующее: извѣстно, что судебные слѣдователи варшавскаго округа находятся въ *гораздо лучшихъ* условіяхъ дѣятельности, чѣмъ судебные слѣдователи другихъ округовъ, и потому, очевидно, слѣдствія ихъ должны носить измѣнчивый характеръ (недостаточную разслѣдованность, о которой мы говорили), въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ,—что, разумѣется, не можетъ не вліять на число оправдательныхъ приговоровъ.

Сдѣлавъ такую оговорку, разсмотримъ слѣдующую сравнительную таблицу, показывающую число оправданій по годамъ, въ варшавскомъ и другихъ округахъ, въ томъ числѣ и одесскомъ:

---

[1]) Это мнѣніе мы высказываемъ не только на основаніи нашихъ личныхъ наблюденій, но и на основаніи мнѣнія, господствующаго среди многихъ судебныхъ дѣятелей, которые долговременнымъ опытомъ убѣдились въ томъ же.

Общее число оправданныхъ и осужденныхъ по всѣмъ округамъ за всѣ годы.

Въ которомъ году.	По варшавскому округу.		ПО ОСТАЛЬНЫМЪ ОКРУГАМЪ.						
			Съ участ. прис. засѣд.		Безъ уч. прис. засѣд.				
	Осуждено подсудимыхъ.	Оправдано подсудимыхъ.	Осуждено.	Оправдано.	Осуждено.	Оправдано.	Всего осуждено.	Всего оправдано.	Процентное отношеніе всѣхъ оправданныхъ.
Въ 1874 году. .	—	—	17088	8369 (32,8%)	5081	1792 (26%)	22169	10161	31,43%
Въ 1875 году . .	—	—	18950	10815(36,3%)	5751	1964 (25,4%)	22701	12779	36,30%
Въ 1876 году . .	—	—	19004	11092(36,7%)	6466	2350 (26,9%)	25470	13442	35,06%
Въ 1877 году . .	4109	1941 (32%)	19483	11567(37,2%)	6490	2670 (28%)	25973	13237	33,76%
Въ 1878 году . .	4582	2361 (34%)	19231	11581(37,6%)	6101	2567 (29,5%)	25332	14148	35,83%
Въ 1879 году . .	5946	2985 (33,4%)	19939	12425(38,3%)	7130	2544 (26,3%)	27069	14969	35,6%
Въ 1880 году . .	7266	3102 (30%)	18987	12631(39,8%)	7675	2504 (24,6%)	26662	14135	36,02%
Въ 1881 году . .	7158	3940 (32,8%)	22691	14386(38,8%)	8105	3079 (27,5%)	30796	17465	36,02%
ИТОГО . . .	29061	14329 (33%)	155373	92866(37,4%)	52799	19470 (27%)	208172	112336	35,0%

Оправданные и осужденные за 1874—1881 года.

Округа	Всѣхъ подсудимыхъ		% Отношение оправданныхъ
	Осуждено	Оправдано	
С.-Петербургскій . . .	15523	8148	34,4
Московскій	61901	30299	32,8
Харьковскій	45182	23682	34,4
Одесскій	24004	16604	40,9
Казанскій	36720	19222	34,4
Саратовскій	20096	11809	37
Кіевскій	4746	2472	34,2
Итого . . .	208172	112336	35,0
За исключеніемъ одесскаго округа	185168	95632	33,7
Варшавскій округъ . .	29061	14329	33,0

Изъ этой таблицы оказывается, что несмотря на громадность цифры оправданій одесскаго округа, все-таки въ варшавскомъ округѣ оправдывалось всѣхъ подсудимыхъ въ 1877, 1878 и 1879 годахъ только около 2% менѣе чѣмъ въ другихъ округахъ, въ 1880 году—6% и въ 1881 году 3,6%, а въ сложности оправдано менѣе на 2%. Если число всѣхъ подсудимыхъ поставить по округамъ, то мы увидимъ:

что только въ одесскомъ округѣ всѣхъ оправданій состоялось 40,9% и въ саратовскомъ 37%, въ остальныхъ же округахъ 34% и въ московскомъ 32,8%; если же исключить изъ суммы подсудимыхъ—подсудимыхъ по одесскому округу, то въ результатѣ получится 95632 оправданій изъ 280800 подсудимыхъ, то есть 33,7%. Столько же оправданій сколько и въ варшавскомъ округѣ (33%)!

Далѣе по пути статистики идти намъ нечего, такъ какъ полагаемъ, что на основаніи приведенныхъ нами нѣмыхъ, но краснорѣчивыхъ цифръ, слѣдуетъ придти къ заключенію, *что судъ присяжныхъ у насъ, за исключеніемъ одесскаго округа, такъ же репресивенъ, какъ и судъ коронный, и въ этомъ отношеніи вообще представляетъ полныя гарантіи общественной и государственной жизни.*

Мы говоримъ представляетъ гарантіи и „вообще“, ибо ошибки въ судѣ присяжныхъ неминуемо должны быть, какъ и во всякомъ судѣ, а въ будущемъ если, наконецъ, обратятъ вниманіе на порядокъ и условія составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, то судъ присяжныхъ у насъ, несомнѣнно, блистательно докажетъ свою жизнеспособность.

Но говорятъ: ошибка ошибкѣ рознь. Всякій судъ долженъ выносить извѣстное число ошибочныхъ приговоровъ, но въ нормальномъ судѣ ошибки будутъ носить совершенно другой характеръ, чѣмъ ошибки суда присяжныхъ, характеромъ которыхъ прямо и несомнѣнно доказывается его непригодность. Коронный судъ, вынося приговоръ, хотя и ошибочно, вмѣстѣ съ тѣмъ искренно убѣжденъ въ правильности его,—онъ заблуждается, но заблуждается честно; тогда какъ въ жизни суда присяжныхъ часто встрѣчались случаи, что послѣ „непонятнаго“ и „несообразнаго“ рѣшенія, нѣкоторые присяжные, желая снять съ себя нравственную отвѣтственность за него, приходили къ судьямъ и заявляли, что они „въ такомъ безобразномъ рѣшеніи неповинны“. Это уже само по себѣ, говорятъ противники суда присяжныхъ, доказываетъ возмутительность рѣшеній присяжныхъ, когда непринимаются

во вниманіе частныя возраженія другихъ товарищей, что встрѣчается очень часто.

На сколько часто встрѣчаются такія возмутительныя рѣшенія — мы опредѣлять не беремся; но на основаніи нашего опыта и нашихъ наблюденій, и имѣющихся у насъ свѣдѣній, мы не рѣшимся сказать, чтобы возмутительныя рѣшенія встрѣчались часто. А если вспомнить все то, что нами было сказано объ условіяхъ дѣятельности суда присяжныхъ, то въ результатѣ окажется, что большинство такихъ ошибокъ объясняется дѣятельностью сторонъ или предсѣдателя. Точно также и заявленія присяжныхъ о несогласіи съ мнѣніемъ большинства ничего не доказываютъ. — Судьямъ коронным предоставляется право остаться при мнѣніи и документально заявить всѣмъ о своемъ несочувствіи приговору, постановленному ихъ коллегами. Присяжные этого права не имѣютъ; поэтому, желая показать несочувствіе свое рѣшенію товарищей, они заявляютъ объ этомъ суду, какъ бы желая этимъ выразить свое отдѣльное мнѣніе; въ этомъ ничего удивительнаго нѣтъ и этимъ вовсе не оцѣнивается характеръ дѣятельности суда присяжныхъ.

Намъ, какъ и всѣмъ судебнымъ дѣятелямъ, не разъ и не два приходилось выслушивать горячее осужденіе приговора, оставшимся при мнѣніи членомъ суда, глубоко имъ возмущеннаго (изъ за пустяковъ, разумѣется, членъ суда не будетъ кипятиться и писать ошибочное мнѣніе). И что же? развѣ изъ такихъ единичныхъ фактовъ можно дѣлать заключеніе о непригодности нашего суда и нашихъ судей? Это доказываетъ стойкость мнѣнія, сложившагося подъ глубокимъ убѣжденіемъ, въ большинствѣ случаевъ, серьезное отношеніе людей къ дѣлу, можетъ быть и заблуждающихся, но заблуждающихся честно, и только; но ни въ какомъ случаѣ не можетъ доказывать того, что *всегда* въ такихъ случаяхъ большинство постановляло „возмутительный приговоръ“. Напротивъ, иногда отдѣльное мнѣніе совершенно несоотвѣтствуетъ дѣлу.

Изъ множества извѣстныхъ намъ подобныхъ случаевъ приведемъ одинъ, нѣсколько комичный, который доказываетъ

какъ несправедливо иногда бываетъ мнѣніе меньшинства. Двадцатилѣтній цыганъ опредѣленіемъ палаты былъ преданъ суду за кражу лошади; единственною уликой противъ него было то, что онъ „цыганъ“; присяжные были почти исключительно крестьяне и казаки. Послѣ оправдательнаго рѣшенія, во время перерыва, присяжные вышли въ комнату, гдѣ они собирались и гдѣ было много постороннихъ, и одинъ изъ присяжныхъ, старый, типичный, но обрусѣвшій казакъ, горячо заспорилъ со своими товарищами. „Якъ же такого вора и миловать?, вінъ лошади буде красть, а мы будемъ ему казати—сдѣлайте милость воруйте? Нѣтъ я такъ не хочу! Пійду до предсѣдателя и кажу ему, что я не хочу быть присяжнымъ! Нехай предсѣдатель разбере насъ!“. Да якъ-же признавать его виноватымъ“, возражаютъ казаку другіе присяжные, „якъ нема ниякихъ доказательствъ? Да вінъ у меня укралъ жеребца? „У васъ?—да когда-же?“ „Да се давні діло було“, отвѣчалъ казакъ, „літъ мабутъ двадцать, або двадцать пять“. „Да вѣдь ему всего двадцать лѣтъ“, возражали казаку. „Такъ что-жъ? Якъ не вінъ украв, такъ его батько, цыганъ“. Взрывъ хохота охладилъ разгорячившагося „возмутительнымъ“ приговоромъ присяжнаго.

Полагаемъ, что съ нами согласится всякій, что сообразность или несообразность приговора опредѣляется соотвѣтствіемъ приговора нашему убѣжденію и потому въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять только этимъ „возмутительность“ приговора безпристрастному, справедливому человѣку—не слѣдуетъ.

Но развѣ есть суды, которые не выносили бы „возмутительныхъ“ приговоровъ и развѣ наши коронные судьи ихъ не выносятъ? Съ полнымъ убѣжденіемъ, имѣя доказательства въ рукахъ, мы отвѣчаемъ на это утвердительно, вовсе не желая бросать упрекъ въ коронный судъ. Коронные судьи тоже люди, и могутъ подвергаться увлеченію точно также, какъ и присяжные. Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Но разница въ ошибкахъ и увлеченіяхъ коронныхъ судей и присяжныхъ та, что первые разсматриваютъ дѣла менѣе интересующія общество, менѣе замѣтныя, и по-

тому ошибки ихъ не обращаютъ на себя вниманія, тогда какъ присяжнымъ всякое лыко ставятъ въ строку. Изъ многихъ приговоровъ судовъ, находящихся у насъ, мы приведемъ для примѣра приговоры двухъ судебныхъ палатъ, доказывающіе, что и наши суды въ этомъ небезгрѣшны (*да и не могутъ быть безгрѣшны*). Мы беремъ приговоры судебныхъ палатъ, такъ какъ очевидно эти высшіе суды, составленные изъ лучшихъ юристовъ, казалось бы, должны быть болѣе свободны отъ ошибокъ.

Нѣкто П., кабатчикъ, былъ преданъ суду за оскорбленіе станового пристава площадными словами, безъ всякаго на то повода, когда приставъ пріѣхалъ къ нему описывать за долги его имущество. Окружный судъ не могъ усмотрѣть никакихъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ, а напротивъ, возмущаясь такимъ поступкомъ, приговорилъ П. къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Судебная палата, по апелляціи П., разсматривая дѣло, (разумѣется, безъ вызова сторонъ и свидѣтелей) нашла — что *заявленіе П., что онъ не былъ въ трезвомъ состояніи* (что опровергалось свидѣтелями) во время совершенія преступленія, *подтверждается* характеромъ всего преступленія и *произносимыми имъ словами, обличающими въ подсудимомъ сильное* раздраженіе и *невѣжество* и потому присудила его только къ полутора-мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ.

Въ данномъ примѣрѣ совершенно не важно, высидитъ ли П. въ тюрьмѣ одинъ или четыре мѣсяца, а интересна эта замѣчательная аргументація, которою палата, на основаніи только одного заявленія подсудимаго, вопреки показанію цѣлаго ряда свидѣтелей, доказываетъ, что П. былъ пьянъ, ибо въ трезвомъ состояніи онъ не можетъ ругаться, хотя произнесенная имъ брань и обличаетъ его сильное невѣжество. Эта аргументація высшаго суда, обязаннаго точно изложить основаніе своего мнѣнія, въ своемъ родѣ замѣчательна.

Другой примѣръ: частный повѣренный З. пришелъ въ канцелярію мироваго съѣзда и обратился къ непремѣнному члену съ просьбою. Получивъ отказъ, онъ вышелъ изъ кан-

целяріи, хлопнувъ дверью, а потомъ возвратился и, просунувъ голову, сказалъ, обращаясь къ непремѣнному члену: „между приказными всегда встрѣчается низость и подлость“; эти обстоятельства вполнѣ были установлены показаніями непремѣннаго члена, секретаря и помощника секретаря съѣзда, занимавшихся въ канцеляріи рядомъ съ непремѣннымъ членомъ, а сторожъ съѣзда К., на котораго ссылался обвиняемый, показалъ, что онъ въ это время въ канцеляріи съѣзда вовсе не былъ и, потому, ничего не слыхалъ и не знаетъ. Судъ приговорилъ З. къ заключенію въ смирительномъ домѣ на три мѣсяца. Палата, по апелляціи З., разсматривая дѣло, пришла „къ необходимости предварительно разъяснить: 1) значеніе произнесенныхъ З. вышеупомянутыхъ словъ, произнесеніе которыхъ онъ не отрицаетъ, и 2) если признать въ нихъ оскорбительное значеніе, то опредѣлить, къ кому именно слова эти относились и, въ частности, относились ли они къ должностному лицу, отправлявшему свои служебныя обязанности? Обращаясь къ разрѣшенію перваго обстоятельства, прежде всего нужно замѣтить, что свидѣтельскими показаніями на судебномъ слѣдствіи вполнѣ выяснено и, вслѣдствіе того, признано и обвинительною властью, что З. произнесъ вышеупомянутыя слова не въ присутственной камерѣ, а выйдя изъ канцеляріи съѣзда, пріотворивъ дверь и стоя на порогѣ. Фактъ этотъ, независимо отъ значенія словъ, вполнѣ доказываетъ (?) отсутствіе намѣренія нанесть лично кому либо оскорбленіе, такъ какъ, выйдя и затворя дверь, нельзя быть увѣреннымъ, что, растворивъ ее вновь, найдешь тѣхъ же самыхъ лицъ въ той же комнатѣ, имѣющей сообщеніе съ другою, и въ томъ же положеніи, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, гдѣ, по показанію самого потерпѣвшаго (?), въ то время никого, кромѣ его самого, не было. Обращаясь за симъ къ самому значенію и смыслу сказанныхъ подсудимымъ словъ, судебная палата находитъ, что въ настоящее время, когда послѣ нѣсколькихъ столѣтій, приказовъ, въ смыслѣ учрежденій, не существуетъ и званія приказныхъ людей нѣтъ, а есть служебное сословіе чиновниковъ, слова подсудимаго являются

безсмысленнымъ анахронизмомъ, не могущимъ имѣть того прямаго, непосредственнаго значенія оскорбленія, какое необходимо для состава преступленій этого рода: не относясь ни къ какому должностному лицу, они не могутъ и оскорбить должностное лицо нынѣшняго времени. Эти же слова, сказанныя въ XVI или XVII столѣтіяхъ, т. е. въ эпоху существованія приказовъ, и только тогда, могли бы признаваться за оскорбительныя. Хотя за разрѣшеніемъ истиннаго значенія вышеупомянутыхъ словъ, второй изъ вышеупомянутыхъ вопросовъ самъ собою отпадаетъ, тѣмъ не менѣе судебная палата не можетъ не обратить вниманія на то, что свидѣтельскія показанія по этому пункту разнорѣчатъ, и въ то время, когда два свидѣтеля—секретрь и его помощникъ, подтверждая показаніе потерпѣвшаго, высказываютъ, что, по ихъ мнѣнію, выраженія эти относились къ непремѣнному члену, одинъ свидѣтель—сторожъ К.—отзывается полнымъ незнаніемъ, а самъ потерпѣвшій говоритъ, что въ канцеляріи никого, кромѣ его, не было. Такимъ образомъ доводы, на коихъ окружный судъ основалъ свой приговоръ, являются лишенными, доказательной силы. Признавъ за силою вышеизложенныхъ соображеній, подсудимаго коллежскаго регистратора З. невиновнымъ въ томъ, что, вслѣдствіе исполненія непремѣннымъ членомъ своихъ служебныхъ обязанностей, нанесъ ему оскорбленіе словами,—судебная палата опредѣляетъ: приговоръ окружнаго суда отмѣнить и З. считать по суду оправданнымъ".

Комментаріи такого приговора излишни, ибо приговоръ говоритъ самъ за себя и доказываетъ, что и коронные судьи несвободны отъ ничѣмъ необъяснимыхъ ошибокъ.

Вотъ почему мы смѣемъ утверждать, что нашъ судъ присяжныхъ по репрессіи нисколько не уступаетъ нашему суду коронному и даже превосходитъ его; что ошибки, встрѣчаемыя въ рѣшеніяхъ присяжныхъ, не могутъ не встрѣчаться, ибо отъ нихъ не свободенъ ни одинъ человѣческій судъ, и что, для полученія еще лучшихъ результатовъ дѣятельности суда присяжныхъ, необходимо немедленно, путемъ административныхъ распоряженій, съ одной стороны—упорядочить дѣя-

тельность судебныхъ дѣятелей, а съ другой—рядомъ законодательныхъ мѣръ, оградитъ присяжныхъ отъ насилованія ихъ совѣсти, а главное, обратить особое вниманіе на условія и порядокъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, памятуя, что лучшій составъ судей даетъ лучшій результатъ суда.

XXIV.

20 лѣтъ протекло со времени открытія новыхъ судовъ Двадцать лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ все общество предводительствуемое печатью всѣхъ оттѣнковъ, встрѣчало новые суды единодушнымъ восторгомъ. Много воды утекло за это время! Восторгъ общества, какъ всякій сильный порывъ, улегся, и мало по малу замѣнился чувствомъ менѣе сильнымъ, но болѣе постояннымъ и желаемымъ,—чувствомъ уваженія и довѣрія къ суду, которымъ не было мѣста въ прежнихъ судахъ. Общество сроднилось съ новыми судами и отношенія общества къ суду установились такія, которыя лучше всего доказываютъ высокую оцѣнку дѣятельности суда и которыя служатъ залогомъ того, что великое преобразованіе судовъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ общественной и народной жизни. Но чѣмъ же объясняется это соотвѣтствіе суда народной жизни и чѣмъ воспиталось довѣріе общества къ суду? Не могло же оно возникнуть само по себѣ только потому, что какой-то новый судъ замѣнилъ старый, безъ какихъ либо внутреннихъ и весьма сильныхъ причинъ? Доктриной суда присяжныхъ довѣріе и любовь къ нему поддерживаться и воспитаться не могли. Не только масса народа, но и не вся образованная часть общества вѣдаетъ о доктринѣ суда присяжныхъ и о политическихъ соображеніяхъ, которыя нѣкоторые доктринеры кладутъ въ основаніе теоріи суда присяжныхъ. Тѣмъ болѣе такія соображенія не могли придти на умъ русскаго общества и народа, что у насъ судъ присяжныхъ менѣе всего носитъ оттѣнокъ политическій и ему весьма разумно приданъ совершенно другой характеръ.

Воспитались эти отношенія общества къ суду присяжныхъ вовсе не теоретическими и политическими соображеніями, которыя, по существу своему, чужды русскому народу. Общество, народъ, видитъ ежедневно этотъ судъ присяжныхъ, чувствуетъ его силу и значеніе на каждомъ шагу—и въ томъ, что онъ наблюдаетъ, онъ находитъ такъ много симпатичнаго, человѣчнаго, чего онъ прежде никогда не видывалъ, что невольно преклоняется предъ нимъ и любитъ его, даже несмотря на его ошибки.

Русскій человѣкъ, прежде всего, человѣкъ добрый, „сердечный“, и по природѣ своей врагъ всякаго педантизма; ему чуждъ тотъ формализмъ, которому охотно подчиняются другія народности, можетъ быть болѣе культурныя, но менѣе его „сердечныя“, добродушныя. Поэтому русскому человѣку всегда будетъ дорогъ тотъ судъ и вообще то учрежденіе, въ которомъ формализмъ не мѣшаетъ смотрѣть правильно на сущность дѣла. Сотни лѣтъ учатъ русскій народъ различнымъ формамъ и срокамъ; много поколѣній смѣнилось за эти годы и все таки ученіе не пошло въ прокъ и народъ никогда не пойметъ этого ученія, или, по крайней мѣрѣ, много лѣтъ еще потребуется для этого ученія. Волею неволею съ какимъ отвращеніемъ къ формѣ, къ педантизму, приходится считаться и закону, и государственной власти, и отдѣльнымъ лицамъ, и мы чуть не ежедневно видимъ уступки въ этомъ отношеніи народнымъ понятіямъ не только со стороны власти, но и со стороны закона. Отсюда становится понятнымъ, что русскому народу всегда будетъ чуждъ судъ формальный, рѣшающій дѣла не „по душѣ“.

Хотя и сложилась поговорка, что русскій человѣкъ „заднимъ умомъ крѣпокъ“, но въ дѣйствительности у него такъ много здраваго смысла, что онъ скоро даетъ вѣрную оцѣнку всему, соприкасающемуся съ нимъ въ его жизни, и легко находитъ въ немъ слабыя и сильныя стороны. Тамъ, гдѣ иной ученый изслѣдователь потратитъ много чернилъ и бумаги для опредѣленія характера какого либо явленія, тамъ иногда одно народное замѣчаніе, одно слово, рисуетъ вѣр-

ный взглядъ, вѣрную оцѣнку его.—Знающіе русскій народъ знаютъ и это. Немудрено, что народу съ такими особенностями духа, съ почти дѣтскимъ добродушіемъ, полюбился судъ, рѣшающій существо дѣла внѣ формальностей, по разуму и сердцу, *„по правдѣ“*, какъ говоритъ народъ. Эта увѣренность, что присяжные *„разберутъ дѣло по правдѣ“*, до такой степени глубоко укоренилась въ народномъ сознаніи, что она невольно сообщается даже подсудимымъ. Благодаря этому судебные дѣятели могутъ наблюдать замѣчательное явленіе:—изъ года въ годъ увеличивающееся число сознающихся подсудимыхъ, обычные отвѣты которыхъ въ прежнее время—„знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, все рѣже и рѣже слышатся на судѣ и на слѣдствіи. Особенно это замѣтно было въ первое время по открытіи судовъ.

Какъ сейчасъ помнимъ одинъ фактъ, ярко подтверждающій наши слова. Во время производства слѣдствія объ убійствѣ одного крестьянина снохою его, къ которой онъ, въ отсутствіе мужа, сперва приставалъ съ любовными предложеніями, а потомъ, получивъ рѣшительный отпоръ, билъ и притѣснялъ, такъ что ей, снохѣ, стало „не въ моготу терпѣть мученическія муки“, сноха, молодая крестьянка, стоя предъ судебнымъ слѣдователемъ упорно смотрѣла ему въ глаза и твердила одно: „я ничего про это дѣло не знаю“. Вдругъ изъ сосѣдней комнаты волостнаго правленія (гдѣ производилось слѣдствіе и гдѣ стояло много народа) вышелъ почтеннаго вида крестьянинъ и, обращаясь къ обвиняемой, горячо сталъ ей говорить: „ахъ дура ты баба! чего ты молчишь? помолись на святую икону, да говори ихъ благородіямъ правду. Нешто изверги будутъ тебя судить? Нешто судьи не разберутъ твое „страдальное“ дѣло. Вонъ спроси Петра Климыча (бывшаго присяжнымъ) какъ они судили. Нешто судьи даромъ человѣческую душу загубятъ....“ Замѣчательной рѣчи своей крестьянинъ не успѣлъ закончить, потому что обвиняемая упала на колѣни, слезы полились изъ ея глазъ и она созналась.

Много подобныхъ примѣровъ извѣстно намъ и всѣмъ су-

дебнымъ дѣятелямъ и всѣ эти примѣры только подтверждаютъ наши слова и, потому, не однимъ приведеннымъ случаемъ, а массою ихъ доказывается, какъ глубоко народное сознаніе, что новый судъ, судъ присяжныхъ, не загубитъ человѣческую душу и разберетъ всякое „страдальное“ дѣло „по правдѣ“, по совѣсти.

Разумѣется это сознаніе не могло бы родиться и воспитаться въ народѣ и обществѣ коронным судомъ. Какъ ни былъ бы хорошъ коронный судъ, по своему составу и своимъ традиціямъ, онъ не можетъ вполнѣ удовлетворить понятію русскаго народа о „судѣ по правдѣ“, ибо никакой коронный судъ—чистый или смѣшанный (съ шеффенами)—не можетъ не считаться съ формальной стороной дѣла, не можетъ обойти ея [1]). Тамъ, гдѣ судъ присяжныхъ отвѣтомъ „да, виновенъ“, или „нѣтъ, не виновенъ“, прямо и непосредственно отвѣчаетъ понятію общества о необходимости или ненужности возмездія, тамъ коронный судъ долженъ или прибѣгать къ софизмамъ (образчики котораго мы видѣли), или постановлять приговоры, прямо противорѣчащіе понятію общества о необходимости возмездія. И то и другое всегда будутъ противны русскому обществу и народу, и потому такой судъ никогда не удовлетворитъ его [2]).

---

[1]) Нужно имѣть еще въ виду, что у русскаго народа *исторически* сложилось недовѣріе къ коронным судьямъ, которое только въ послѣднее время, по открытіи новыхъ судовъ, мало по малу исчезло. Возникшее довѣріе къ коронным судьямъ, разумѣется, въ значительной степени, должно быть объяснено вліяніемъ суда присяжныхъ.

[2]) Смѣшанный судъ—судъ шеффеновъ, подъ предсѣдательствомъ коронаго судьи, разумѣется, будетъ носить въ себѣ всѣ недостатки формальнаго суда, со всѣми недостатками суда выборнаго, потому что коронный судья, очевидно, будетъ не только предсѣдать въ судѣ, но будетъ и руководить рѣшеніями суда, т. е. въ сущности будетъ единоличнымъ вершителемъ дѣлъ скрывающимся только за спиною шеффеновъ. То, что можетъ быть терпимо въ военномъ судѣ, въ силу условій военной службы и дисциплины, то не будетъ пригодно въ судѣ гражданскомъ, дѣйствующемъ при другихъ условіяхъ.—Въ судѣ гражданскомъ это будетъ судъ единоличный, который не мо-

Противъ суда присяжныхъ поднимается иногда шумъ и крикъ, когда присяжные выносятъ „непонятный“ оправдательный вердиктъ, особенно по громкому дѣлу. Такіе непонятные вердикты должны встрѣчаться неминуемо, когда судъ присяжныхъ разсматриваетъ не десять - двадцать дѣлъ въ годъ, а 30,000! Но какъ ничтожно должно быть число „непонятныхъ“ рѣшеній, если они указываются противниками суда только очень, очень рѣдко. Вѣдь если бы они были бы обыденнымъ явленіемъ въ жизни суда присяжныхъ, то, разумѣется, каждый день указывали бы на нихъ.

Говоря о преимуществѣ суда присяжныхъ и утверждая, что никакой коронный судъ не можетъ вызвать въ русскомъ народѣ такого искренняго чувства къ нему, мы далеки отъ мысли бросать упрекъ коронному суду и нашимъ коронным судьямъ. *Заслуга короннаго суда другая, болѣе важная, но менѣе замѣтная.* Судъ присяжныхъ только тогда можетъ быть правильно поставленъ, когда общество, а слѣдовательно и присяжные, относится съ полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ суду, ибо, въ противномъ случаѣ, правильный судъ присяжныхъ немыслимъ. Судебные дѣятели это поняли *и своею осторожною и порядочною дѣятельностью заслужили довѣріе къ себѣ, т. е. къ суду, въ чемъ и заключается ихъ великая заслуга предъ обществомъ, которая не бросается въ глаза, но понимается всѣми. Общество сознаетъ, что успѣхъ суда присяжныхъ у насъ, въ значительной степени, если не вполнѣ, зависѣлъ отъ короннаго суда, въ особенности въ первое время.*

И вотъ, всѣмъ этимъ судъ присяжныхъ до такой степени сроднился съ обществомъ и народомъ, до такой степени сталъ

жетъ быть пригоденъ уже потому, что свой характеръ и свои недостатки онъ будетъ скрывать подъ маскою суда выборнаго и вполнѣ безотвѣтственнаго. Вотъ почему, по глубокому нашему убѣжденію, судъ шеффеновъ не только не принесетъ пользы дѣлу суда, но причинитъ прямой вредъ. Вотъ почему насъ и удивляютъ появляющіяся въ послѣднее время въ печати мнѣнія о необходимости замѣны суда присяжныхъ судомъ шеффеновъ, замѣны того суда, который имѣетъ, до нѣкоторой степени, историческую почву подъ собою, судомъ нѣмецкимъ“, совершенно чуждымъ духу русскаго народа.

ему дорогъ, что уничтоженіе его, разумѣется, не забылось бы такъ скоро, какъ уничтоженіе другихъ какихъ либо учрежденій.

Въ прошлое царствованіе, изъ всѣхъ реформъ выдѣляются по своей великости двѣ реформы: крестьянская и судебная,—и дни 19 февраля и 20 ноября никогда не забудутся русскимъ обществомъ. Русскіе люди самыхъ различныхъ убѣжденій одинаково восторженно встрѣтили ихъ. Вотъ что писалъ одинъ русскій человѣкъ по поводу открытія новыхъ судовъ:

„Немногое изъ того, что совершилось прежде, и немногое изъ того, что можетъ намъ обѣщать впереди самый широкій прогрессъ, можетъ сравниться съ этимъ великимъ преобразованіемъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ и плодотворныхъ условій цивилизаціи есть правильное судебное устройство и его впервые получаетъ теперь Россія. Народная жизнь, гдѣ стихія права не имѣетъ надлежащаго развитія, неспособна ни къ какому благоустройству и находится въ состояніи варварства и безсилія. Все, чѣмъ только дорожитъ человѣческое общество, предполагаетъ прежде всего идею законности и обезпечивается прежде всего его развитіемъ и осуществленіемъ въ жизни....Съ судебнымъ преобразованіемъ входитъ въ нашу жизнь совершенно новое начало, которое положитъ явственную грань между прошедшимъ и грядущимъ и которое не замедлитъ отозваться на всемъ....

Судъ, отправляемый публично и при участіи присяжныхъ, будетъ живою общественною силою, и идея законности права станетъ могучимъ дѣятелемъ народной жизни....Только благодаря этому нововведенію, то, что называется законною свободою и обезпеченіемъ права, будетъ уже не словами, а дѣломъ. Великое преобразованіе!“ (1866 г. № 86 Москов. Вѣдом.).

„Новый, вступающій въ жизнь порядокъ, встрѣчается старыми понятіями и навыками (въ чемъ они заключались— поясняется въ другомъ мѣстѣ, словами: „до сихъ поръ администрація была все во всемъ“) и весьма естественно возникаетъ опасеніе, что онъ будетъ понимаемъ неправильно, что

будутъ дѣлаемы разнаго рода попытки подорвать его силу. *Такъ всегда и вездѣ бываетъ. Такъ, по всему вѣроятію, будетъ и съ тѣми нѣрядками, которые возникаютъ въ Россіи,* вслѣдствіе великихъ и всеобъемлющихъ реформъ, долженствующихъ положить ясную черту между прошедшимъ и грядущимъ. А потому правительство и общество должны соревновать въ заботахъ о томъ, чтобы сохранилась основная мысль преобразованія и чтобы въ новое судебное устройство не прокралось чего либо въ ущербъ его достоинству и самостоятельности". (Моск. Вѣдом. 1866 г. № 156).

Этимъ пожеланіемъ, которое, безъ сомнѣнія, единодушно раздѣлятъ съ нами и наши читатели, мы и заканчиваемъ наши очерки.

Объ изданіи въ 1887 году

ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ Іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 и болѣе листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки . **8** р.	съ пересылкой въ другіе города . . **9** р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . **8** р.**50**к	за-границей . . . . . **12** р.

отдѣльно книга журнала . . . . **2** р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА,** платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города **13** р. **50** к.

Рѣшенія касс. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается. Гг. студенты университетовъ и кандидаты на судебныя должности, удостовѣрившіе свое званіе, пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к.

Подписка принимается: въ конторахъ Журнала—при книжныхъ магазинахъ *Анисимова*: въ С.-Петербургѣ, рядомъ съ Публичною Библіотекою и въ Москвѣ, на Никольской улицѣ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Оставшіеся (въ количествѣ десяти комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1880 (въ одномъ экземплярѣ безъ 4-й книги) 1881, 1883, 1884, 1885 и 1886 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Выписывающіе одновременно весь комплектъ за шесть лѣтъ, уплачиваютъ 42 руб. съ пересылкою и 30 руб. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володимировъ.**

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ. Раздѣлъ I. 1883 г. Цѣна **40** к.

2) ВОЕННО-СУДЕБНЫЙ УСТАВЪ 1884 и 1885 года. Раздѣлы II III и IV. Цѣна **60** к.

3) УСТАВЪ ДУХОВНЫХЪ КОНСИСТОРІИ 1884 г. Цѣна **40** к.

4) УСТАВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВѢДОМСТВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ Цѣна **25** к.

5) ПРАВИЛА О РАЗДРОБИТЕЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ КРѢПКИХЪ НАПИТКОВЪ. Цѣна **25** к.

6) РУКОВОДСТВО КЪ УГОЛОВНОМУ ПРОЦЕСУ. Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна **1** р. **25** к. Выпускъ II. Цѣна **75** к.

7) А. Ф. КИСТЯКОВСКІЙ И ЕГО УЧЕНЫЕ ТРУДЫ. Рѣчь В. М. Володимірова. Цѣна **25** к.

8) О ПРЕСѢЧЕНІИ ОБВИНЯЕМОМУ СПОСОБОВЪ УКЛОНЯТЬСЯ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА. Изслѣдованіе проф. А. Ф. Кистяковскаго. Цѣна 1 р вмѣсто 1 р. 25 к. (осталось 12 экземпляровъ).

9) О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ, НАКАЗУЕМЫХЪ ТОЛЬКО ПО ЖАЛОБѢ ПОТЕРПѢВШАГО, ПО РУССКОМУ ПРАВУ. Соч. А. Фонъ-Резона. Цѣна 1 р. вмѣсто 1 р. 50 к.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 25%; при покупкѣ же на 100 руб. 35%.

2007339140